

**А.В.СУВОРОВ ,
доктор психологических наук**

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

(СБОРНИК СТАТЕЙ)

**ОБ АНТРОПОЛОГИИ И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ
(ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ФАНТАЗИЯ)**

Посвящается академику
Борису Михайловичу Бим-Бадю.

Теоретическая фантазия - потому, что будет преобладать логический анализ, а на сколько-нибудь полный обзор фактического материала и литературных источников, - тем самым на оценку современного состояния науки, - претендовать не могу. Думаю к тому же, что ни одна теоретическая модель, никакая система художественных образов не могут быть абсолютно адекватны реальности, чего-нибудь да не ухватывают, не учитывают, поскольку всегда есть что познавать и осмысливать, - теоретически ли, художественно ли. На всезнайство претендует разве что вульгарный материализм /1/, объявляющий несуществующим всё, чего он не знает, что не лезет в прокрустово ложе его догм. Если же скромно сознавать неполноту, недостаточность наших знаний, стремиться оставаться в своём творчестве открытым безграничной области неведомого, то так или иначе не приходится отвергать релятивизм, признавая лишь относительную адекватность всех наших попыток осмыслить бытие (равно как и небытие) в теоретических ли понятиях, в художественных ли образах. Как бы мы ни стремились к точности своего осмысления мира, мы всегда в какой-то - большей или меньшей - степени фантазируем на его счёт.

Потому-то, не претендуя не только на обладание абсолютной истиной, но и на какую бы то ни было оценку современного состояния науки, я нижеследующие свои размышления характеризую как теоретическую фантазию. Так хоть оно честнее, - не скажут, что влез на ходули...

Термин "антропология" в истории науки известен давно, и вкладывалось в него разное содержание. Антропологическим называл своё понимание сущности христианства Людвиг Фейербах, имея в виду, что на религиозных небесах отражаются только представления людей о самих себе /2/. Под антропологией при этом понималось именно то, что и следует понимать при буквальном переводе термина ("antropos" - человек,

"Logos" - знание или слово), - человековедение, человекознание в самом широком смысле, всё, что знают о человеке все науки, в том или ином аспекте, с той или иной точки зрения его изучающие.

Поэтому питомец той же теоретической школы, что и Фейербах, Фридрих Энгельс, классифицируя естественные науки в "Диалектике природы" (представляющей собой, кстати, блестящий образец теоретического фантазирования, свободного полёта теоретической мысли, подкреплённой широчайшей эрудицией), заметил, - в одной фразе объединив геологию и антропологию: "В конце прошлого века закладываются основы геологии, в новейшее время - так называемой (неудачно) антропологии, опосредствующей переход от морфологии и физиологии человека и его рас к истории" /3/.

Почему Энгельс считал название новой отрасли естествознания "неудачным"? Да потому, во-первых, что в привычной ему с юности терминологической традиции в термин "антропология" вкладывался куда более широкий смысл, адекватный прямому значению составляющих термин слов. Смысл этот для Энгельса, очевидно, сам собой подразумевался, да и процитированная фраза взята из подготовительных материалов к будущей книге, то есть из заметок для себя, а не для печати. Там Энгельс вправе был ограничиться намёком.

Во-вторых, этот намёк расшифровывается Энгельсом в "Роли труда в процессе превращения обезьяны в человека", где исследование заявленной темы в конце плавно переходит в анализ противоречий "господства" человека над природой, и "истинной антропологией", собственно изучающей человека, а не только его происхождение, оказывается... политическая экономия. А что, логично! Ведь Маркса и вслед за ним Энгельса не производственные отношения сами по себе интересовали, а именно человек и "ансамбль всех общественных отношений" человека, - интересовала сущность человека в том понимании, которое сформулировано Марксом в "Тезисах о Фейербахе" /4/. Они исследовали сущность человека, то есть занимались антропологией в смысле человекознания вообще, и это исследование завело их в политическую экономию, в которой они, стало быть, истинную антропологию и узрели. Такова уж была логика их антропологических исследований.

В той же "Диалектике природы" Энгельс размышляет и над проблемой возникновения живой природы вообще: вечно ли она существует (принцип Реди: "живое из живого"), или каким-то образом возникает из природы неживой? Обоснованием одного из этих ответов, - первый: живое из живого, и второй: живое когда-то возникло из неживого, - вот уже несколько столетий занимаются два борющихся, полемизирующих между собой направления в биологии. Для Энгельса "жизнь есть способ существования белковых тел, существенным моментом которого является **ПОСТОЯННЫЙ ОБМЕН ВЕЩЕСТВ С ОКРУЖАЮЩЕЙ ИХ ВНЕШНЕЙ ПРИРОДОЙ** . о, причём с

прекращением этого обмена веществ прекращается и жизнь, что приводит к разложению белка" /5/. К этой дефиниции примечание: "И у неорганических тел может происходить подобный обмен веществ, который и происходит с течением времени повсюду, так как повсюду происходят, хотя бы и очень медленно, химические действия. Но разница заключается в том, что в случае неорганических тел обмен веществ разрушает их, в случае же органических тел он является необходимым условием их существования" /6/.

Однако принцип Реди, насколько я смог прочесть, обосновывал и такой крупный натуралист и мыслитель, как В.И. Вернадский (гипотеза "заражения" Земли спорами микроорганизмов из космоса). Спор

продолжается, и накапливаются аргументы в пользу обеих гипотез, и к гипотезе "живое из живого" именно в связи с проблемой происхождения человека склоняется российский исследователь Э.Р. Мулдашев. Газета "Аргументы и факты" /7/ опубликовала интервью с ним, на котором стоит остановиться подробнее.

В вопросе о происхождении человека принцип "живое из живого" звучит как "разумное из разумного", а противоположный - как "разумное из неразумного". Что-то не слишком-то похоже на разумных существ иные, и весьма многочисленные, представители биологического вида *Homo Sapiens*. И нет надежды, что эти неразумные существа образуются в пределах своего существования от рождения до смерти. И всё слабее надежда, что будет уменьшаться процентное отношение явно неразумных представителей указанного биологического вида - к разумным представителям разумного рода человеческого, анатомо-физиологически принадлежащим к тому же биологическому виду. Если Дарвин прав, что наш биологический вид произошёл от обезьян, то явно неразумные особи этого вида, похоже, так обезьянами и остались, и останутся во веки веков, аминь. Уже поэтому как-то осторожнее, что ли, относишься к принципу "разумное из разумного", - по крайней мере, не отбрасываешь его с порога. Да и термин "мистика" стремительно перестаёт быть ругательством...

Вообще-то Э.Р. Мулдашев - врач-офтальмолог, и в антропологию пришёл из медицины, в силу логики своих именно медицинских исследований. Всё началось именно с глаз.

"В своё время, - рассказывает Э.Р. Мулдашев, - мы задались вопросом: почему во время разговора мы смотрим друг другу в глаза? Компьютерно-математический взгляд способен воспринимать 22 геометрических параметра в области глаз, которые меняются под воздействием страха, тревоги, радости, болезней и других факторов. Мозг человека моментально анализирует это, получая дополнительную информацию.

"Затем мы взяли фотографии представителей всех рас мира и высчитали параметры "среднестатистических глаз", которые принадлежали, как выяснилось, тибетской расе. После этого мы разложили все фотографии по степени математического приближения к параметрам среднестатистических глаз, в результате чего получили пути распространения человечества по земному шару из Тибета, которые удивительным образом совпали с историческими фактами. ...

"Валерий Лобанков... специально выезжал в Тибет и нашёл, что

каждый тибетский храм, как "визитная карточка", имеет изображение необычных глаз. Фотографии этих глаз мы подвергли компьютерному математическому анализу, в результате которого удалось воспроизвести внешность обладателя этих глаз. Она оказалась весьма странной: очень большой череп, клапан вместо носа, третий глаз и прочее. Кто это был? Сопоставив литературные данные (Нострадамус, Е.П. Блаватская и др.), мы выдвинули предположение, что таким мог быть облик человека предыдущей цивилизации - легендарного Атланта. ...

"Мы серьёзные учёные, а не охотники за сенсациями. Поэтому занимались офтальмогеометрической компьютерной съёмкой, сбором религиозных и исторических фактов, анализом полученных фактов с точки зрения современной медицины и физики поля. Мы старались составить логическую цепочку разнородных данных. ...

"Информацию мы собирали у тибетских лам и индийских свами самого высокого ранга, которые, как нам сказали в университетах Дели и Катманду, не склонны к фантазии и являются людьми высочайшего уровня

восточного образования.

"По данным литературы (древние книги религии Помпо, книги индийских свами, Е.П. Блаватской и др.), цивилизация атлантов в основной массе погибла 850000 лет тому назад и только на небольшом острове Платона она сохранялась до 10-го тысячелетия до н. э., имея контакты с древними египтянами. Атланты делились на четыре основные расы: жёлтую, чёрную, красную и коричневую, между которыми постоянно шли войны. Главным оружием в этих войнах был дистанционный гипноз, так как они имели развитый "третий глаз" как орган настройки на частоты психической энергии.

"Атланты знали рецепты ковкого стекла, невыцветающих красок и многого другого, но самое главное - они могли с помощью своей психической энергии настроиться на волновые элементы камня, противодействуя силе гравитации, что давало им возможность перемещать огромные тяжести. ...

"По данным современной физики, как утверждает наш специалист в этой области Валерий Лобанков, мир психической энергии (тонкий мир) основан на полях кручения пространства-времени (торсионных полях), обладающих высокой скоростью распространения в виде высокочастотных колебаний и способных хранить информацию обо всём. Во времена предыдущей, более развитой цивилизации атлантов, как свидетельствуют древние религиозные источники, информационно-энергетический сгусток (дух), "причитающийся" рождённому ребёнку, постоянно сохранял связь с космическим разумом, в связи с чем ребёнок сразу получал определённый набор знаний, которые пополнялись оттуда по мере его развития.

"К сожалению, знания, получаемые из всеобщего информационного пространства, использовались атлантами не только во имя созидания - добра, но и для ведения бесконечных войн между собой". (Следовательно, не такими уж они были разумными: что же разумного в войне? - А.С.)

"Именно из-за этого высший разум отключил следующую, после гибели атлантов, нашу цивилизацию от всеобщего поля знаний.

"Поэтому люди нашей цивилизации вынуждены учить своих детей говорить, писать, читать... Хотя есть исключения. Это дети, имеющие особую, неожиданную для всех одарённость. ...

"Понятие "генофонд человечества" мы ввели сами. Всё началось с изучения так называемого сомати (somadhy). ...

"...Во всех религиях Востока... понятие сомати является одним из наиболее узловых, так как считается, что только через сомати можно достигнуть главного предназначения человека пражны (мудрости).

"Медитируя, человек старается освободиться от негативной психической энергии, обычно используя для этого силу сострадания к кому-либо или чему-либо". (Как можно сострадать "чему-либо"? - А.С.)

"У человека понижается обмен веществ, реже становится пульс и дыхание, и он чувствует, что душа его выходит из тела, которое он "видит" со стороны как красивую машину. В этом состоянии человек наяву понимает главенствующую роль души.

"Состояние глубокого сомати характеризуется снижением обмена веществ до нуля, остановкой пульса и дыхания и переходом тела в так называемое "каменно-стальное состояние". Тело при этом становится очень плотным, способным долго сохраняться при особых условиях и ожить при возвращении души в тело." (Ничего себе! а как же быть с энгельсовским определением жизни, главный признак наличия которой - именно обмен веществ? - А.С.)

Дальше Э.Р. Мулдашев рассказывает о том, что существуют хранилища людей в состоянии сомати, где они при температуре +4 градуса Цельсия сохраняются столетиями и тысячелетиями. Эти хранилища - пещеры,

подземные храмы, пирамиды типа египетских, даже океан, - и содержат в себе "генофонд человечества". Снова предоставляю слово Э.Р. Мулдашеву:

"...Во-первых, людей в состоянии сомати в пещерах много!

Во-вторых, часть из них имеет большой округлый череп, часть - большой башневидный, часть - обычный. Люди с большими черепами крупнее и имеют массивное туловище.

"Уши есть у всех, причём довольно большие. Размеры носа колеблются у разных людей от очень маленького до носа обычного размера; причём маленький нос чаще имеют люди с большими черепами.

"Глаза у всех полузакрыты. У одних людей глаза очень большие, у других - обычного размера. Рот у всех закрыт. Пальцы рук сжаты, судить о наличии перепонки трудно". (Я пропустил выше: у атлантов перепонки между пальцами рук до половины длины пальцев. - А.С.) "Тела людей имеют телесный цвет с восковидным оттенком. ...

" - А вы сами были в пещере?

" - Из всей нашей группы туда входил только я. ...

"Здесь есть моменты, о которых я не имею права говорить. ...Людей предыдущих цивилизаций я не видел, поскольку никто не имеет права их беспокоить. ...

"Знаете, чего хотят все, - чтобы мы предоставили фотографию в обнимку с живым атлантом или принесли его тело для медицинского вскрытия. Но любой посторонний человек торсионными полями своей души будет дестабилизировать состояние сомати, что может привести к нежелательным последствиям вплоть до гибели тела или преждевременного оживления. Это может обернуться колоссальным грехом.

"Мы ищем иные доказательства существования генофонда человечества. В частности, скоро мы встретимся и тщательно обследуем человека, который прожил уже триста лет, ежегодно входя в сомати на полгода. Есть другие подходы "безвредных" исследований. ...

"Объединяющим же моментом всех цивилизаций на Земле, я думаю, является генофонд человечества. Он нужен, чтобы быть:

"- праотцом или праматерью новой цивилизации в случае гибели или деградации предыдущей;

"- пророком, используя свои знания для предупреждения регресса и одичания человечества.

"После гибели атлантов 850000 лет тому назад человечество на Земле возрождалось в разных уголках земного шара за счёт генофонда неоднократно, но каждый раз наступали регресс в развитии общества и одичание людей. ...

"Нам кажется, что попытка возрождения нашей цивилизации наконец-то удалась только 18013 лет тому назад" (в 16017 году до н.э. - А.С.), "когда в качестве праотца выступил Помпо-Будда (предположительно - ранний атлант). И только после корректировки пути развития человечества пророками (Будда, Иисус Христос и др.) начался постепенный прогресс. ...

"Для противодействия религиозным противоречиям" (в том числе религиозным войнам. - А.С.), "я думаю, наступило время подумать о создании единой религии человечества" (выше Э.Р. Мулдашев даже обронил термин "научная религия". - А.С.). "Особо больших духовных препятствий для этого нет, ведь бог един. Кроме того, имеет место факт происхождения человечества из единого корня - генофонда человечества, который не может быть мусульманским, христианским, иудейским и другим.

"Тысячи лет религия в том виде, в каком она есть, служила людям. Сказочность и аллегоричность преподнесения материала устраивала людей. Но догм не бывает. Религия тоже должна развиваться".

Всё это настолько непривычно, по крайней мере для меня, что я не

решился излагать своими словами, поэтому получилась такая длинная выписка.

Попытки исследования "тонкого мира" предпринимаются давно, и нынешний штурм его далеко не первый. Сегодня, забыв костры инквизиции, наука сочетается браком с религией, дабы произвести на свет "научную религию".

Я читал в периодической печати, что физики Санкт-Петербурга на основе компьютерных технологий разработали метод определять наличие либо отсутствие, а так же сравнительную мощь экстрасенсорных способностей, и тем, кто прошёл у них проверку, выдают сертификаты на право заниматься целительской деятельностью. Парижские физики открыли атомы антиводорода, и в публикации по этому случаю каких только чудес не понаписано про антимир, движение времени вспять, отсутствие смерти (вместо неё - переход в антимир, своего рода кругооборот: здесь умер, там воскрес и, постепенно помолодев до младенческого состояния, родился здесь)...

Обалдело скребёшь затылок: какой же мистификатор будет так любезен и предупредит, что собирается морочить вам голову? Как всё это переварить? И тут, мне кажется, стоит всё же прислушаться к иронической рекомендации опять же Энгельса, который в уморительно остроумной статье "Естествознание в мире духов" пишет следующее:

"Г-н Крукс начал исследовать спиритические явления приблизительно с 1871 г. и применял при этом целый ряд физических и механических аппаратов: пружинные весы, электрические батареи и т.д. Мы сейчас увидим, взял ли он с собой главный аппарат, скептически-критическую голову, и сохранил ли его до конца в пригодном для работы состоянии" /8/.

А Крукс, как и другие фигурирующие в статье джентльмены, - далеко не худший, по признанию самого Энгельса, представитель тогдашнего естествознания. В устах же такого язвительного мыслителя "далеко не худший" - значит: один из лучших. Ведь даже самого Исаака Ньютона Энгельс не постеснялся обозвать "индуктивным ослом"...

Современная Энгельсу наука к энергии только ещё подбиралась. Такого физического понятия, как "масса покоя", в то время не существовало. Речь идёт об элементарных частицах (типа фотона), имеющих хоть какую-то массу только на огромных скоростях, а при попытке "остановить" эти частицы масса исчезает; вот эта-то масса, остающаяся - если остающаяся - при полном отсутствии движения, в покое, и есть - "масса покоя". Это значит, что масса и энергия взаимно переходят, превращаются друг в друга. И вокруг любого количества массы обязательно есть энергетическое поле с теми или иными специфическими свойствами, причём поле вокруг живых тел характеризуется изменчивостью.

Поэтому, когда меня ещё при советской власти спрашивали, что я думаю об экстрасенсах, я отвечал спокойно, что существует - соматическая медицина, воздействующая на тело непосредственно химическими препаратами или как-нибудь по-другому; почему бы не предположить, что грядёт медицина энергетическая, воздействующая на тело через его энергетическое поле, в том числе и посредством экстрасенсорики? Был у меня и другой ответ, связанный с теорией воображения и гипотезой насчёт "шестого чувства", - что просто работает интуиция, мобилизующая резервы, в обычных условиях не востребованные, - но это отдельный разговор, для особой "теоретической фантазии".

Что касается антимира, то тут мне сразу вспоминается

научно-фантастический роман И.А. Ефремова "Час Быка", в котором студент далёкого будущего Кими критикует современные представления об антиматерии:

"- Подумайте только! - воскликнул Кими. - Они считали, что перемена поверхностного заряда частицы изменяет все свойства материи и превращает "нормальное" вещество нашего мира в антивещество, столкновение с которым якобы должно вызвать полную аннигиляцию материи! Они вглядывались в черноту ночного неба, не умея ни объяснить её, ни понять того, что подлинный антимир тут же, рядом, чёрный, беспросветный, неощутимый для приборов, настроенных на проявление нашего, светлого мира...

"- Не горячись, Кими, - остановил юнца учитель. - ...Попробуйте на миг представить, что, открывая сотни элементарных частиц в микромире, они не знали ещё, что всё это лишь разные аспекты движения на разных уровнях анизотропной структуры пространства и времени" /9/.

Белорусский философ К.А. Манеев в результате чисто диалектико-логического анализа данных современной физики пришёл к выводу, что вся вселенская информация не может храниться ни в каких дискретных формах материи, потому что эти формы подвержены разрушению. Для вечного - действительно вечного, без каких-либо ограничений, - хранения вселенской информации нужно такое энергетическое поле, которое было бы только протяжённым, без каких-либо дискретных образований, хотя бы самых мельчайших, то есть не только без атомов, но и без элементарных частиц, - без каких бы то ни было частиц вообще, ибо любая частица дискретна. Манеев выдвинул гипотезу о биополево́й континуальной формации, где вечно хранится информация, и откуда её, видимо, можно извлечь, решив тем самым проблему личного бессмертия, хоть и в каком-то другом, не обязательно углеродном, телесном воплощении. Словом, д'уши Манеев помещает в протяжённое в бесконечность и вечность энергетическое поле /10/.

Э.Р. Мулдашев, как мы видели, прямо говорит об энергетической, полево́й природе души, выделяя некую специфическую энергию - психическую, в существовании которой ничуть не сомневается.

Впрочем, существование если не души, то чего-то на неё похожего признаёт в "Диалектике природы" и Энгельс, когда касается диалектики жизни и смерти, - при этом, правда, ссылаясь почему-то только на физиологию: "Уже и теперь не считают научной ту физиологию, которая не рассматривает смерть как существенный момент жизни..., которая не понимает, что ОТРИЦАНИЕ . о жизни по существу содержится в самой жизни, так что жизнь всегда мыслится в соотношении со своим необходимым результатом, заключающимся в ней постоянно в зародыше, - смертью. Диалектическое понимание жизни именно к этому и сводится. Но кто однажды понял это, для того покончены всякие разговоры о бессмертии души. Смерть есть либо разложение органического тела, ничего не оставляющего после себя, кроме химических составных частей, образовывавших его субстанцию, либо умершее тело оставляет после себя некий жизненный принцип, нечто более или менее тождественное с душой, принцип, который переживает 1 ВСЕ о живые организмы, а не только человека. Таким образом, здесь достаточно простого уяснения себе, при помощи диалектики, природы жизни и смерти, чтобы устранить древнее суеверие. Жить значит умирать" /11/. И наоборот: умирать значит жить.

Э.В. Ильенков в работе "Что же такое личность?" переосмысливает предмет психологии как науки именно о душе, то есть о личности. Личность не сводится к телу, личность - это "печать идеального, наложенная на" биологическое тело, и только с этой "печатью" тело можно признать так же и человеческим. Разумеется, не приходится

оспаривать, что в известной мере какова личность, таково и её тело, и для иллюстрации этой мысли Э.В. Ильенков ссылается на бальзаковского Гобсека, имеющего ""сухопарые, как у оленя, ноги", на которых ростовщик весь день бегаёт по Парижу" /12/.

Идеальное и материальное Э.В. Ильенков включает в контекст человеческой деятельности, в котором материальное оказывается тождественно не столько с "материей" как чем-то таким, из чего состоит мир (будь то масса или энергия), сколько с предметом преобразования, материалом для воплощения человеческих замыслов, целей, идей. В результате целенаправленной преобразовательной деятельности на материал и накладывается "печать идеального", печать воли преобразователя, то есть материал приводится в соответствие с идеями преобразователя, его потребностями /13/. В этом смысле "печать идеального" - в сущности то же самое, что и "божественная печать", подразумевающая соответствие творения божьего - мира - его божественному замыслу, воле Творца. Просто на месте Бога - человечество, а творение - очеловеченная, "реально антропоморфизированная" природа.

Личность - результат преобразования тела (организма) в соответствии с требованиями существования в обществе в качестве его полноценного члена. Преобразователем тут выступает прежде всего сама формирующаяся личность при участии других личностей, так что можно и нужно говорить скорее о самопреобразовании, саморазвитии, на первых порах бессознательном, чем о преобразовании по типу лепки из глины или высекания статуи из камня. "Печать идеального" в данном случае - это печать "человеческого духа", человеческой культуры, а личность не сводится к биологическому телу потому, что представляет собой индивидуальный "ансамбль всех общественных отношений", возникает и развивается в результате и по мере включения данного индивида в этот "ансамбль", в общество и его культуру. С гибелью тела ансамбль его общественных отношений какое-то время сохраняется, как и положено душе. Душа, выходит, не то что бессмертна, но может быть более долговечной, чем тело. Как и менее: личностно можно умереть раньше, чем физически. В любом случае тело - организм - подлежит очеловечиванию (идеализации) путём включения его в "организм" всего рода человеческого, подлежит превращению из видового, чисто биологического существа - в родовое, и в результате такого превращения и возникает личность, которую, хотя бы метафорически, можно отождествить с душой.

Я после смерти мамы вынужден был придумать термин "филосфера" - сфера любви, которая создаётся прижизненным и посмертным общением любящих. Да, и посмертным тоже, потому что с тем же Э.В. Ильенковым, с А.И. Мещеряковым (моими учителями), с мамой, со многими другими у меня идёт самый настоящий диалог, а не просто моё мысленное к ним обращение; я чувствую, ощущаю их ответы, их предостережения, их укоры, - чувствую, а не придумываю, они для меня неожиданны, непредсказуемы. Либо я должен признать факт такого посмертного общения, либо должен признать себя сумасшедшим!

Но тогда, пожалуй, придётся признать сумасшедшим почитай что всё человечество. Какой ни будь твердокаменный атеист, а не смилившийся со смертью близкого человека, начнёшь разыскивать не тело его, так душу. Вот и Энгельс запричитал после смерти Маркса: "Человечество стало ниже на голову!" (Цитирую по памяти из сборника Энгельса "Речь на могиле Карла Маркса".) Нашёл-таки "жизненный принцип", который "более или менее можно отождествить с душой"...

Вот она, филосфера. Не веришь в бога, так на близких начнёшь

молиться. У меня в этом смысле давно многобожие...

Спинозизм можно развивать в разных и даже противоположных направлениях, обосновывая с его помощью и принцип "живое из живого" ("разумное из разумного"), и принцип "живое из неживого" ("разумное из неразумного", а то и вовсе из безумного). А с помощью этих принципов - развивать спинозистское учение о мышлении и протяжении как двух атрибутах субстанции-Бога - причины самой себя. (По Б. Спинозе, так как субстанция вечна и бесконечна, то и атрибутов - свойств - у неё должно быть бесконечное количество, но люди - мыслящие тела - находятся на пересечении только двух атрибутов, и поэтому только эти два атрибута из всего бесконечного их количества людям в принципе могут быть доступны /14/.)

Атрибутивность мышления, то есть его неотъемлемую, необходимую свойственность вечному и бесконечному мирозданию, с позиций принципа "живое из живого" ("разумное из разумного") обосновать, пожалуй, проще. Согласно этому принципу, разумное и вообще живое вечно и бесконечно, как и положено атрибуту, то есть вечному и бесконечному свойству вечной и бесконечной субстанции.

Сложнее с противоположным принципом. Если разумное и вообще живое когда-то возникло, то оно должно когда-то и уничтожиться. А раз так, то оно имеет к субстанции случайное отношение, оно - никакой не атрибут, а модус атрибута, ограниченный в пространстве и во времени, конечное и преходящее проявление, частичное воплощение атрибута. Но как же тогда быть с учением о мышлении как именно атрибуте субстанции? Отвергать его? Ни в коем случае, - отвечает Э.В. Ильенков. И в своей теоретической фантазии "Космология духа" /15/ разрабатывает гипотезу о вечном возобновлении и самоуничтожении жизни и разума.

Рассеивание теплоты в природе наблюдается, а вот её концентрация - только в деятельности разумных существ, в деятельности человечества, поскольку никакой другой формы разумной жизни мы не знаем. Ведь эволюция жизни и её венец - зарождение жизни разумной, - должна происходить по неким универсальным законам, обязательным для любой точки вселенной, в неких совершенно определённых условиях. И если ничто не помешает нормальному, без катастрофического обрыва процесса, развитию разумной жизни, то она должна доразвиваться до такой точки, на которой судьбы остывающей вселенной для неё окажутся дороже её собственных судеб. Овладев к тому времени непредставимыми сегодня видами энергии колоссальной мощи, невообразимо превосходящей даже мощь энергии атомной, мыслящий дух сконцентрирует вещество вселенной в одной какой-то точке и затем взорвёт её. При этом сам погибнет, но обеспечит возникновение - через миллиарды лет - новой разумной жизни, нового мыслящего духа. Тем самым реализует атрибутивность мышления, его неперенную необходимость для постоянного возрождения, самовоспроизводства вселенной. А если процесс будет оборван катастрофическими случайностями? Ну что ж, где-нибудь в другой точке бесконечной вселенной этот процесс всё же возникнет с той же железной необходимостью, что и там, где оборвался...

С позиций принципа "живое из неживого, разумное из неразумного" ничего другого, пожалуй, не придумаешь. Только это, - беру лишь основную идею, без захватывающих дух подробностей: если мышление - атрибут, а не модус атрибута, и при этом возникает как венец эволюции живой природы, а живая природа возникает из неживой, - то цикл должен повторяться, живое бесконечное количество раз так или иначе должно вновь и вновь возникать из неживого, а из неразумного живого - разумное. Иначе - всё-таки модус, а не атрибут, а это уж чересчур

пессимистический вывод. Хотя находятся смельчаки, которые отваживаются формулировать и такое.

Очень красивая диалектика, с точки зрения спинозизма, получилась у Манеева. Он обосновал в своей гипотезе одновременно атрибутивность и мышления, и протяжения. Оба атрибута оказываются взаимосвязаны до полного тождества: чтобы не только мыслящие, а любые живые тела могли существовать, соответствующая информация, программа постоянного зарождения, возобновления жизни и мысли, должна храниться в бесконечно протяжённой биополевой формации, не подверженной никаким катастрофическим случайностям, абсолютно неуничтожимой, в отличие от любых формаций дискретных. И из этой биополевой континуальной формации программа эволюции жизни и мысли при определённых условиях может быть запущена. Атрибут мышления оказывается "заложен" в атрибуте протяжения и без него невозможен. А атрибут протяжения без атрибута мышления - не имеет смысла, просто лишний.

Думаю, оба принципа - "живое из живого" и "живое из неживого" - не столько противоположны, сколько соотносимы. Я бы взял на вооружение оба. Уж во всяком случае, в модификации для разумной формы жизни: разумное из разумного, человеческое из человеческого, ответственное из ответственного... Может быть и наоборот - человеческое из бесчеловечного как реакция на бесчеловечность, ответственность как реакция на безответственность, разум как реакция на безумие (а не просто неразумие) и спасение от безумия. Не восторжествует разум, разгорающийся, как свеча от свечи, от предшествующего разума, так авось вовремя спохватимся на самом краю экологической или какой другой катастрофы, то есть безумие спасёт. Вернее, ужас перед безумием. Не общественный договор, так приговор природы. На оба принципа можно уповать, - лишь бы сработали, лишь бы разуму так или иначе сохраниться и восторжествовать.

И тут я куда меньший оптимист, чем Э.Р. Мулдашев. Нет особых оснований считать атлантов шибко разумными, раз они употребляли свои, для нас удивительные, способности не по назначению: не во благо, а во вред друг другу, не для созидания, а для разрушения. Безответственно с ними обращались. Впрочем, мы на их месте вряд ли оказались бы лучше. И если попытка "возродить" столь же разумную, сколь и безумную цивилизацию "удалась", как считает Э.Р. Мулдашев, то цивилизации полноценно разумной, надёжно застрахованной от любого неразумия и безумия, от любой бесчеловечности, безответственности, тем более от злой, демонической воли, - такой полноценно, стопроцентно разумной цивилизации на Земле точно ещё не было.

И потому нам нужна... педагогическая антропология, как не помешала бы она и атлантам, при всём том, что им, по свидетельству Э.Р. Мулдашева и тех авторитетов, на которые он ссылается, было больше, чем нам, дано "даром". Ведь не нужно же им было учиться говорить, писать и читать! Подключился к всеобщему информационному пространству - и готово, в твоём распоряжении нужные тебе знания на блюдечке с голубой каёмочкой. Хоть и порциями, по мере развития, - столько, сколько сможешь переварить. Однако "информационно-энергетический сгусток (дух)" части атлантов, как и части нынешних людей, явно пренебрегал той информацией из всеобщего информационного пространства, которая касается этики человеческих, ответственных взаимоотношений с собой и миром, то есть подлинного разума. Иначе атланты не погибли бы в бесконечных войнах друг с другом. И не пришлось бы их далёким потомкам цивилизовать перманентно

дичающий сброд, - цивилизовать в той же не столь уж высокой мере, в

какой были цивилизованы их предки.

И вряд ли тут выручит самая "научная", для всех единая "религия". Уж нам-то, россиянам, грех сетовать на её отсутствие. Семьдесят с лишним лет была у нас такая. "Научный коммунизм". И вряд ли только злокозненные "политические лидеры" виноваты в её банкротстве. (На вопрос журналиста о религиозных войнах Э.Р. Мулдашев всю ответственность за них взвалил именно на "политических лидеров", неслыханно успешно водивших за нос наивных правоверных: "Всё дело в политических лидерах, которые используют религию в своих целях", - размышляет он.) Не думаю, что имеет смысл повторять наш опыт во всепланетных масштабах...

Педагогическая антропология - это антропология в самом точном первоначальном смысле термина. Это общее человекознание, однако не самоценное, а ориентированное на задачу, как сделать, чтобы каждый человек действительно был человеком - личностью, родовым, подлинно разумным существом, "Человеком с большой буквы", как любил называть такое существо Э.В. Ильенков. Что такое человек и как помочь каждому стать человеком? Какие условия с необходимостью вынудили бы каждого к тому, чтобы быть именно человеком, то есть родовым, а не видовым существом, - не животным? Так ли уж тут важно, каких размеров и какой формы череп, глаза, нос, уши? А может быть, больше всё-таки прав Э.В. Ильенков, полагавший, что решающее значение имеет включённость в "ансамбль всех общественных отношений" и разумная организация этого "ансамбля"? Тогда и "торсионные поля" наших душ лучше бы совмещались, согласовывались между собой. Ведь, в конце концов, "торсионные поля", как и сам организм - ещё не душа, а только материал, подлежащий одухотворению, очеловечиванию, образумлению, - идеализации...

Уж не знаю, завидовать ли атлантам, что они черпали свои знания в готовом виде, которыми пользуется "энергетический информационный стусток - дух". Видать, высший разум уразумел несостоятельность подобной благотворительности ещё 850000 лет назад, когда счёл за благо отключить следующую после атлантической цивилизацию, буде она возникнет, от всеобщего информационного поля. Говоря грубовато, зато яснее: отстранить нас от кормушки готовых знаний. И сделал это высший разум, в неизречённой мудрости своей, может быть, вовсе не в наказание за грехи предшественников. Может, сообразил, наученный горьким опытом: что добывается своим трудом, то ценится дороже. Да и о самосохранении стоило позаботиться: кто знает, не применялся ли атлантами дистанционный гипноз не только против друг друга, но и против высшего разума? Примеров объявления войны высшему разуму в столь авторитетных для Э.Р. Мулдашева источниках предостаточно. Ведь и среди нас найдутся, которые, имея точные координаты, нацелили бы на рай баллистическую ракету с мегатонными разделяющимися боеголовками. А затем принялись бы шантажировать Господа Бога, вымогая у него разного рода бесплатные блага. И уж постарались бы заломить цену, - только бы с помощью военной разведки точную инвентаризацию этих благ произвести... Чем и доказали бы своё, мягко говоря, неразумие, а точнее - безумие!

Педагогическая антропология призвана вооружить врачей, психологов, педагогов и других специалистов, имеющих дело с живыми людьми, точными знаниями о диалектике личностного становления, о её коварстве и благодетельности. Не в том дело, есть душа или нет, бессмертна она или нет, и в каких тартарах или на каких небесах её разыскивать после смерти тела. Проблема в том, чтобы душа у каждого вообще была, и не звериная, а человеческая, не безумная, а разумная.

Чтобы каждый умел отвечать за себя и поэтому - за весь мир. чтобы каждый стал разумным существом и в этом смысле приблизился к Богу. Или к высшему разуму...

Душа человеческая формируется. Какой жизнью живёшь, такая у тебя и душа. Кем формируется? Да прежде всего ею же самой, неустанным трудом, и совместным с другими душами, и уединённым. Что от нас зависит при решении задачи, как сделать душу каждого вечной труженицей? Ясно лишь, что вечный труд души - главное условие очеловечивания, одухотворения каждого из нас.

Соревнование - от слова ревность. Благороден только один вид ревности - к самому себе. Как сделать, чтобы каждый соревновался прежде всего с самим собой, сравнивал себя сегодняшнего с собой вчерашним и сам "проектировал" себя завтрашнего? Как сделать, чтобы каждый самоутверждался прежде всего в таком соревновании? Как сделать, чтобы каждому интересно было с самим собой? Ведь скучает только тот, кто сам себе скучен по причине пустоты на том месте, где положено быть душе; кому - опять и опять - не для чего уединяться, и он опрометью спасается от самого себя в толпу таких же развлекающихся бездельников, чтобы наркотиком массовых развлечений заглушить собственный безотчётный, неосознанный ужас перед собственной пустотой.

Существуют или нет "торсионные поля"? Физику Валерию Лобанкову, наверное, лучше знать. Доверюсь в этом пункте ему. Но смею утверждать, настаивать, повторять, что не всякие "торсионные поля" стоит возводить в ранг души. Только очеловеченные, отражающие подлинный разум, тождественный с нравственностью и развитой эстетической интуицией, а не с одним лишь интеллектом. Прочие "торсионные поля" отражают лишь хаотические флуктуации существа, не ведающего, в чём должен состоять смысл его жизни, куда себя девать.

Педагогическая антропология - наука об эволюции человеческих душ, о том, как можно, и можно ли вообще, преобразовать хаотические флуктуации в строгую гармонию подлинной духовности, душевности, осмысленности бытия.

У педагогической антропологии как человекознания, ориентированного на задачу очеловечивания каждой особи вида Homo Sapiens, богатая классическая традиция. Не все её классики пользовались термином "педагогическая антропология", что не мешало им разрабатывать именно эту науку.

Крупнейшим педагогическим антропологом, вне всякого сомнения, был, например, Эвальд Васильевич Ильенков. Записывать его по ведомству одной лишь философии не стоит. Он философствовал как раз о том, что такое личность и как вынудить каждого стать личностью. И для решения именно этой проблемы ему понадобилось разбираться специально и в диалектической логике (что такое мышление и как научить мыслить каждого?), и в эстетике (что такое воображение и как сделать, чтобы способность чувствовать красоту была у каждого развита до высшего уровня, до уровня интуиции?), и в этике (что значит по-человечески обращаться с людьми и с миром, и как научить такому обращению каждого?).

Педагогическим антропологом был, несомненно, и друг Э.В. Ильенкова Александр Иванович Мещеряков, которому понадобилось мобилизовать всё, что наука знает о человеке, для обучения и воспитания слепоглухих ребятишек. Ещё в начале 70-х мне говорили, что работа Энгельса "Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека" устарела, потому что А.И. Мещеряков сумел - я бы сейчас уточнил: вынужден был, - разработать эту проблематику гораздо содержательнее, точнее. Иначе ему было не решить стоявших перед ним

педагогических задач.

О самой педагогической антропологии, внутри её собственной проблематики, можно говорить подробно, конкретно и очень долго. Я всю жизнь бьюсь над этой проблематикой, пытаюсь очеловечить, прежде всего, самого себя, и по мере сил помогать в таком же самоочеловечивании своим малолетним любимцам. Думаю, кое-что я мог бы сказать об этих материях. Но задача данной теоретической фантазии - только подойти к педагогической антропологии, вволю побродив вокруг да около неё. определить хотя бы в самых общих чертах с её предметом. Побродил-то я вокруг неё на славу; на то, в чём должен состоять её предмет, - от души надеюсь, - удалось хотя бы смутно намекнуть. Углубление же в этот предмет в мою задачу сейчас не входит. Если бы входило, я должен был бы сразу брать быка за рога, не отвлекаясь на окружающий быка ландшафт. Но сейчас меня интересовал именно ландшафт в большей мере, чем сам бык.

И закончу тем, с чего начал: ни в коем случае не претендую на абсолютную истину, на сколько-нибудь полный охват материала, на какие бы то ни было окончательные ответы. Данная теоретическая фантазия - скорее круглый стол, беседа, а не полемика. Ко всем участникам разговора я отношусь вполне доброжелательно. Люблю Спинозу, с улыбкой прислушиваюсь к язвительному Энгельсу, немного растерянню вглядываюсь в удивлённые, открытые всему необычному глаза Мулдашева, восхищаюсь диалектикой Манеева. И, как положено ученику, всячески стараюсь поддержать Ильенкова, поточнее, хотя и предельно кратко, передать его очень непростую аргументацию, касающуюся диалектики материального и идеального. Без чёткого понимания этой диалектики, уверен, при любом

раскладе ни одной проблемы педагогической антропологии решить невозможно...

30 марта - 3 апреля 1997

1. Вульгарный материализм - не ругательство, а термин, обозначающий доведённую до абсурда, карикатурную форму философского материализма. "Вульгарный" - в смысле популярный, философски несостоятельный, неграмотный, тем не менее весьма агрессивный, отстаивающий себя на уровне прямо-таки фанатического догматизма. Догматизм - следствие именно узости, упрощённости представлений о мире, при которых всё непонятное, неведомое легче отвергнуть, чем осмыслить. Например, для вульгарного материализма характерно представление, что мыслит именно мозг, в то время как классический философский материализм включает мышление в куда более широкую систему, в которой без мышления не обойтись, и поэтому оно и возникает в этой системе с необходимостью. Философский материализм исследует мышление как свойство вечного и бесконечного мира в целом, то есть, в терминологии Б. Спинозы, как атрибут субстанции. Пример вульгарно-материалистической агрессии - физиологический редукционизм в психологии, когда все психические явления сводятся к пресловутой "второй сигнальной системе" И.П. Павлова и вообще к тем или иным "физиологическим механизмам". Всё развитие классической советской психологии (от Л.С. Выготского до э.В. Ильенкова) прошло под знаком борьбы с физиологическим редукционизмом.

2. Людвиг Фейербах. Сущность христианства. - в кн. "Избранные философские произведения", в 2-х томах, том II, Госполитиздат, М., 1955 и "Мысль", М., 1965.

3. Фридрих Энгельс. Диалектика природы. Политиздат, М., 1969, стр. 158.

4. К. Маркс. Тезисы о Фейербахе. - в кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс. "Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений (новая публикация первой главы "Немецкой Идеологии)". М., Политиздат, 1966.
5. Ф. Энгельс. Там же, стр. 264 - 265.
6. Там же, стр. 265.
7. От кого мы произошли? Беседа Н. Зяткова с Э. Мулдашевым. - "Аргументы и факты", 1996, №45 - 46.
8. Ф. Энгельс. Там же, стр. 37 - 38.
9. Иван Ефремов. Час Быка. "Молодая гвардия", М., 1970.
10. Статью Манеева см. в кн. "Русский космизм". Антология философской мысли. м., "Педагогика-Пресс", 1993.
11. Ф. Энгельс. Там же, стр. 259.
12. Э.В. Ильенков. Что же такое личность? В однотомнике Э.В. Ильенкова "Философия и культура", М., Политиздат, 1991.
13. Э.В. Ильенков. Диалектика идеального. Там же.
14. Б. Спиноза. Этика... Соцэкгиз, М. - Л., 1932.
15. Э.В. Ильенков. Космология Духа. В том же однотомнике.

**ЭТИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ
ТВОРЧЕСТВА Э.В. ИЛЬЕНКОВА
(ДОКЛАД НА ИЛЬЕНКОВСКИХ ЧТЕНИЯХ 1996 ГОДА)
I. БИОСОЦИАЛЬНАЯ ПОЛЕМИКА.**

Трудно назвать такую работу Э.В. Ильенкова, где не велась бы полемика с физиологическим редукционизмом в психологии. Как известно, Э.В. Ильенков настаивал на приоритете социальных факторов формирования психики над чисто биологическими, - на том, что и биологические факторы преобразуются социальными и имеют смысл и значение только в контексте социальной обусловленности всего человеческого в человеке. Э.В. Ильенков широко пользовался термином "Человеческая жизнедеятельность", отличая её от физиологической жизнедеятельности. Критерий различения - тот, что человеческая жизнедеятельность - это деятельность личности в течение всей её жизни. а физиологическая жизнедеятельность - это функционирование не личности, а организма.

С одной стороны, личность НЕ отождествлена человеческому организму, "телесной организации", как называли тело Маркс и Энгельс. Личность, - настаивает Э.В. Ильенков, - "орган" куда более сложного и масштабного "организма", а именно - "рода человеческого". Как такой "орган" личность не подлежит "социализации" по той простой причине, что она с самого начала и до конца, "на все сто процентов" социальна. Сущность личности Э.В. Ильенков усматривал в том же самом, в чём К. Маркс в своих знаменитых "тезисах о Фейербахе" усматривал сущность человека (человечества). А именно, по Марксу, "... с . оущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений". Обратим внимание на оговорку - "в своей действительности". Это значит не просто "на самом деле" или "реально", а куда глубже: сущность человека "есть совокупность всех общественных отношений" в том, как она проявляет себя, в том, как она действует. "Действительность", как заметил С.Л. Рубинштейн, - от слова "действовать". С сущностью человека мы имеем дело только тогда, когда он действует, а никак не бездействует. Когда он по-человечески деятелен.

В работе "Что же такое личность?" Э.В. Ильенков уточняет русский

перевод марксова тезиса: "В оригинале сказано ещё выразительнее - АНСАМБЛЬ, . то есть не механическая сумма одинаковых единиц, а представленное в единстве многообразие всех социальных отношений". Такое уточнение перевода марксова тезиса вплотную подводит нас к любимому ильенковскому сравнению "рода человеческого" с "организмом". Это организм, сложнейшая система, целостность, в которую каждому индивиду надо ещё включиться, и лишь включаясь, более менее включившись, он становится не просто индивидом, а личностью постольку, поскольку - включился и продолжает включаться, поскольку становится "органом" всего человечества как "организма" или, может быть, сверхорганизма. Весь же этот сверхорганизм можно рассматривать как космическую (ни больше ни меньше) сверхличность. И если сущность этой сверхличности, то, что её таковой делает, - "ансамбль всех общественных отношений" внутри и вне её (вне, потому что имеются в виду так же и отношения всего человечества со всем остальным мирозданием, в конечном счёте - с космосом), - то сущность каждой отдельной личности как органа этой сверхличности - тот же "ансамбль всех общественных отношений", только "ансамбль", в центре которого - именно данная личность. Сущность моей личности - "ансамбль всех" МОИХ "общественных отношений", в конечном счёте со всем человечеством, а потому в конечном счёте ТОТ ЖЕ САМЫЙ . о "ансамбль всех общественных отношений", который составляет и сущность человечества как сверхличности. Но на каждого из нас этот "ансамбль" замкнут по-особому, не так, как на любого другого человека, и этим обусловлена индивидуальная неповторимость каждого из нас. Поэтому предельно краткое и общее определение, которое даёт Э.В. Ильенков личности, так и звучит - "человеческая индивидуальность". Именно человеческая, общественная, родовая, а не физиологическая или биологически-видовая.

С другой стороны, личность так-таки совпадает, диалектически отождествляется с нашим организмом, с нашим телом, как мы можем прочесть в конце той же работы "Что же такое личность". Потому что свою человеческую, социальную сущность личность может реализовать только благодаря телу, через тело, она, как личность, может действовать только как тело. Э.В. Ильенков иллюстрирует такое диалектическое отождествление тела и личности, опираясь на произведения Гоголя и Бальзака. ""Человеческая Комедия" и "Мертвые Души" показали, - пишет Э.В. Ильенков, - что в Гобсеке и Плюшкине нет ровно ничего загадочного и мистического. Их психология была художественно точно объяснена именно потому, что это объяснение производилось как тщательный анализ тех ФАКТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ . о между индивидами, того "ансамбля" их взаимоотношений, которые с необходимостью рождают и стимулируют личность совершенно определённого типа, формируя даже внешний облик, даже "сухопарые, как у оленя, ноги", на которых ростовщик весь день бежит по Парижу".

Проблема диалектического тождества и различия личности и её тела решается Э.В. Ильенковым, таким образом, очень своеобразно, насквозь диалектично. Если мы согласны, что сущность личности, как и сущность рода человеческого - "ансамбль всех общественных отношений", то отсюда следует с железной необходимостью, что это от начала до конца социальная сущность; и личность, внутри этого "ансамбля" возникающая, вне этого "ансамбля" невозможная, - личность от начала до конца социальна при всей своей биологической телесности. Более того, личность - социальна БЛАГОДАРЯ . о этой телесности, через которую она себя реализует именно как "полномочный член и представитель рода человеческого", именно как личность. Как "родовое существо", если

воспользоваться термином Маркса. Личность, как член "ансамбля всех общественных отношений", - "родовое существо"; но организм, в этот "ансамбль" почему-то не включившийся или выпавший из него напрочь, так или иначе от этого ансамбля изолированный, - такой организм никак не личность, а такое же "видовое существо", как и любое животное или растение. всё дело в том, таким образом, рассматриваем ли мы данное тело изолированно, "само по себе", или вместе с "ансамблем всех общественных отношений", внутри этого "ансамбля". В первом случае мы имеем дело с видовым существом, а во втором - с родовым, хотя "существо" в обоих случаях может быть одно и то же.

II. БИОГЕНЕЗ: ФУНКЦИЯ И ОРГАН.

Если читать Э.В. Ильенкова в контексте полемики о соотношении биологического и социального в человеке, то можно здорово запутаться в его аргументации. С одной стороны, бескомпромиссное настаивание на стопроцентной социальности природы (сущности) человечества и личности, всего человеческого. А с другой стороны, например, столь же бескомпромиссная солидарность с В.И. Лениным, когда тот "пристаёт" к махистам с вопросом вроде следующего: возможно ли психическое без физического? Можно ли мыслить без мозга? Отрицательный ответ на этот вопрос подразумевается сам собой (об этом у Э.В. Ильенкова в книге "Ленинская Диалектика и Метафизика Позитивизма").

А в "Диалектической Логике" Э.В. Ильенков, вновь и вновь возвращаясь к полемике с теми, кто на вопрос о природе мышления ищет ответа в морфо-физиологических структурах головного мозга, растолковывает с предельно возможной остротой и наглядностью, что тут путаются два совершенно разных вопроса. Вас спрашивают совсем не про это, - обращается он к своим оппонентам. - Спрашивают не о том, как устроены ноги, способные ходить, а о том, что такое ходьба? Что такое мышление, - а не как устроен головной мозг, без которого, бесспорно, мышление невозможно.

Это выводит спор в куда более широкий контекст, нежели только соотношение биологического и социального у человека. И этот более широкий контекст, как ни странно, - чисто... биологический. Соотношение биологического и социального у человека оказывается простым сужением такой гигантской биологической проблемы, как соотношение органа и его функции. Что первично? "Кто кого формирует"?

Ласты - орган плавания. Из палеонтологии известно, что когда-то лаконогие жили на суше, и ласты были лапами. Перебравшись в борьбе за выживание от какой-то смертельной опасности в воду, вынужденные плавать, животные вынуждены были приспособиться к водной среде обитания, и бывшие лапы преобразовались в ласты. Водная ли стихия, предполагающая выполнение функции плавания, породила ласты, или, может быть, сначала появились ласты, а потом уже функция плавания?

Среда обитания предъявляет живому существу ультиматум: или погибнуть, или приспособиться. В ходе приспособления возникают органы, позволяющие существовать именно в данной среде обитания. Жабры превращаются в лёгкие, лапы - в ласты. Функция органа имплицитно содержится в среде обитания, задаётся ею. У человека роль такой "среды обитания" выполняет прежде всего "ансамбль всех общественных отношений", который и создаёт человека как родовое существо (как видовое существо он создаётся физической, а не социальной средой обитания). В том-то всё и дело, что у человека две среды обитания - физическая и социальная, видовая и родовая. И одну с другой не стоит

путать, как не стоит путать и порождения, результаты формирующего действия той и другой - биологическую особь и личность. Как животное человек, разумеется, - видовое, биологическое существо; но как именно человек - родовое, то есть, настаивает Э.В. Ильенков, на все сто процентов социальное. И поэтому личность нелепо "социализировать" точно так же, как нелепо "металлизировать" какой-нибудь металл. Хотя руда "металлизации" подлежит (В.И. Вернадский подчёркивает, что металлы вообще в чистом виде в природе не встречаются, они созданы человеческой производственной деятельностью). Тело и выступает в качестве своеобразной "руды", подлежащей "социализации", или, что то же самое, "антропоморфизации", а по-русски - очеловечиванию. Это очеловечивание тела начинается с момента его включения в "ансамбль всех общественных отношений", и диалектика этого процесса качественно осложняется тем обстоятельством, тем **ФАКТОМ** . о, что по существу в "ансамбль всех общественных отношений" каждый из нас включён с самого начала, задолго до физического появления на свет, ещё в утробе матери. К тому же социальная среда обитания предъявляет не менее жёсткие требования, чем физическая - к любому организму: либо приспособиться, либо погибнуть; либо состояться в качестве родового, а не только видового существа, в качестве личности, - либо не состояться.

Однако не всякая включённость в "ансамбль всех общественных отношений" обеспечивает личностное, родовое качество. Включение бывает разным, - то ли активным, то ли пассивным. Одно дело - самому включаться, быть субъектом включения, и совсем другое - быть всего лишь объектом его. Объектами включения в "ансамбль всех общественных отношений" являются ведь и домашние животные, и культурные растения, и та же руда. Поэтому личностное качество даёт лишь тот вариант включения в "ансамбль всех общественных отношений", который можно назвать процессом самоочеловечивания.

Это можно и нужно назвать саморазвитием, различая стихийное и сознательное саморазвитие. Стихийно саморазвиваться вынужден каждый из нас с момента рождения, а до сознательного уровня саморазвития, до сознательного самоочеловечивания дорастает далеко не каждый. И вслед за Э.В. Ильенковым я озабочен тем, как бы так сделать, чтобы до уровня сознательного саморазвития прямо-таки вынужден был дорастать "каждый живой человек". Формулировкой именно этой проблемы заканчивает Э.В. Ильенков свою работу "Что же такое личность?": "Вот и надо заботиться о том, чтобы построить такую систему взаимоотношений между людьми (реальных, социальных взаимоотношений), которая позволит превратить **КАЖДОГО ЖИВОГО ЧЕЛОВЕКА В ЛИЧНОСТЬ . о**".

III. АНТИФАТАЛИЗМ Э.В. ИЛЬЕНКОВА.

Речь идёт, таким образом, о переустройстве социальной среды обитания, о переустройстве "ансамбля всех общественных отношений". И то новое слово, которое сказал Э.В. Ильенков в марксизме, заключается в том, что Э.В. Ильенков настойчиво обращает наше внимание на индивидуальное переустройство и просто устройство социальной среды обитания каждого из нас в отдельности, подчёркивает значимость именно такого - психолого-педагогического - переустройства и изначального устройства, а не только глобального, - общеисторического. Значимость последнего аспекта ничуть не снижается, в необходимости глобального переустройства нет ни малейших сомнений, но подчёркивается, что упускать из виду психолого-педагогический аспект переустройства никак не приходится, что без психолого-педагогического переустройства и

изначального устройства социальной среды глобальное, общеисторическое переустройство едва ли осуществимо. Не сначала "материально-техническая база", а потом на этой базе соответствующая личность, - такой подход попросту антидиалектичен, вульгарен, - но ОДНОВРЕМЕННО. о и то и другое, и общеисторические условия, и личность, которая входит в эти общеисторические условия как едва ли не главное, решающее из них всех. Тут, как остроумно замечает Э.В. Ильенков в "диалектической Логике", "за одним" (зайцем) "погонишься - ни одного не поймашь". И весь ход истории после смерти Эвальда Васильевича убедительно показывает, что мы и не поймали - ни в СССР, ни в "социалистическом лагере" в целом.

Вот почему я давно уже осознал и при каждом случае подчёркиваю, что какое бы место ни занимала в литературном наследии Э.В. Ильенкова та или иная философская проблема, - центром, стержнем теоретического творчества Э.В. Ильенкова является именно проблематика становления личности, и прежде всего именно психолого-педагогический аспект этой проблематики. Это не одна из нескольких "сфер" теоретического творчества мыслителя, а центральная, главная "сфера".

И именно здесь прорывается на поверхность, с особой очевидностью обнаруживается глубоко скрытая чисто научной аргументацией этическая обусловленность всего ильенковского творчества. Именно ради обоснования того, что я в своих публикациях, посвящённых 70-летию Э.В. Ильенкова и А.И. Мещерякова, назвал "психолого-педагогическим оптимизмом", - именно ради обоснования этого оптимизма ломаются копыя в бесконечной "биосоциальной" полемике. Ради обоснования тезиса, что каждый человек может и должен быть гармонично, а не как придётся, развитой личностью.

А тогда нужно прежде всего доказать, что решающее в становлении личности зависит от сам'ой личности и окружающих её людей, а не от наследственной запрограммированности и какой бы то ни было иной жёсткой обусловленности развития. В факте отчуждения современной личности от самой себя, от собственной родовой сущности, нет ничего фатального. Отчуждение налицо, но это - исторически обусловленное и исторически преходящее явление; в конечном счёте отчуждение может и должно быть преодолено в результате такого переустройства родовой сущности человечества, то есть "ансамбля всех общественных отношений", которое создало бы социальную среду, вынуждающую каждого живого человека становиться личностью, и не какой придётся, а талантливой, нормальной (Э.В. Ильенков подробно обосновывает тезис о совпадении нормальности с талантливостью; нынешний "средний", статистически преобладающий, тип личности он считает не нормальным, а отчуждённым и, естественно, вследствие своей отчуждённости - ущербным).

Интересно, что к такому же антифатализму приходят и известные мне западные мыслители XX века экзистенциалистской ориентации. В. Франкл подробно обосновывает ошеломляющий тезис, что человек вообще заслуживает звания человека, становится именно человеком только тогда, когда освобождается от каких бы то ни было жёстких предопределённостей, обусловленностей своего бытия, - когда противопоставляет этим жёстким обусловленностям свой сознательный выбор, свой активно, прежде всего им самим, формируемый образ жизни. Быть игрушкой среды, влечений и наследственности (именно такие три вида обусловленности бытия выделяет В. Франкл) - это удел животных. Достойный человека удел - противопоставить этим трём видам жёсткой обусловленности бытия свою сознательную волю, самому решить, кем и каким быть, и реализовать принятое решение. Иными словами - найти и реализовать смысл жизни.

Думаю, что антифаталистический пафос В. Франкла очень близок пафосу основных идей Э.В. Ильенкова, в том числе психолого-педагогических идей.

Мы должны сами отвечать за себя таких, каковы мы суть. Мы должны сами себя делать и сделать - при поддержке одних людей, вопреки другим людям, вопреки даже самым экстремальным обстоятельствам типа слепоглухоты, детского церебрального паралича или гитлеровского концлагеря (в который В. Франкл был заключён и в котором пришел к стержневой идее своей концепции человеческой свободы). Только мы сами ответственны за то, проявляем ли мы себя в экстремальных ситуациях по-свински - или по-человечески. Скоты мы в этих обстоятельствах - или святые. Так формулирует имеющийся у каждого из нас выбор В. Франкл, и я уверен, что под такой формулировкой Э.В. Ильенков подписался бы с энтузиазмом, при всем своем несогласии с идеалистическим и откровенно религиозным контекстом размышлений В. Франкла.

Вот от этого - от ответственности за самих себя - ничто не может и не должно нас "освободить". Нашей безответственности нет и не может быть никакого оправдания. А любой фатализм как раз и является таким оправданием. Любой фатализм апологетичен по глубочайшей своей сути. И любая форма фашизма опирается на фаталистическую идеологию, чтобы снять с людей ответственность за самих себя, переложить её на плечи вождя, а им предоставить "свободу" от всего человеческого в них - "свободу свинства". Всякий антифашизм, в какой бы общий мировоззренческий контекст он ни вводился, - есть антифатализм.

В конечном счёте поэтому дело вовсе не в соотношении биологического и социального в человеке, а в том, что ссылки на "биологическое" часто служили и служат целям фатализма, целям снятия с человека ответственности за самого себя, целям оправдания всего античеловеческого, всего худшего в человеке. И все полемические стрелы Э.В. Ильенкова направлены против фатализма, против фаталистических спекуляций на чём бы то ни было, - а охотнее всего фатализм всегда спекулировал на биологическом в человеке, на том, что в нём видового, а не родового. И поэтому Э.В. Ильенков не мог стерпеть, когда тот или иной исследователь занимал позицию: "Ламброзо, конечно, загнул, но что-то такое тут есть...". Антифашист, участник Великой Отечественной Войны сразу чуял врага, сразу бросался на теоретический штурм вражеских укреплений, чем бы и как бы тщательно они ни маскировались.

И поэтому с таким энтузиазмом Э.В. Ильенков поднял на щит успехи работы И.А. Соколянского и своего друга А.И. Мещерякова со слепоглухонемыми детьми. Если даже в таких кошмарных условиях, как слепоглухота, возможна личность без всяких скидок, не ущербная, а подлинно талантливая, нормальная, - то какому бы то ни было фатализму в важнейшей сфере становления личности не остаётся места. Пусть случаи нормального развития в ситуации слепоглухоты пока единичны. Любое нормально развитое единичное - есть конкретно-всеобщее. Не случайно исследование диалектики конкретной всеобщности - одна из сквозных линий всего теоретического творчества Э.В. Ильенкова. Это тоже этически обусловлено - обусловлено тем, что, чем бы ни занимался, Э.В. Ильенков был прежде всего антифашистом, то есть антифаталистом.

IV. РАЗУМ КАК АТТРИБУТ СУБСТАНЦИИ.

Глубочайшая сущность антифашистского движения в целом, при всей его мировоззренческой противоречивости - это борьба за подлинно человеческое будущее человечества, за будущее человечества как

разумной формы жизни. Отсюда самый широкий, поистине космический контекст ильенковского теоретического творчества - ильенковский спинозизм.

Не случайно в одной из первых же своих работ, опубликованной посмертно, - в "Космологии Духа", - Э.В. Ильенков задумывается о космической миссии Мыслящего Духа как атрибута, непеременимого свойства субстанции, то есть вселенной, всего необъятного космоса. Каково место разумной формы жизни во вселенной, если никакие случайности вроде самоуничтожения не помешают ей занять это место? В чём заключается атрибутивность разума? И что такое разум?

В "Диалектической Логике" Э.В. Ильенков осовременивает спинозовскую дефиницию мышления: это способность мыслящего тела действовать по логике любого другого тела. Действовать по логике - значит с учетом этой логики, коль скоро она познана, подчиняясь этой познанной логике, преобразовывать мир и себя в соответствии со своими разумными целями. Отсюда и ильенковская концепция идеального как очеловеченного, преобразованного и непрерывно преобразуемого в соответствии с идеей, замыслом преобразователя - материального. Противоположность идеального и материального возникает только в

деятельности мыслящей формы жизни. Поэтому точнее говорить не о материи, а о материале, предмете преобразующей (а не коверкающей) деятельности мыслящих существ. И мы, в сущности, приходим к формулировке, что мышление - это не что иное, как сам процесс

преобразования мыслящей формой жизни всего мира и себя самой в этом мире. Это решающий фактор вечного саморазвития и самосохранения мира - не той или иной планеты, а космоса. Ибо в конечном счёте материалом (предметом) преобразовательной деятельности неизбежно становится именно космос.

В "диалектической Логике" Э.В. Ильенков задаётся вопросом, в какой системе с необходимостью возникает мышление. При этом он предельно афористично, буквально в двух коротких абзацах, подытоживает всю историю философии - по меньшей мере, западноевропейской философии нового времени.

Мыслит не мозг, а человек с помощью мозга. Изъятый из тела человека, мозг способен мыслить так же мало, как телеграфный столб. Но и человек сам по себе, взятый изолированно, способен мыслить ничуть не больше. Надо, чтобы человек был в неразрывном единстве со всей остальной природой, с космосом. Здесь Фейербах и останавливается (и Спиноза тоже - Э.В. Ильенков замечает, что оба эти мыслителя очень близки друг другу).

Но и этого мало, - добавил Маркс. Человек способен мыслить только как родовое - социальное существо, только в "ансамбле всех общественных отношений", и опосредствованно через этот "ансамбль" - в единстве со всей остальной природой.

Так - чисто философски - обосновывается тезис, к которому В.И. Вернадский приходит как естествоиспытатель, констатируя в статье "Несколько слов о Ноосфере" непреложный факт планетарного, а в ближайшей перспективе космического, масштаба человеческой деятельности.

Но если в конце концов материалом, предметом мышления, как активного преобразовательного процесса, должен стать весь космос, то отсюда с железной необходимостью следует вывод об ответственности мыслящей формы жизни за существование всего космоса и себя в космосе. Уже этого, пожалуй, достаточно для обоснования мысли Спинозы о

мышлении как атрибуте субстанции - космоса.

Поразительно, что в самом начале своего творчества, в "космологии Духа", Э.В. Ильенков приходит к гипотезе, которой можно было бы достойно увенчать творческий путь. И эта гипотеза имплицитно подразумевается во всех более поздних работах Э.В. Ильенкова.

Дело в том, что каждая данная мыслящая форма жизни - не вечна. Она когда-то возникает, и когда-то должна прекратить своё существование. А субстанция - вселенная - вечна. Как же тут быть с атрибутивностью мышления?

Оно берёт на себя ответственность не только за существование космоса как своего предмета, материала преобразования, но и за своё существование в космосе, за вечное своё воспроизводство в той или иной точке вечной и бесконечной вселенной. Очередная вспышка разума, очередное возникновение мыслящей формы жизни обусловлено всей историей существования, всей деятельностью предшествующей мыслящей формы жизни. К этому, в сущности, сводится гипотеза, изложенная в "Космологии Духа". К "картинке", изображающей это гипотетическое самовоспроизводство мыслящего духа, сам автор "Космологии Духа" относится весьма осторожно. Эта "картинка" обусловлена состоянием естествознания к моменту создания "Космологии Духа", насколько это состояние было известно Э.В. Ильенкову. А именно, Э.В. Ильенков исходил из гипотезы Френкеля о гигантском взрыве, из которого десять - пятнадцать миллиардов лет назад возникла наша вселенная. Э.В. Ильенков предполагает, что этот взрыв был произведён предшествующим нашему мыслящим духом. И обосновывает своё предположение эмпирическим фактом, что самопроизвольное рассеивание энергии в неразумной вселенной налицо, а вот концентрация энергии, всё более мощной, наблюдается только в деятельности мыслящей формы жизни.

Так или не так это всё было и будет - неважно. Важен общий вывод: атрибутивность мышления заключается, во-первых, в самой природе мышления как преобразовательного процесса, материалом, предметом которому служит в конечном счёте весь космос. И во-вторых, если мышление действительно атрибут субстанции, её вечное и бесконечное свойство, то оно должно само заботиться о постоянном, пусть периодическом, воспроизводстве в космосе своих конечных во времени и пространстве модусов - отдельных мыслящих форм жизни. И в каждой такой мыслящей форме жизни воплощаться во всей своей атрибутивности. Получается, таким образом, диалектическое отождествление модуса и атрибута.

Если же допустить раздельное существование модуса и атрибута мышления, то заботу о существовании космоса и разума в нём, ответственность за космос и за самовоспроизводство мыслящих форм жизни в космосе, неизбежно придётся перепоручить кому-то другому. И этот "кто-то другой" может быть только Господом Богом...

А что, если Бога нет? Тогда всё необъятное космическое "хозяйство" рискует остаться без хозяина. Хотя бы поэтому надёжнее рассчитывать только на себя - только на тот, единственно достоверно известный нам сейчас, модус атрибута мышления, которым является человечество.

16 - 17 февраля 1996

НЕ "ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР", А ЛИЧНОСТЬ!

18 февраля 1994 года исполнилось 70 лет со дня рождения Эвальда Васильевича Ильенкова. В предлагаемой статье я хотел бы решить двуединую задачу: с одной стороны, проследить общую логику теоретического творчества Ильенкова, а с другой - набросать штрихи к портрету его личности (мы общались одиннадцать лет). Мне хочется показать, что Ильенков-человек и Ильенков-мыслитель неразделимы.

"НЕ ОТОМРЁТ, С-СОБАКА"

Начать придётся с характеристики историко-идеологической ситуации, которую застал Ильенков. Намек на неё дают уже некоторые факты биографии Эвальда Васильевича: участник великой отечественной войны (артиллерийский офицер); студент философского факультета МГУ - во второй половине сороковых годов; аспирант - в начале пятидесятых.

Как известно, это была эпоха, когда заботами Сталина и его приспешников Марксизм окончательно превратился из науки в религию. Под именем "Марксизма-Ленинизма-Сталинизма" обществу навязывался набор догм - "единственно верных" "абсолютных истин". Само собой понятно, там, где уже найдено "единственно верное" решение всех проблем, науке

делать нечего. Советские официальные идеологи неизбежно оказывались, на поверку, богословами, занятыми самой безудержной, беззастенчивой, бессовестной апологией существующего строя.

Карл Маркс на протяжении всей своей творческой жизни, с начала сороковых годов XIX века, бился над тем, как бы рабочему из винтика - из "частичной детали частичной машины" - стать человеком. Сталин же со свойственной ему беспардонностью от имени Маркса провозгласил прямо противоположную задачу - сделать винтиками всех, кто ещё сохранил в себе что-то человеческое. А сопротивляющихся - физически уничтожить. Цитатный метод, как всегда и всюду, позволял санкционировать от имени Бога всё, что угодно.

Хрущёв же, по сути дела, о человеке вообще забыл. Ну разумеется, "всё во имя Человека, для блага Человека"! Но СНАЧАЛА . о "во имя и для блага" надо построить "материально-техническую базу Коммунизма", А ПОТОМ . одумать о всестороннем развитии людей. Пока же как были, так пусть и остаются винтиками. В этом решении "нервничать поэтапно" сказалось дремучее непонимание той самой, на всех перекрёстках перевозносимой, диалектики, а именно - непонимание того, что "сначала и потом" ничего не выйдет, но только одновременно...

Ленин был одним из самых антисоветских авторов, с суеверным трепетом перед каждой буквой издававшихся в Советском Союзе. Помню, ещё будучи студентом, я обратил внимание на одно противоречие, и поделился наблюдением с Эвальдом Васильевичем. Дело в том, что я только что прочитал - и не по школярскому принципу "от" и "до", а целиком, - "Государство и Революцию" Ленина. Оказывается, всякое государство - это прежде всего репрессивный аппарат, машина для подавления одной части общества другой, господствующей, частью общества. С момента прихода к власти - к господству - "громадного большинства населения", надобность в таком репрессивном аппарате отпадает, и по мере того, как ослабевает сопротивление бывшего "господствующего меньшинства", государство постепенно отмирает за ненадобностью, - подавлять-то некого... Участи отмирания подлежит и демократия, - любая, даже "социалистическая", даже "всемирная", - ибо любая демократия есть не что иное, как форма государства, одно из принципиальных "конструктивных решений" репрессивного аппарата. Между тем и в Хрущёвской Программе КПСС, и во всех основных документах съездов Партии говорится о задаче дальнейшего "укрепления и развития социалистической демократии". Каким же чудом государство будет

"отмирать", если его всё время "развивать и укреплять"?

- Выходит, - резюмировал я, - без посторонней помощи государство не отомрёт...

Пока я таким образом размышлял вслух у Ильенкова на кухне, Эвальд Васильевич слушал, не перебивая, сгорбившись больше обычного, как бы оцепенев. Я говорил с паузами, надеясь, что он вставит в эти паузы не слово, так жест. Но он не хотел мне помогать, вынуждая самостоятельно додумать и договорить до конца. И когда я договорился, в сущности, до необходимости новой революции, раз "государство без посторонней помощи не отомрёт", Эвальд Васильевич энергично подтвердил:

- Не отомрёт, с-собака! - И пока я, всё же надеявшийся на опровержение или смягчение моего вывода, ошелемлённо переваривал эту "резолюцию", Эвальд Васильевич перевел разговор на что-то другое.

"ПРОШУ МЕНЯ НЕ ХВАЛИТЬ..."

В мертвящей обстановке господства официального, догматического псевдомарксизма живая, подлинно марксистская мысль всё же не была убита. С одной стороны, настоящие марксисты либо физически уничтожались, гнили в недрах Гулага, - либо, в лучшем случае, прозябали на скромных преподавательских должностях по многочисленным кафедрам всевозможных ВУЗов и училищ. С другой стороны, Институт Марксизма-Ленинизма при ЦК КПСС издавал архивы Маркса и Энгельса как на языке оригинала, так и в переводе на русский язык, создавая возможность небывало полного и целостного знакомства с научным наследием основоположников. Умеющим и желающим думать - было над чем и было о чём. Другое дело, что и думать, и, тем более, публиковать надуманное приходилось очень осторожно, с оглядкой на официозный стандарт. Иначе недолго было бы оказаться каким-нибудь "уклонистом". Участи этой, кстати, не избежал и Эвальд Васильевич Ильенков, отстранённый от преподавания на философском факультете МГУ за "тегельянство".

Догматизация Марксизма как господствующей идеологии поставила всю советскую науку перед незавидным выбором: либо стать насквозь "марксистской", либо быть объявленной "буржуазной лженаукой". Известно, к какой катастрофе это привело в биологии, да и не только там. Но кое-где прорастал и реальный, творческий, действительно научный, а не догматический, марксизм. В эстетике таким реальным марксистом был Михаил Александрович Лифшиц, а в психологии - Лев Семёнович Выготский. К обоим мыслителям Ильенков питал глубочайшее уважение.

Как-то зимой, в феврале не то 1972, не то 1973 года, Эвальд Васильевич поделился со мной радостью:

- Сегодня я писал рецензию на одну очень хорошую книгу. Автор её - стилист ранга Добролюбова, не меньше.

Я заинтересовался, и вскоре он привёл к нам, слепоглухим студентам Факультета Психологии МГУ, автора. "Стилистом ранга Добролюбова" оказался Михаил Александрович Лифшиц, а книгой, которую так хвалил Эвальд Васильевич, - однотомник Лифшица "Карл Маркс, Искусство и Общественный Идеал". Эвальд Васильевич попросил Лифшица выбрать, с какими работами из своей книги он сам хотел бы нас познакомить, и вскоре нам переписали рельефно-точечным шрифтом две статьи: "Карл Маркс и Современная Культура" и "Ветер Истории".

С Лифшицем мы потом изредка встречались. Из обзора "выдающееся Достижение Советской Науки" я узнал, что Лифшица интересовало, какого

рода культуру мы, слепоглухие студенты, получили от своих учителей: "дистиллированную" или всё же содержащую "минеральные соли", и какие именно. Кого-то этот вопрос позабавил, кого-то возмутил, а я, особенно в связи со своей собственной психолого-педагогической работой, не раз к нему возвращался. Вопросик-то, как говаривал Эвальд Васильевич, оказался "коварным" или "хитрым", - в общем, ст'оящим того, чтобы в него вдуматься.

Лифшиц был старше Ильенкова на двадцать лет, и пережил его на пять с половиной, успев перед смертью издать однотомник работ Ильенкова по философии и эстетике, - однотомник, явно не случайно озаглавленный Лифшицем: "Искусство и Коммунистический Идеал". В предисловии Лифшиц вспоминал, что познакомился с Ильенковым, - не то студентом ещё, не то аспирантом, - в пору, "когда подъём марксистски мыслящей молодежи тридцатых годов казался" Лифшицу "хорошим воспоминанием". Появление Ильенкова было для Лифшица аргументом в пользу существования "закона сохранения мысли". Лифшиц в этом аргументе очень тогда нуждался. Как, кстати, и мы сейчас, марксисты девяностых годов...

Ну, а за Выготского мне от Ильенкова однажды здорово попало, и, как я понял годы спустя после смерти Ильенкова, попало за дело. В своей дипломной работе я позволил себе критику взглядов Выготского на воображение, противопоставив им позицию Ильенкова. На защите диплома один оппонент обиделся за Выготского, а другой - за Паустовского, взгляды которого на воображение я подверг такой же критике. Это дало мне повод в своём заключительном слове сказать, что предпочтение Выготского или Паустовского - "дело вкуса". Когда я вернулся на своё место, Эвальд Васильевич дотянулся до меня и резко продактилировал (сказал посредством пальцевого - дактильного - алфавита):

- Хулиган!

А на полях моей дипломной рукописи Ильенков написал: "Прошу меня не хвалить, если это рядом с хулой на Выготского".

Прочитав первые же статьи из первого тома собрания сочинений Выготского, я понял, что Выготский с первых собственно психологических публикаций выступил против физиологического редукционизма в психологии, непосредственно против его родоначальника - И.П. Павлова. Иными словами, против вульгарно-материалистических попыток свести психологию к физиологии Высшей Нервной Деятельности (а господствующей советской идеологией был на самом деле именно вульгарный материализм, что Ильенков прекрасно понимал и показывал в своих произведениях, насколько это было возможно в подцензурной советской печати). Ильенков говорил, что вульгарный материализм всё время смешивает функцию органа

с устройством органа. В "Диалектической Логике" Ильенкову удалось предельно ясно показать всю нелепость подобного смешения. Вас, - писал он там, обращаясь к физиологическим редукционистам, - спрашивают совсем не про то, как устроены ноги, способные ходить, а про то, что такое ходьба. Не про то, как устроен мозг, могущий быть или не быть органом мышления, а про то, что такое мышление как процесс. И сколько бы вы в мозгах ни копались, вы никогда ничего не узнаете о мышлении, потому что процессы мышления, без мозга невозможные, изучаются не физиологией вовсе, а философией и психологией. В работе "Что же такое Личность?" Ильенков прямо писал, что Павлов был, несомненно, гениальным физиологом, но очень плохим психологом. Короче говоря, Выготский и Ильенков были товарищами по оружию, единомышленниками во всём главном, а меня, нахального юного невежду, угораздило в вопросе о воображении развести их по разные стороны баррикад...

Как-то незадолго до смерти Эвальд Васильевич дал мне в руки зрячий журнал, а потом объяснил, что журнал американский, и в нём напечатана статья под интригующим заголовком: "Советские учёные указывают Павлову на дверь". Статья была иллюстрирована двумя фотографиями: на одной - Павлов с какими-то двумя офицерами и с собакой, а на другой... Вместо Павлова - Ильенков, а вместо собаки - я. Эвальд Васильевич долго... нет, не смеялся, - этого он на моей памяти совсем не умел, - а посмеивался. По существу с заголовком статьи мы оба были согласны, но формулировка ("указывание на дверь") Эвальда Васильевича всё же несколько беспокоила, ибо за такое бесцеремонное обращение со знаменитым академиком погладить по головке не могли. Во всяком случае, Эвальд Васильевич счёл нужным подчеркнуть американскую манеру выражаться, - мол, такие уж они, американцы, так уж они привыкли, это их обычные штучки. Даже у себя дома, среди друзей и единомышленников, Эвальд Васильевич вынужден был думать, чем будет отговариваться от вполне возможного полицейского окрика: мол, как вы смели подать американцам повод для подобной публикации?! Но всё же человек вместо собаки... Ай да американцы! Как обычно благодарил Эвальд Васильевич: "Спасибо на добром слове". Спасибо - хоть загривку, может статься, и не поздоровится.

Кстати, уже после смерти Эвальда Васильевича мне рассказывали о телефонном его разговоре с академиком Алексеем Николаевичем Леонтьевым. Это было в последние месяцы жизни Эвальда Васильевича, и он как раз сдавал в печать свою знаменитую работу "Что же такое личность", где прямо и резко выступил против Павлова как родоначальника физиологического редукционизма. И в телефонном разговоре с Леонтьевым сформулировал почище американцев:

- Я снимаю с Павлова штаны!

- Снимайте, - будто бы разрешил Алексей Николаевич. - Но только бейте не очень больно: он ведь наш папа.

Против малейшего сползания в физиологический редукционизм, даже если в этот грех впадал их общий друг Пётр Яковлевич Гальперин, Ильенков и Леонтьев выступали всегда вместе. Помню, как огорчила Эвальда Васильевича книга Гальперина "Введение в психологию", где автор принял за "идеальное" план образа в поведении животных. Ильенков и Леонтьев даже собирались вместе выступить в печати с критикой этой

путаницы. Мы сидели с Эвальдом Васильевичем на территории бассейна "Чайка", и там он долго не мог успокоиться, чуть не плакал, расстраиваясь, как угораздило такого умницу - Гальперина - спутать идеальный план в человеческой жизнедеятельности с образным планом в жизнедеятельности животных. Неужели из-за этого придётся ссориться? И промолчать нельзя: там ведь сочувственно - хоть явно без достаточно глубокого понимания, - цитируется ильенковская статья "Идеальное" из "Философской энциклопедии". Эвальд Васильевич решил тогда прийти к Гальперину домой вместе с Леонтьевым, поговорить лично, прежде чем писать и печатать критику. Почему он обсуждал это со мной - студентом, к тому же не имеющим физической возможности прочитать книгу Гальперина, пока её не перепечатают по Брайлю? Может быть, это-то и было ему важно, - то, что я не мог вникнуть в детали спора, а должен был довольствоваться лишь его изложением сути дела, уж как он понимал эту суть... Может быть, моё неизбежное недоумение было нужно ему, чтобы проверить себя: да стоит ли овчинка выделки? Настолько ли принципиально разногласие, чтобы ссориться в печати? И, похоже, пришёл к выводу, что не настолько. Решил поговорить напрямую - и повеселел. С кого другого, а с Гальперина "снимать штаны" ему никак не хотелось...

ВОСХОЖДЕНИЕ ОТ ДОГМЫ К ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Официальный "марксизм", превращённый в религию, был до последней степени абстрактным, догматическим. Задумываться не рекомендовалось; понимать ничего не требовалось; надо было как можно твёрже помнить "последних указаний дух" (Твардовский), и единственно допустимое "творчество" заключалось в том, чтобы этот самый "дух" "иметь в виду" и "брать за основу". Поэтому представляется совсем не случайным, что своё теоретическое творчество Ильенков начал с "Диалектики Абстрактного и Конкретного в "Капитале" Маркса",

Я где-то читал, что о программе французских социалистов 70-х годов XIX века, - социалистов, возглавлявшихся Гедом и называвших себя "марксистами", - Маркс отозвался так: "Могу сказать одно, что я не марксист". От советской официальной версии "марксизма" он наверняка отмежевывался бы ещё решительнее. И перед человеком, желающим самостоятельно мыслить, а не тиражировать "последних указаний дух", прежде всего вставал вопрос: что общего между этим официозным "духом" и марксизмом? "Да неужели в самом деле тоска такая всё кругом?" (Твардовский) Неужели это и есть марксизм - переходящая из монографии в монографию, из учебника в учебник, официальная идеологическая схема, неотличимая от бухгалтерской сметы: столько-то законов, столько-то принципов, столько-то факторов, столько-то отличительных признаков, ну и, конечно, столько-то разновидностей "врагов" "справа" и "слева"...

Логично в поисках ответа на эти вопросы было обратиться непосредственно к Марксу - к его текстам, что и сделал Ильенков. Независимо от того, какие цели сам Ильенков при этом декларировал и должен был декларировать, не превращаясь в глазах властей предрержащих в какого-нибудь "изменника", фактически он обратился к Марксу, чтобы исследовать механизм превращения в религию самой сознательно революционной, а следовательно, богоборческой, идеологии. Какова диалектика превращения конкретной развивающейся, живой науки - в мёртвую догматическую схему, в религию? Какова диалектика превращения

науки, провозгласившей своим предметом "не идеал, а действительное движение" - в фанатически, людоедски нетерпимую ко всякой живой мысли веру? Вот как - разумеется, на эзоповском языке, - ставил вопрос Ильенков. Если Энгельс прослеживал "Развитие социализма от утопии к науке", то Ильенкову пришлось прослеживать деградацию социализма от науки к утопии.

Общий ответ: диалектика подобного регресса состоит в абсолютизации, догматизации чего бы то ни было - достигнутого ли результата познания, добытой ли частички истины, либо заведомой выдумки, нелепой фантазии, сказки, мифа. Кроме того, если у мыслителя хватило времени жизни на разработку своих взглядов до деталей, до подробностей, то взгляды этого мыслителя очень нетрудно извратить, превратить в догматическую схему, в религию, - путём возведения в абсолют какой-то одной их сторон, подробности, то есть путём превращения этой подробности в предмет культа, в объект религиозного поклонения, преклонения. (Кстати, в устах Ильенкова слово "подробность" было почти ругательством. Он всегда стремился докопаться до "сути дела". Но, как всякие противоположности, "подробность" может обернуться "сутью дела", как и наоборот, и этот диалектический взаимопереход было бы очень важно исследовать в истории науки, в том числе по работам Ильенкова.)

Ильенков недаром перевёл на русский язык памфлет Гегеля "Кто мыслит абстрактно?". Абстрактно мыслит всякий догматик. Абстрактно мыслит и скептик, обиженный на догмы за то, что при попытке жить по

этим догмам они его "обманули", "подвели", - скептик мыслит абстрактно, потому что умеет обижаться на догмы, но не умеет исследовать жизнь, "действительное движение". Абстрактно - всё, что не считается с реальностью и реальности навязывается. Абстрактно всё "единственно верное"; абстрактна любая "истина в последней инстанции", любая "абсолютная истина", - короче, любая ДОГМА. . о Исследование при абстрактном подходе признаётся лишь в качестве средства познания вечной и неизменной "абсолютной истины". Как только устраивающая нас - и потому "абсолютная" - "истина" добыта, исследование объявляется законченным, и с этого момента истина превращается в догму. Всякое дальнейшее исследование объявляется ненужным, прямо запрещается и карается, если догматик располагает хоть какой-то властью. Ведь исходным пунктом дальнейшего исследования неминуемо будет критика "абсолютной истины", а результатом - превращение её в истину относительную.

Совершённое самим Ильенковым восхождение от абстрактного к конкретному - это путь от критики мёртвого, официального, догматического псевдомарксизма, через изучение и возрождение реального марксизма, к дальнейшему исследованию тенденций развития человечества. К дальнейшему исследованию, предпринятому именно с того пункта, где остановился или, может быть, свернул в сторону Маркс. Это дальнейшее исследование Ильенков предпринял прежде всего в книге "Об Идолах и Идеалах" - книге либо совсем не понятой и сочтённой всего лишь "популярной", либо слишком хорошо понятой властью имущими, а потому замалчиваемой и не переиздаваемой с 1968 года, когда вышло в свет её единственное русское издание. Да и это единственное издание

состоялось, как мне говорили, только потому, что книга уже вышла в одной из стран "социалистического лагеря". Когда я был студентом, Эвальд Василевич мне сам показывал четвёртое издание этой книги, только что полученное им из Праги.

ФОРМУЛА УНИВЕРСАЛЬНОСТИ

Внешне, на самый первый, самый поверхностный, взгляд, Книга "Об Идолах и Идеалах" представляет собой памфлет против "новейшей" - кибернетической - разновидности религии, против обожествления (а всякая абсолютизация - и есть обожествление) машины, против веры в возможность конструирования искусственного мозга умнее человеческого.

К нам в группу слепоглухих студентов как-то забрел один адепт этой "новейшей" религии, не только веровавший, но и бравшийся за конструирование машины умнее человека. Я свёл его с Ильенковым.

- Ты пытаешься сделать машину умнее человека? - спросил Ильенков кибернетика. Тот подтвердил.

- делай! - и больше Ильенков не обращал на него внимания.

Вся эта кибернетическая мистика была для Ильенкова не более чем "подробностью", примером, на котором он надеялся предельно конкретно исследовать "суть дела". На страхи, что машина выйдет из повиновения и сама поработит человечество, Ильенков фактически (не дословно) отвечает: снявши голову, по волосам не плачут. Прочитывая Максимилиана Волошина ("машина победила человека"), Ильенков полностью к Волошину присоединяется в констатации этого факта и уточняет, что машина, давным-давно, многие тысячелетия назад, победившая и поработившая человечество, есть не что иное, как государство. С этого уточнения и начинается разговор по существу, на действительную тему

книги.

В книге "Об Идолах и Идеалах" Ильенков восстановил и развил дальше исходную концепцию марксизма - а именно, концепцию отчуждения и его снятия. Он показал, что главная проблема марксизма - проблема обезчеловечивания человека, отчуждения человека от его родовой сущности, от рода человеческого, сущность которого состоит в универсальности.

В то время (в конце шестидесятых годов, в начале Брежневщины) нельзя было открыто полемизировать с вульгарными - увы, господствующими, официальными - представлениями о Марксизме как о теории классовой борьбы пролетариата. Нельзя было прямо говорить, что ради исторически обусловленного, преходящего, промежуточного СРЕДСТВА РЕШЕНИЯ . опроблемы официальной версией марксизма напрочь забыта САМА ПРОБЛЕМА. . о Сама же проблема изначально состояла и состоит в очеловечивании человека, в возвращении человеку его достоинства как родового, универсального существа. Иными словами, проблема в том, чтобы каждый живой человек становился личностью.

Сама по себе классовая борьба этой проблемы, разумеется, не решает. Классовая борьба только политически активизирует широкие массы населения, приковывает их внимание к социальной проблематике, к участи, как сейчас говорят, "наименее социально защищенных" "контингентов". В сущности классовая борьба не решает даже проблему власти, ибо власть достаётся вовсе не пролетариату, вообще не какому бы то ни было КЛАССУ . онепосредственно, а ГОСУДАРСТВЕННОМУ АППАРАТУ . о как

таковому, ЧИНОВНИЧЕСТВУ . о, социальное происхождение коего может быть и аристократическим (в феодальном, а не духовном смысле; в духовном смысле задача как раз в том, чтобы сделать "духовными аристократами" поголовно всех, - об этом чуть ниже), и буржуазным, и пролетарским. Как самостоятельная социальная группа, чиновничество блюдет прежде всего собственные интересы, хлопочет исключительно о собственном благополучии. Поэтому победа в классовой борьбе не только не ведёт к декларируемой в программах цели, то есть к созданию условий для всестороннего - универсального - развития личности, - а, наоборот, уводит от этой цели.

В условиях так называемого "развитого социализма" Ильенков, разумеется, не мог позволить себе подобных размышлений не только в публикациях, но даже, вероятно, наедине с собой. К нему и так относились по меньшей мере подозрительно. Мне рассказывали, что тех же американцев угораздило, в каком-то обзоре, назвать Ильенкова "единственным в мире человеком, действительно знающим, что такое диалектика". За эту "буржуйскую" похвалу Ильенкова чуть не исключили из партии. А когда я услышал в частной беседе и передал Ильенкову отзыв о нём как о "главе целого направления в марксистской философии", Эвальд Васильевич откровенно испугался:

- Не повторяй это и всех обрывай, от кого услышишь! Помру - тогда

говорите что хотите!

Откуда мне, желторотому юнцу, было знать, что, кроме "единственно верного" (официозного), в марксистской философии могут быть лишь разного рода "ревизионистские" "направления"!

Но у Ильенкова хватало мужества из года в год, чем дальше, тем смелее и бескомпромисснее, критиковать не только "буржуазных", но и отдельных советских авторов. Таких, как Д.И. Дубровский и И.С. Нарский. И даже - в посмертно вышедшей работе "что же такое личность?"

- идола советских (и не только советских) физиологов, И.П. Павлова.

На похоронах Леонтьева, на гражданской панихиде в МГУ, Эвальд Васильевич сказал мне:

- В психологии образовалась огромная брешь, в которую теперь хлынет всякая идеалистическая грязь.

- Ну уж сразу и грязь... - не мог не отреагировать я. - Неужели так-таки на Леонтьеве свет клином сошёлся?

- Да, грязь! сошёлся! Я знаю ситуацию в науке.

"Я живой человек!" - оправдывался он, когда его упрекали в излишней резкости, когда, например, выступая перед генетиками в их же собственном институте, он называл тельце новорождённого младенца "куском мяса" (имея в виду, что личностью не рождаются, а становятся, и тело само по себе ещё не личность). Бедный Николай Петрович Дубинин, полный философский единомышленник Ильенкова, тогдашний директор Института Генетики АН СССР, от этого "куска мяса" в своей речи отплёвывался минут двадцать. Я тоже был... нет, не шокирован, а только удивлён, и по дороге с той встречи спросил Эвальда Васильевича, зачем он дразнит гусей.

- Я, конечно, хватил через край, - признал он.

- Перепопулярничал. Но ничего, зато в статьях будем поосторожнее, поаккуратнее.

Множественное число объясняется, видимо, тем, что он имел в виду и меня, тогда ещё только студента. Что ж, в вопросе о том, рождаются или становятся личностью, я всегда был однозначно за становление. И не под "влиянием" Ильенкова, а вполне самостоятельно, - первоначально, можно сказать, из самолюбия: хотел сам за себя отвечать, хотел сам себя творить, не перепоручая столь важного дела ни Господу Богу, ни генам папы с мамой. За Бога и за Наследственность прячутся, когда понимают или чувствуют, что на самом деле не те, кем хотели бы и претендуют казаться. Вот и подводят "идеологический фундамент", оправдываются, взваливая ответственность за собственную человеческую несостоятельность на Бога или гены: Бог всё стерпит, потому что всеблаг, а гены тоже всё стерпят, потому что без души (как бумага), - стало быть, не умеют обижаться.

Когда на похоронах Леонтьева закапывали могилу, Эвальд Васильевич трясся от рыданий. Так же, как и на похоронах моего учителя, а его близкого друга, Александра Ивановича Мещерякова, я от Эвальда Васильевича не отходил. Тяжело переживая эти смерти, он не спал ночами, говорил: "Тоска..." - и я хотел помочь ему хотя бы своим присутствием...

Эвальд Васильевич был человеком исключительного мужества. Он не только прекрасно понимал, что под официальный псевдомарксизм у нас замаскировался обыкновенный вульгарный, "глупый" (в отличие от "умного", представленного богатой традицией и в домарксистской классической философии) материализм, но и писал, и печатал об этом. Разумеется, на эзоповском языке. По принципу: "Умный поймёт, а дураку хоть кол на голове теши". Иначе к читателю ему было не прорваться. А он прорвался даже к иностранному читателю! В некрологе в "вопросах Философии" подсчитано, что только при жизни его произведения перевели на восемнадцать языков.

Вся книга "Об Идолах и Идеалах" представляет собой, в сущности, НАПОМИНАНИЕ . о об исходной проблематике марксизма, ради которой с самого начала городился весь марксистский огород, - о проблематике развития человечества в сторону возникновения общества поголовной талантливости, общества, состоящего поголовно из личностей, а не из "абстрактных индивидов", не из "частичных деталей частичных машин".

Книга посвящена путям преодоления этой "абстрактности", этой "частичности". Речь идёт о том, что такое человеческая универсальность, как эта универсальность осуществима в каждой человеческой индивидуальности - личности. Ильенков сосредоточил своё внимание поистине на камне преткновения, о который разбили себе головы все официальные горе-"марксисты": что конкретно представляет собой, вообще может представлять собой "всесторонне и гармонично развитая личность"? Всезнайку и всеумейку? Явный бред. Но ведь именно этот явный бред лежит в основе пресловутого "политехнического образования", - в его советском, во всяком случае, исполнении. Ведь преподавать ребёнку "основы всех наук", - а именно так "расшифровали" у нас политехнизм, - это и значит претендовать на всезнайство и всеумейство. Более примитивного "понимания" "универсальности", "всесторонности и гармоничности развития" нельзя себе и представить. Такое представление об "универсальности" сделало бы честь пещерному жителю, коему совсем

нетрудно было знать и уметь всё, что знало и умело первобытное человечество. Но ещё Фейербах восторженно прямо-таки декламировал, что никакому гению давным-давно не по плечу знать и уметь всё, что знает и умеет человечество. В этом отношении человечество и есть, по мнению Фейербаха, тот самый Бог, которому под разными именами молятся все на свете верующие.

Нет, "абстрактность", "частичность", "прикованность к тачке пожизненной профессии" нельзя преодолеть путём всезнайства и всеумейства поголовно всех. Как и кого бы то ни было одного. Значит ли это, что "универсальность" вообще недостижима, и нам остаётся смириться со своей "абстрактностью", "Частичностью"?

Ничуть не бывало, - отвечает Ильенков. Нельзя всё знать и всё уметь, но можно... всё узнать, всему научиться, чему понадобится и захочется. И для этого не надо изучать основы всех наук. Достаточно сформировать, воспитать не частичные, профессиональные (например, "математические"), а всеобщие, универсальные способности, которые все вместе и обеспечивают способность (возможность) познания каких угодно частных, овладения какими угодно профессиями.

Что же это за всеобщие, универсальные способности? Во-первых, диалектическое мышление (а "живое", здесь и сейчас осуществляемое мышление, по Ильенкову, только и может быть диалектическим; умерщвлённое, оно распадается, разлагается на догматизм и скептицизм). Во-вторых, эстетически развитое "потреблением" мировой художественной классики, культурное воображение (такое, поясняет Ильенков, какое потребовалось Марксу, чтобы при работе над "Капиталом" постоянно представлять себе не спичечный коробок, а целостный, внутри себя расчленённый, сложный "ансамбль общественных отношений" - товарно-капиталистических; а такое воображение у Маркса воспитывали Шекспир и Гёте). В-третьих, человеческое - человеческое - нравственное - отношение человека к человеку. И, наконец, в-четвёртых - физическая культура, то есть умение поддерживать своё физическое здоровье гигиеной и оздоровительным, массовым, а не обязательно профессиональным, спортом.

Можно ответить и короче. Универсальность обеспечивается культурой духовного и физического здоровья.

Этот общий ответ сформулирован в конце главы "Не Идеал, а Действительное Движение" книги "Об Идолах и Идеалах". А в трёх следующих, последних главах, по объёму составляющих больше половины всей книги, этот общий ответ подробнейшим образом обосновывается, конкретизируется в первой своей части, касающейся духовного здоровья.

Глава "Школа Должна Учить Мыслить!" посвящена формированию культуры диалектического мышления; глава "Что на свете всего труднее?" - формированию культуры воображения (умения, - цитирует Ильенков Гёте, - "видеть своими глазами то, что лежит перед ними"); а глава "И, наконец, мораль..." - обоснованию концепции нравственности как закона отношений человека с человеком, в отличие от морали как свода правил, норм общежития (одновременно под "моралью" имеется в виду и итог всей книги, её резюме, - "мораль басни"). В этой последней главе набрасываются контуры и гуманизма как мировоззренческой системы.

Полагаю, сказано достаточно, чтобы наконец решиться

сформулировать еретический тезис: главное произведение Ильенкова - именно книга "Об Идолах и Идеалах". Дело ведь не в количестве страниц, посвящённых той или иной теме, или, как часто иронизировал Эвальд Васильевич, тому или иному "сюжету". Дело в общей логике теоретического творчества мыслителя. А в этой логике книга "Об Идолах и Идеалах" принадлежит, несомненно, центральное место. Всю оставшуюся жизнь (те самые одиннадцать лет, что мы общались) Эвальд Васильевич, по существу, занимался развитием "сюжетных линий", намеченных в книге "Об Идолах и Идеалах"; подробнейшим развертыванием, конкретизированием "сути дела", сжато изложенной ещё в этой книге. Пусть меня проверяют сколько угодно, но для этого надо сделать Ильенкова, ВСЕГО . о Ильенкова, доступным русскому читателю. Многие ведь, в том числе книга "Об Идолах и Идеалах", стало библиографической сверхредкостью.

ПРЕВРАЩЕНИЕ "КУСКА МЯСА" В ЧЕЛОВЕКА

Ну хорошо. Универсальность - как способность (то есть актуальная, а не потенциальная возможность) всё узнать и всему научиться, чему понадобится и захочется, - вполне осуществима. Но - поголовная? Для всех, как оговаривается Ильенков, у кого медицински нормален мозг? Ведь генетическая вариативность медицинской нормы что-нибудь да значит?..

Несомненно, - но не больше, чем задаток, потенция. Чтобы ходить, надо иметь ноги. Но со способностью ходить мы не рождаемся. Ходить каждый из нас учится. Ноги - не более чем задаток для "таланта ходьбы"; сам же "талант ходьбы" не просто развивается, а впервые возникает, формируется прижизненно, в ответ на настоящее требование передвигаться, и именно на двух, а не четырёх конечностях, - требование, заданное нам условиями жизни (а прямохождение - условиями человеческой, социальной жизни), а не данное от рождения.

В книге "Диалектическая логика" Ильенков следующим образом подытоживает свой историко-философский анализ. Мыслит не мозг, а человек с помощью мозга. Изъятый из тела человека, он способен мыслить так же мало, как телеграфный столб. Но и всё человеческое тело само по себе, вне его отношений со всей остальной природой, вселенной в целом, - мыслить не будет. По той простой причине, что вне этих отношений оно будет представлять собой труп. Здесь Фейербах и останавливается.

Но и этого мало, - добавил Маркс. - Даже в непосредственном единстве с остальной природой человеческое тело мыслить не способно. Чтобы возникла способность к мышлению, единство с природой должно быть опосредствовано человеческим обществом, "ансамблем всех общественных отношений". Для мышления, - уточняет Ильенков мысль Маркса, - нужна не просто голова "сама по себе", а голова "общественно развитая" (это уточнение содержится у Ильенкова в работе "Диалектика Идеального").

Строго говоря, только общественно развитая голова и является человеческой головой, а не обезьяньей или кабаньей. Опять-таки: голова не рождается, а становится человеческой. Тем более - "гениальной"!

Механизм этого становления (самый принципиальный, разумеется, только "суть дела") раскрыт Ильенковым в концепции Идеального. Заодно (именно заодно, а не в первую очередь) переосмыслена противоположность философского материализма и философского идеализма. На этой противоположности, как ни существенна она для философии, я

останавливаться здесь не буду; у меня это упоминается мимоходом, а интересующихся отсылаю к тексту Ильенкова. Для меня же в этой статье важно то, что "Идеальное" и "Материальное" представлены Ильенковым не как противоположность чего-то бестелесного чему-то телесному, а с позиций Марксовой теории о родовой сущности человека, - с позиций процесса производства людьми своей жизни.

С этих же позиций противопоставлять приходится вовсе не "дух" и "материю", а ИДЕЮ, ЗАМЫСЕЛ, ПЛАН . опроизводства - и МАТЕРИАЛ . одля его воплощения, осуществления, овеществления, опредмечивания. Поэтому-то противоположность Идеального и Материального могла возникнуть только у людей (больше ни у кого во всей живой природе), и только в сфере собственно человеческой деятельности, в сфере производства в широком философском, а не в узком вульгарно-экономическом смысле. В своей деятельности мы имеем дело не с материей как таковой (очередная вульгаризация, и очень распространённая в советском официальном псевдомарксизме), а с материалом как предметом нашей деятельности. "Материалом" же этим могут служить самые что ни на есть "нематериальные", в смысле "бестелесные", вещи, - например, образы, чувства, мысли, воплощаемые в поэтическом произведении. А для Ильенкова "материалом" служила история человеческой мысли, которую он перерабатывал в своём теоретическом творчестве. Словом, Материальное - это материал, который мы обрабатываем, а Идеальное - цель и план, творческий замысел, идея этой обработки.

Да, Марксизм всё "сводит" к производству, но Марксизм ни в коем случае не несёт ответственности за идиотизм вульгаризаторов, которые СВОДЯТ . опроизводство исключительно к изготовлению всевозможных вещей. Да, заставь дурака Богу молиться - он лоб себе расшибёт! Но причём же тут сам Бог и его Пророки?..

В понимании Маркса производство, как родовая сущность человечества, - это вся человеческая деятельность, а вовсе не только деятельность поваров и официантов, ублажающих обывателя, когда тот позволяет себе ""материалистические" излишества". Производство, понимаемое как ВСЯ . очеловеческая деятельность, как СУЩНОСТЬ . орода человеческого, как "ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТЬ" . о (термин Ильенкова, специально противопоставленный термину "физиологическая жизнедеятельность"), - столь широко понимаемое производство классифицируется следующим образом.

Во-первых, то, что мы привыкли называть "материальным производством", - производство жизни, производство всего, что необходимо для физического существования людей.

Во-вторых, производство идей, или духовное производство (религия, философия, наука, искусство, право).

И, наконец, в-третьих - производство людей, - не детей, а людей, личностей, членов общества, родовых существ, представителей рода человеческого, - короче говоря, самих производителей, участников,

субъектов какого бы то ни было производства.

Вот именно на "производстве людей", личностей, а не "абстрактных индивидов", и сосредоточил своё внимание Ильенков. В его теоретическом творчестве именно это - главное, а всё остальное - второстепенное. воистину "производное". Потому-то именно книга "об Идолах и Идеалах"

занимает в его творчестве центральное место, а вовсе не книга "Диалектическая Логика", как принято думать. Всю жизнь Ильенков не просто интересовался, а был крайне озабочен, не на шутку встревожен, обеспокоен именно тем, каким образом "кусочек мяса" превращается в человека. Именно в человека, в универсальное существо, в личность, а не в "частичную деталь частичной машины". Всю жизнь Ильенков ломал голову над тем, что именно необходимо для такого превращения.

А необходимо для этого прежде всего понять, что "кусочек мяса", при всём его биологическом совершенстве, достойном всяческого восхищения, - что этот "кусочек мяса" с точки зрения "производства производителей" - именно "кусочек мяса", то есть МАТЕРИАЛ . о, который в процессе "обработки" - воспитания, общения, а главное, собственной деятельности по решению всевозможных проблем, возникающих в "социальной среде" вследствие взаимодействия с нею, включения в неё, - становится (а не рождается в готовом виде) человеком. Необходимо освободиться от всяческих фетишей - будь то "Бог" или "гены папы с мамой", - и взять наконец свою человеческую судьбу в собственные руки. Необходим психолого-педагогический оптимизм, предполагающий ответственность за результаты производства производителей. Необходимо наконец прекратить безответственное списывание, - то ли на Бога, то ли на Природу, - брака в этом важнейшем производстве. Пока не поздно. Пока род человеческий не обезумел окончательно, вместо того, чтобы становиться разумным.

Если мы отдадим себе полный отчёт в приоритетах теоретического творчества Ильенкова, в том, что главным для него всегда было производство производителей родовой сущности человека, производство людей, - нам уже не покажется необъяснимой блажью, сентиментальным капризом или чудачеством - не просто интерес к работе Александра Ивановича Мещерякова со слепоглухонемыми детьми, а самое деятельное участие Ильенкова в обучении четырёх слепоглухих, и меня в том числе, на факультете психологии МГУ. Более убедительного аргумента в пользу психолого-педагогического оптимизма, против идолопоклонства перед Господом Богом или генами папы с мамой, Эвальд Васильевич не мог и желать. Вместо того чтобы заклинать: "Людьми не рождаются, а становятся", - Эвальд Васильевич имел возможность прямо сослаться на опыт такого становления, на опыт "делания людей" из такого "материала", из которого, как долгое время казалось, могут получаться лишь клинические идиоты. Он мог сослаться на судьбу Ольги Ивановны Скороходовой, Слепоглухой старшей научной сотрудницы НИИ дефектологии АПН СССР, ученицы профессора Ивана Афанасьевича Соколянского и первой помощницы и друга Александра Ивановича Мещерякова. А уж в нашей судьбе, в судьбе "четвёрки", Эвальд Васильевич принял такое деятельное участие, что нас, говорят, после смерти Мещерякова так и называли - "ребятки Ильенкова". У меня отмечали даже похожий на ильенковский строй речи (не произношение, конечно, ибо я не мог слышать дикции Эвальда Васильевича, - а стилистику, наиболее употребительные фразеологизмы и характерное грамматическое строение фраз; немудрено: уже в то время я вчитывался во все доступные мне тексты Эвальда Васильевича, да и беседовал он со мной больше, - я его

"монополизировал", "прилип" к нему, как умеют "прилипать" только дети

к очаровавшему их взрослому человеку; позже этот детский "монополизм" я много раз испытывал и на себе). Отмечали даже внешнее сходство мое с Ильенковым, - видимо, в молодости я был такой же худой и сутулый. Да и сам Эвальд Васильевич стеснялся моей дипломной работы, того, что в ней слишком уж "заметно влияние личности научного руководителя".

Может, и нескромно прозвучит, но всё-таки скажу: несмотря даже на конфликты (у нас не обошлось без извечной проблематики "отцов" и "детей"), Эвальд Васильевич в очень существенном отношении фактически перевоплотился в меня, став моим духовным отцом, передав мне как бы по наследству самое главное - мировоззрение. Да так, что никакие разоблачения последующих лет, никакие "опровержения", никакое даже глумление и издевательство, не заставили меня отречься от марксизма. Это значило бы отречься от Ильенкова. Да и вообще, если человек способен следовать идеологической "моде", послушно меняя "убеждения" на прямо противоположные, превращаясь, например, в одночасье из атеиста в католика, - это значит лишь, что никаких "убеждений" у него никогда не было, а были догмы и даже просто маскировочные фразы (маскирующие отсутствие убеждений). Ну, а свойство догматика метаться в истерике между противоположными догмами вряд ли можно изобразить точнее и ироничнее, чем это сделал Ильенков, например, в статье "Философия и молодость". Там есть уморительный образ молодого человека, набившего шишку при первой же встрече его школярских представлений о жизни с самой жизнью. "И растёт на этой шишке развесистое "мировоззрение"", - пишет Эвальд Васильевич. "И синяк, бывает, сойдет, а "мировоззрение" останется", - огорченно констатирует он. И выводит из этой "басни" следующую "мораль": надо смолodu выбрать себе хорошую философию, чтобы не пришлось заходиться в истерике при виде превращения противоположностей друг в друга, - подобно павловской собаке, не переносившей душераздирающего зрелища превращения круга в эллипс.

Идеологи перестройки поздно вспомнили о "Человеческом Факторе". Не получилось и не могло получиться у них "Социализма с Человеческим Лицом". Какое такое "человеческое лицо" может быть у строя, для которого человек - не высшая ценность, а только "фактор"? Как был живой человек при Сталине винтиком, так винтиком и остался, хоть и перекрестили в "фактор". Да хрен редьки-то не слаще!

Ильенков ещё ждёт своего часа. Он ведь идеолог не "человеческого фактора", а "превращения каждого живого человека в личность". Вот когда на деле, а не на словах, бросив болтовню о "факторах", озаботятся превращением биологического индивида в человеческую индивидуальность, в личность, только и достойную звания Человека, - тогда, и не раньше, придёт час Ильенкова. А озаботиться таким превращением придётся. Ибо "частичные детали частичных машин" всё очевиднее ведут человечество в пропасть, к самоуничтожению не в атомной войне, так в результате какого-нибудь экологического кризиса. Жизнь вынудит поумнеть. А уж коли возьмёмся за ум, без Ильенковской философии не обойдёмся.

Нет, не истина в последней инстанции, - эта философия нуждается в дальнейшем развитии, в дальнейшей разработке, ибо не все проблемы ею решены, да и новые проблемы неизбежно встанут, на то жизнь. Многие

придётся уточнить. Но другого методологического фундамента для работы по возвращению человеку человеческого достоинства, - просто нет. Этот фундамент проглядывает и у других мыслителей (у Эриха Фромма, у П.А.

Сорокина, например), но он, как философское основание превращения рода человеческого в действительно разумную форму жизни, может быть только один; он только осознаётся, осмысливается с разной степенью отчётливости; у Ильенкова степень отчётливости очень высокая, так как он всю жизнь сознательно стремился к постановке всех проблем с предельной остротой, до антиномичности. Поэтому альтернатива Ильенкову - только мистика, только та или иная религия, только "духовная" (религиозная) бездуховность и физическое вырождение.

Маркс выдвинул ИДЕЮ . о производства людей. Как, надеюсь, мне удалось показать, Ильенков превратил эту идею в концепцию, разработав основные принципы её реализации. Теперь необходима основанная на этих принципах психолого-педагогическая теория и практика, - по существу, совершенно новая психология и педагогика. И наиболее сложной мне представляется здесь проблема мотивации человеческой жизнедеятельности. Нужна такая теория мотива, которая стала бы ядром теории саморазвития как самотворчества, самосозидания личности, а не самореализации программы наследственного или божественного происхождения. Только решив эту проблему, мы всеобщую учебную повинность, проклиная Янушем Корчаком, сможем превратить во всеобщую одержимость учёбой. Но для этого нужна и дидактика, ориентированная на формирование и развитие всеобщих, универсальных человеческих способностей, а не на преподавание основ наук. Задача такой дидактики - учить мыслить, видеть красоту и делать добро. А так же учить культуре обращения с органом человеческой жизнедеятельности - нашим телом. Такая дидактика, собственно, перестала бы быть дидактикой, то есть наукой об обучении, в отличие от педагогики - науки о воспитании. Просто эти противоположности - обучение и воспитание - перестали бы существовать. Учить мыслить, видеть красоту и делать добро - это ведь и значит воспитывать. А остальному личность научится уже в факультативном, а не в обязательном порядке, - смотря по специальным, в том числе профессиональным, интересам. Тогда, и не раньше, производство людей станет научным, а не стихийным, как сейчас. Иначе говоря, мы наконец-то научимся становиться и быть людьми. Многие ли из нас умеют это сегодня? То-то и оно. А должны уметь все.

Если бы современные идеологи и публицисты хоть немного вникли в труды Ильенкова, они вряд ли сетовали бы на "идеологический вакуум". Только жуткой инерцией догматизма вообще можно объяснить возникновение этой нелепой проблемы. В начале XX века кричали "Караул!": "Материя исчезла!" В результате перестройки тоже закричали "Караул!": "Идеи исчезли!" На самом деле, разумеется, ни "материя", ни "идеи" никуда не исчезали, а в течение долгих десятилетий абсолютного господства догматизма исчезла, атрофировалась за ненужностью способность "думать, мыслить".

27 ноября - 5 декабря 1993

УПОМИНАЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. "Частичная деталь частичной машины" - в "Капитале" К. Маркса характеристика фабричного рабочего. В произведениях Э.В. Ильенкова эта характеристика используется очень широко.

2. Программа КПСС, принятая на XXII съезде, провозгласила лозунг "всё во имя Человека, для блага Человека!"

3. В.И. Ленин. Государство и Революция. в книге: В.И. Ленин. Избранные произведения в четырёх томах. Том второй. М., Политиздат,

1984.

4. Г.С. Гургенидзе, Э.В. Ильенков. Выдающееся Достижение Советской Науки". "Вопросы Философии", 1975, №6.

5. Э.В. Ильенков. Искусство и Коммунистический Идеал. М., "Искусство", 1984.

6. Э.В. Ильенков. Диалектическая Логика. М., Политиздат, 1974. Второе, дополненное издание с предисловием Л.К. Науменко - М., Политиздат, 1984.

7. Э.В. Ильенков. Что же такое Личность? В книгах: С чего начинается Личность. М., Политиздат, 1979, 1984; Э.В. Ильенков. Философия и Культура. М., Политиздат, 1991.

8. А. Твардовский. Тёркин на том свете. М., "Советский писатель", 1963.

9. А. Твардовский. За далью - даль. М., Гослитиздат, 1960.

10. Э.В. Ильенков. Об Идолах и Идеалах. М., Политиздат, 1968.

11. К. Маркс. Тезисы о Фейербахе. В любом издании. Там говорится о "сущности Человека" как "совокупности всех общественных отношений". В работе "Что же такое Личность?" Э.В. Ильенков уточнил перевод: "В оригинале сказано ещё выразительнее - "ансамбль" ..." Этот "более выразительный" вариант - "ансамбль", а не "совокупность", - я обычно и использую.

12. Э.В. Ильенков. Диалектика Идеального. В уже упоминавшихся книгах "Искусство и Коммунистический Идеал" и "Философия и Культура".

13. Упомянутый в тексте некролог опубликован в "вопросах Философии", 1979, №6, и предпослан первой публикации работы Э.В. Ильенкова "Диалектика Идеального", - там под заголовком "Проблема Идеального".

14. О ""материалистических" излишествах" обывателя - см. Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии. Любое издание.

15. Фейербах декламирует о бесконечности человеческих познаний, о недоступности отдельному человеку всего, что знает и умеет человечество, в "Основных Положениях Философии Будущего" (Л. Фейербах. Избранные Философские Произведения в двух томах. Том первый. М., Госполитиздат, 1955).

16. Э.В. Ильенков. Философия и Молодость. В книге: Учиться Мыслить Смолоду. М., "Знание", 1977. все три главы этой брошюры (ещё две - "Откуда берётся Ум?" и "Учиться Мыслить!") воспроизведены в однотомнике "Философия и Культура".

17. О "превращении каждого живого человека в личность" - в последней фразе работы "Что же такое Личность?".

18. О "всеобщей учебной повинности" (по аналогии с всеобщей воинской повинностью) - Януш Корчак. Как Любить Детей. М., "Знание", 1968.

19. Про "исчезновение материи" - целая литература, в том числе

В.И. Ленин. Материализм и Эмпириокритицизм. Любое издание.

В этой статье я ничего не цитирую, а лишь упоминаю, да отдельные выражения привожу наизусть. Цитаты сильно увеличили бы объём статьи, к тому же некоторых источников у меня и нет под рукой. Не говоря уже о том, что в большинстве случаев я не могу давать точные ссылки на страницы зрячих изданий, так как "зрячая" нумерация страниц при перепечатке или переписке для слепых сохраняется редко.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ (Э.В. ИЛЬЕНКОВ И А.И. МЕЩЕРЯКОВ)

Эвальд Васильевич Ильенков был всего на два месяца моложе

Александра Ивановича Мещерякова - доктора психологических наук, посмертного лауреата (вместе со своим учителем профессором Иваном Афанасьевичем Соколянским) Государственной Премии СССР 1980 года, присуждённой обоим за организацию в СССР обучения и воспитания слепоглухонемых детей. Эвальд Васильевич пережил Александра Ивановича меньше чем на четыре с половиной года. Обоих ровесников связывала теснейшая дружба. Ильенков не просто следил за работой Мещерякова, а самым активнейшим образом участвовал в ней, всячески помогая другу. Когда Мещерякова не стало, Ильенков, по сути дела, возглавил и довёл до конца обучение на Факультете Психологии МГУ имени М.В.Ломоносова четырёх слепоглухих воспитанников Александра Ивановича, среди которых был и автор этих строк.

В предлагаемой статье анализируется, что именно в науке свело вместе Ильенкова и Мещерякова, работавших, казалось бы, в столь разных, вроде бы ничего общего не имеющих областях. В конце статьи делается попытка определить перспективы психолого-педагогической практики, если её базой когда-нибудь станет ильенковская концепция духовного здоровья и гармоничного развития личности.

КОНЦЕПЦИЯ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОПТИМИЗМА

В центре теоретического творчества Ильенкова всегда была личность. Вся сложнейшая и обширнейшая специально-философская проблематика интересовала его с точки зрения теории личности. Научный подвиг Ильенкова состоит в теоретическом обосновании идеи всестороннего и гармоничного развития личности, - обосновании настолько всестороннем, что можно смело говорить о заложенном именно Ильенковым теоретическом фундаменте психологии и педагогики, ориентированной именно на становление каждого как личности, то есть как универсального, действительно разумного существа.

Идея "стопроцентной" (по любимому выражению Ильенкова) прижизненной формируемости личности высказывалась ещё Гельвецием, в XVIII веке. Маркс и Энгельс теоретически обосновали необходимость универсального - всестороннего и гармоничного - развития личности, но сосредоточили своё внимание на, так сказать, макросоциальных условиях этого развития, одним из которых признали наличие свободного от общественно-необходимого труда времени. Отсюда знаменитое требование сокращения рабочего дня не только до восьми, а - в отдалённой, правда, перспективе - даже до четырёх часов. Предполагалось, что свободное время будет затрачиваться на то, что в отличие от общественно-необходимого труда Маркс и Энгельс называли в "Немецкой Идеологии" "самодетельностью", а Маркс в первом томе "Капитала" - "игрой физических и интеллектуальных сил". Иными словами, предполагалось, что свободное время будет посвящаться творчеству, а не пьянкам, семейным скандалам и тупому созерцанию, наряду с собственным пупом, телевизионного экрана.

Ильенков бился всю жизнь над вопросами, что такое личность, что такое универсальность личности и как эта универсальность осуществима. В поисках ответов на эти вопросы Ильенков опирался на марксистскую концепцию "сущности человека" (точнее, человечества).

Маркс ещё в 1844 году различал биологический вид, как совокупность единичных особей, поддерживающих своё индивидуальное существование, а так же плодящих потомство, - и род человеческий, как

не сводимое ни к какой совокупности особей, надындивидуальное целое. Род - это целостная система, "совокупность" (Ильенков уточнил перевод - "ансамбль") "всех общественных отношений", возникших в процессе и по поводу производства. Лишь постольку, поскольку индивид включён в этот "ансамбль", он становится человеком, то есть "родовым" (в данном теоретическом контексте это то же самое, что и "социальным"), а не просто биологическим существом. Следовательно, индивидами рождаются, но людьми - становятся, и становятся ровно в той мере, в какой включаются в процесс родовой - производственной - деятельности.

У Маркса термин "производство" - синоним человеческой деятельности вообще. "Производство" - это не столько труд на мануфактуре или фабрике, сколько деятельность по преобразованию природы в целом как универсума, включающего в себя и самого преобразователя. Следовательно, производство - это универсальная, творческая, а никак не "частичная", монотонная, машинообразная фабричная деятельность. Производство - это вся "жизнедеятельность" такого "организма", как род человеческий, человечество в целом. И понятно, что такая универсальная жизнедеятельность включает не только материальное производство жизненных средств, то есть всего необходимого для физического существования человечества, но и духовное производство идей (философских, научных, художественных, религиозных), но и психолого-педагогическое производство самих производителей - людей, личностей.

Поэтому Ильенков и говорит, что личность - это человеческая индивидуальность, которую путать с индивидуальностью биологической никак не следует. Биологическая индивидуальность становится человеческой только в результате и в процессе "производственной обработки" и "самообработки", то есть воспитания, обучения, собственного более/менее активного и сознательного участия в жизни человечества.

Впрочем, - добавлю от себя, - поскольку каждый из нас включён в "ансамбль всех общественных отношений" ещё до рождения, в эмбриональный период, - поскольку поэтому социальные факторы действуют на нас и детерминируют нашу жизнь прямо-таки с момента зачатия, - мы уже с самого начала участники "ансамбля всех общественных отношений", но до поры до времени бессознательные участники, такие же, как все животные, так или иначе вовлечённые человечеством в его деятельность. Следовательно, ст'ойт сделать ещё одну оговорку: личностью приходится признать не всякого участника "ансамбля всех общественных отношений", а только активного, более/менее сознательного участника. Но что это будет за участник, может быть в немалой степени предопределено социальными факторами ещё до появления участника на свет.

Например, я родился в 1953 году в Киргизии, где, как и во всей остальной советской провинции, последствия Великой Отечественной Войны чувствовались дольше и явственнее, чем в столицах. Если уже не было прямого голода, то неполноценное питание было массовым явлением. Мама моя пережила и самый настоящий голод в годы войны и первые послевоенные годы. Это не могло не сказаться отрицательно на её организме, и врачи предполагают, что в эмбриональный период у меня произошла какая-то мутация, связанная с нарушением в мамином организме обмена веществ, - мутация, впоследствии обернувшаяся слепоглухотой. Я родился с ослабленной нервной системой, и по мере того как подрастал, без всякого непосредственного болезненного повода была обнаружена сначала слепота, а затем и резкое ослабление слуха. Возможно, ослабление зрения и слуха шло постепенно с момента рождения, причём потеря зрения прогрессировала быстрее. Так макросоциальный фактор -

война - в значительной степени предопределил мою судьбу задолго до моего рождения.

Ещё более наглядно подобное "предопределение" в случаях, когда младенцы отравляются лекарствами при каких-либо тяжёлых ранних заболеваниях. Насколько знаю, значительное число слепоглухих лишилось зрения и слуха именно в результате таких младенческих лекарственных отравлений. Лекарства - тоже социальный фактор, так как в готовом виде в природе не встречаются, а производятся фармакологической промышленностью.

Вообще, особенно в XX веке, всё труднее четко разграничить "биологическое" и "социальное". Всё чаще "биологические" проблемы оказываются следствием социальных, как в приведённых примерах. "Социализация" биологического всё более интенсивна, за последнее столетие нарастает прямо-таки лавинообразно. Следовательно, проблема социализации всё-таки стоит, только - социализации, причём, как мы видели, не всегда благотворной, организма, а не личности. Но через такую социализацию кое-что принципиально предопределяется и в судьбе личности, как родового (то есть, - неустанно подчёркивает Ильенков, - "на все сто процентов социального"), а не видового существа.

Что человеческое в человеке социального, родового, а не биологического, видового происхождения; что поэтому за сбои в "производстве людей", за психолого-педагогический "производственный брак" нам следует сетовать исключительно на самих себя, на несовершенную организацию своего "рода", - на этом Ильенков настаивал всю жизнь прямо-таки яростно, со всей поистине пламенной страстностью. Он настаивал на том, что талантливыми не рождаются, а становятся, и если становятся не все, то не вследствие несправедливости природы-матушки, а вследствие безответственности и прочих несовершенств общества-батюшки, превращающего талант в привилегию для двадцати или даже для шести процентов своих членов. Дело не в достоверности "статистики талантливости". Дело в сам'ом, этой статистикой констатируемом, но не объясняемом, чудовищном факте существования "привилегии талантливости". Дело в нашей собственной ответственности за этот факт.

Ильенков не потому так нажимает на социальную природу личности, что недооценивает значение "биологических факторов", а потому, что принципиально против каких бы то ни было попыток снятия ответственности за то, как именно включается ребёнок в "ансамбль всех общественных отношений", что именно представляет собой этот "ансамбль" и какие именно личности получают при включении в него. Проблема не в

соотношении биологического и социального, а в мере ответственности людей за себя и друг за друга, в человечности. В качестве убеждённого гуманиста Ильенков категорически настаивает на максимальной полноте, на "стопроцентности" меры ответственности человечества за себя, за каждого "носителя и полномочного представителя общечеловеческой культуры".

Антигуманисты сходятся с гуманистами в том, что "привилегия талантливости" подлежит уничтожению. Однако на этом сходство и кончается.

Антигуманисты - прежде всего фашисты всех расцветок, - стремятся уничтожить "привилегию талантливости" за счёт всеобщей серости, за счёт физического истребления талантливого меньшинства. Маркс ещё в 1844 году предупреждал, что вульгарный, "грубый коммунизм", будучи обществом завистников, не может не прийти к уничтожению всего того, чем нельзя обладать поровну; поэтому вульгарный "коммунизм"

"абстрагируется от таланта и т.д.". Сталин, Гитлер, Муссолини, Мао Цзэ Дун и прочие, им подобные, наглядно продемонстрировали нам это "абстрагирование" на практике. По меткому замечанию братьев Стругацких, "там, где торжествует серость, к власти приходят чёрные". И это закономерно: только "чёрные" "могут защитить" "серых" просто от факта существования "ярких", - факта для "серых" завистников прямо-таки непереносимого.

Наоборот, гуманисты стремятся к уничтожению "привилегии талантливости" за счёт всеобщей "яркости". Талантливыми могут и должны быть все. Все поголовно. И если общество этому не способствует, если общество этому прямо препятствует, - такое общество не имеет права существовать. И любая попытка "объяснить" существование "привилегии талантливости" несправедливостью господ бога либо другими, столь же не зависящими от нас причинами, - любая попытка такого рода означает апологию, защиту, оправдание существующей социальной, а не какой-либо другой несправедливости и безответственности, бесчеловечности. Не надо перекладывать ответственность по известному принципу: с больной головы на здоровую. Не надо искать козлов отпущения, изобретать идеологические "помойки", куда выбрасываются все те проблемы, существования которых нельзя не признать, но которые не хочется решать.

Признание родовой, социальной природы личности со всеми её талантами означает признание социальной же, родовой ответственности за "привилегию талантливости". Но раз в ответе общество, то именно от общества, от нас с вами, не от кого другого, зависит и создание условий для "превращения", как пишет Ильенков, "каждого живого человека в личность", - для "сто процентной" талантливости населения.

Отсюда - исторический оптимизм: со временем общество может стать иным, не таким несправедливым по отношению к "бесталанному" большинству своих членов.

Отсюда же - психолого-педагогический оптимизм: талантливых людей можно и нужно воспитывать.

Для воспитания талантливых людей необходимо, считал Ильенков, чтобы люди умели самостоятельно учиться всему, чему понадобится или захочется, - раз уж невозможно знать и уметь всё, что знает и умеет род, человечество в целом. А чтобы уметь учиться, надо уметь быть духовно и физически здоровым.

Быть духовно здоровым, по Ильенкову, - значит, во-первых, уметь мыслить диалектически, на уровне лучших мыслителей человечества, то есть владеть философской классикой; во-вторых, уметь видеть красоту, то есть "целосообразность", целостность мира, чему учит художественная классика; в-третьих, уметь по-человечески, по-доброму, человечно, ответственно - относиться к себе, к другим людям, ко всему миру. Иными словами, быть духовно здоровым - значит быть мыслящим, эстетически чутким и нравственным существом. Классическая формула духовного здоровья - триединство "истины, добра и красоты". Я предпочитаю иную последовательность членов этой формулы: добро, красота и истина. Истина с первого места переставляется на последнее, потому что бесчеловечная и уродливая истина - не истина. Иначе мы получаем сциентизм, религию холодной, бездушной "истины", ради которой можно пожертвовать и человечностью ("сентиментами"), и красотой, гармоничностью, целостностью мира и человека в мире. Ильенков пишет (например в статье "Гуманизм и Наука"), что именно сциентизм "подарил" нам атомную бомбу и прочие подобные "прелести".

Что касается физического здоровья, то оно предполагает умение (способность) по-человечески, медицински грамотно обращаться с

собственным организмом, поддерживать его в чистоте и всё время упражнять разнообразнейшим движением, чтобы он не захирел - так и хочется сказать: не заржавел - за ненадобностью, за неиспользуемостью. Надо гонять, нагружать своё тело, - с умом, разумеется, сколько

выдержит, не до надрыва.

Короче, быть духовно и физически здоровым - это и значит быть универсальным, родовым, а не только биологическим, видовым существом; это и значит быть человеческой индивидуальностью, личностью, а не просто биологической особью, индивидом.

Кстати, между "способностями" и "умениями" Ильенков ставит фактически знак равенства. Тут всё та же логика: "способными" не рождаются, а становятся. Ведь мы способны не "вообще", а к той или иной ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. о. Чтобы осуществлять эту деятельность, ей надо научиться. Надо учиться даже человеческим способам элементарных физических отправлений: выделения отправлять не куда попало, а в специально для этого предназначенные места; пищу в рот - не лапами, а руками с помощью опять-таки специально для этого предназначенных человеческих предметов; чистить зубы зубной пастой и щёткой, умываться с мылом, вытираться полотенцем, защищаться от холода одеждой... До уровня же таланта и подавно нужно доучиться, доработаться. И хотя отождествление способностей с умениями носит, конечно, популярный и несколько упрощённый характер, по большому счёту, "по сути дела", если отвлечься от "подробностей", в нём очень глубокий смысл. "Подробности" же сами собой разумеются: понятно, что способности реализуются не бестелесным духом, а телом, но телом культурным, а таковым тело становится.

Ильенков был убеждён, что духовное и физическое здоровье доступно каждому. Но одних теоретических аргументов для убеждения в этом других маловато. Известно ведь: практика - источник, цель и критерий истины! Требовался неопровержимый психолого-педагогический аргумент. И такой аргумент Ильенков увидел в работе Соколянского - Мещерякова со слепоглухонемыми детьми.

ЗАКОН ДОЗИРОВАНИЯ "РУКОВОДСТВА"

С Александром Ивановичем Мещеряковым Ильенков учился в одно время на Философском Факультете МГУ. Ильенков учился на Философском Отделении, а Мещеряков - на Психологическом, которое впоследствии, благодаря усилиям прежде всего А.Н. Леонтьева, стало самостоятельным факультетом. Были ли Мещеряков с Ильенковым знакомы ещё в студенческие годы, - не знаю. Достоверно одно, что по-настоящему они встретились и сдружились где-то в середине 60-х годов, когда научные интересы обоих уже окончательно определились.

Сначала Ильенков приходил только в экспериментальную группу при лаборатории обучения и изучения слепоглухонемых детей имени И.А. Соколянского НИИ Дефектологии АПН СССР (после смерти Ивана Афанасьевича эту лабораторию возглавлял А.И. Мещеряков). Эта экспериментальная группа существует и сейчас; там обучаются наиболее сложные ребята, с которыми не справляются в Загорском (ныне Сергиев-Посадском) учреждении; там же осуществлялся с 1971 года и эксперимент по обучению на Факультете Психологии МГУ четырём слепоглухих учеников Александра Ивановича.

24 мая 1968 года Мещеряков привёз Ильенкова в Загорск, где автор настоящей статьи с Эвальдом Васильевичем и познакомился. С тех пор

Эвальд Васильевич почти неизменно сопровождал Александра Ивановича в его поездках в Загорск. Нередко появлялся и без Александра Ивановича, привозил своих коллег, в том числе зарубежных. Когда "четвёрку"

перевели в Москву, в упоминавшуюся Экспериментальную Группу, Мещеряков с Ильенковым приходили к нам почти ежедневно, общались "за жизнь", гуляли с нами, баловали как могли. Они нас очень любили. После смерти Мещерякова 30 октября 1974 Ильенков неофициально руководил нашим обучением, занимался проблемами нашего трудоустройства и жизнеустройства, сам беспокоился и всех тормозил. Поэтому после смерти Мещерякова нас называли "ребятами Ильенкова" с не меньшим правом, чем учениками Мещерякова.

Больше всех из "четвёрки" с Эвальдом Васильевичем сблизился я. Александр Иванович очень поощрял нашу дружбу. ещё когда я был воспитанником Загорского учреждения, Александр Иванович в беседе наедине сказал мне, что очень хотел бы нашего сближения с Эвальдом

Васильевичем. Мы стояли с Александром Ивановичем в полутемной прихожей у дверей кабинета директора, Альвина Валентиновича Апраушева. И Александр Иванович, положив мне левую руку на плечо, правой доверительно рассказывал об Эвальде Васильевиче, какой это большой, умнейший и добрейший человек, просил не стесняться и обращаться к нему со всеми моими проблемами, уже начавшимися творческими исканиями, подчёркивал, что сам не может ответить на очень многие вопросы, на которые смог бы ответить только Эвальд Васильевич. В той беседе Александр Иванович по существу сказал мне то же самое об Эвальде Васильевиче, что лет за десять до этого нашего разговора внушала мне моя мама относительно школы вообще: "Учись, сынок! Я уже дала тебе всё, что могла, больше даст только школа, тебе надо учиться больше и лучше, чем зрячим". Вот так и Александр Иванович передал меня буквально из рук в руки Эвальду Васильевичу, который стал мне ближе родного отца, определил своей любовью и бесконечной душевной и духовной щедростью всю мою дальнейшую жизнь, несмотря ни на какие, не миновавшие нас, конфликты "отцов и детей". (Об этих конфликтах я писал в конце своей поэмы "Средоточие Боли", опубликованной в журнале "Философские Исследования", #2 за 1994 год. Воспоминания о первых годах нашей с Эвальдом Васильевичем дружбы см. в "Философских Исследованиях". #1, 1994, статья "Оптимисты", переработанный вариант которой представляет собой и данная статья.)

В работе со слепоглухонемыми детьми Ильенкова особенно привлекало главное психолого-педагогическое открытие Соколянского и Мещерякова, - закон или принцип совместно-разделённой дозированной деятельности. Подходя к делу как теоретик, Ильенков понимал и подчёркивал, что закон этот - не просто "методика" в ряду бесчисленных других "методик", но самая суть, разоблачение глубочайшей тайны процесса интериоризации, открытого советской психологической школой Л.С. Выготского.

Интериоризация - это воплощение в индивидуальной жизнедеятельности человеческих форм поведения, заданных в окружающей ребёнка социальной среде, которую он застает при рождении, - а вовсе не данных, не "встроенных" в его наследственные анатомио-физиологические структуры. Ребёнок должен с нуля научиться формам специфически-человеческой активности, сделать чужое, внешнее - своим, внутренним. Буквальный перевод на русский язык термина "интериоризация" и есть - "вращание извне вовнутрь". Интериоризации специфически-человеческой активности Ильенков противопоставляет экстериоризацию - развёртывание изнутри вовне - якобы заложенных в

генах поведенческих стереотипов. Так понимаемая экстериоризация - основная идея ненавистного Ильенкову психолого-педагогического пессимизма. Мещеряков с Ильенковым отождествляли с такой экстериоризацией и "саморазвитие" личности, под которым так же понималась реализация (по мере физиологического "созревания") "записанных" в генах программ жизнедеятельности. Не оспаривая такую трактовку терминов "экстериоризация" и "саморазвитие", Мещеряков с Ильенковым неизменно заключали их в иронические кавычки.

Думается, здесь они в полемическом пылу несколько "перегнули палку", поставили себя тем самым в довольно затруднительное, противоречивое положение. Этот "перегиб" сразу же уловила четвёрка слепоглухих студентов, заявившая против него неадекватный, совершенно детский протест. С одной стороны, весь пафос Мещерякова, Ильенкова и их единомышленников в "Большой Науке" направлен на отстаивание собственной детской активности от чрезмерной ретивости всякого рода взрослых "руководителей". С другой стороны, ставится чрезмерный акцент на "целенаправленном формировании", на "делании", даже "лепке" человека.

На одном из "круглых столов", проводимых редакцией журнала "Молодой Коммунист", я в своём выступлении взбунтовался против увлечения скульптурными аналогиями, когда речь идёт о становлении личности. Кто-то из выступавших слишком уж нажал на том, что "целенаправленное формирование" и есть как бы "лепка" человека, "точь-в-точь" подобная созданию скульптурных произведений. Это было сказано слишком уж в лоб, бестактно, беспардонно, и я "взорвался": всё-таки живой человек, в том числе ребёнок, чем-то принципиально отличается от пластилина, глины или мрамора. Протест мой был чисто эмоциональным. До теоретического спора я ещё не дорос. Я с обидой вспомнил, как в ответ на мой протест по какому-то поводу: "Нельзя так обращаться с человеком!" - воспитательница ехидно спросила: "А ты человек?" Я протестовал против расхожей сентенции "яйца курицу не учат", против отказа ребёнку в человеческом достоинстве: подрасти, мол, сначала. Я настаивал, что ребёнок с самого начала человек, всегда человек, причём весьма памятный, даже злопамятный, и нечего уповать на миф о детской забывчивости, на то, что вот подрастёт, поумнеет ребёнок, и ещё спасибо скажет. За неуважение к себе ребёнок никогда никого благодарить не будет, и так называемая проблема "трудных детей" - это именно проблема детского протеста против унижения человеческого достоинства. И сам по себе возраст никак не достаточное основание для уважения или отказа в уважении. Уважение должно быть заслужено, уважают за что-то, и в этом дети и взрослые равны. В то же время я не оспаривал идеи формирования всего человеческого в человеке от нуля, я поимённо перечислил, кому и за что искренне благодарен. Я выступил вовсе не против "целенаправленного формирования", "воспитания" как такового, а против унижительного, чересчур "популярного", вульгарного сближения этих сложнейших процессов со скульптурным творчеством, с какой бы то ни было "лепкой". И Эвальд Васильевич признал мою правоту. В перерыве он уговаривал меня не обижаться за неудачную аналогию. Но его попытки как-то смягчить и "объяснить" столь явный отказ ребёнку в каком бы то ни было его участии в его "делании" я отверг. Ведь сам же Эвальд Васильевич несколько позже бескомпромиссно оборвал мои попытки оправдаться, что в каком-то тексте я "хотел сказать" и "имел в виду" совсем не ту ересь, которую Эвальд Васильевич мне "приписал": "Читателю важно не то, что ты хотел сказать, а то, что ты сказал!" И я в свою очередь признал его правоту.

К переосмыслению понятий "Экстериоризация" и "Саморазвитие"

вернусь чуть позже, а пока изложу суть закона совместно-разделённой дозированной деятельности.

У слепоглухонемых от рождения или с раннего детства никаких вообще поведенческих стереотипов не обнаруживается. Это - факт, отмечавшийся многими исследователями, дружно уподоблявшими необученного слепоглухонемого ребёнка даже не животному, а какому-то "полуживотному-полурастению". Из этого общепризнанного факта и исходят Соколянский с Мещеряковым. Объясняется ими этот факт очень просто: активность не обнаруживается потому, что её нет. Активность у слепоглухонемого ребёнка приходится формировать. "Сама" она не "развернётся", потому что "разворачиваться" просто нечему. И если специальная заслуга школы Л.С. Выготского в открытии ФАКТА интериоризации, то специальная заслуга Соколянского и Мещерякова - в особо точном, неопровержимо убедительном раскрытии МЕХАНИЗМА интериоризации.

Мещеряков описывает это так. Сначала педагог вносит в рот ребёнку ложку с пищей и сразу опрокидывает. Затем вносит ложку, но не опрокидывает, задерживает в детском рту: задача ребёнка - слизнуть пищу с ложки. Затем ложка уже не вносится, а подносится ко рту, касаясь губ в разных местах, так что ребёнку приходится ложку как бы "ловить". Наконец, делается попытка вызвать поисково-ориентировочную реакцию на запах и температуру пищи, находящейся где-то у рта, но рта не касающейся.

Это формировалась. по выражению Ильенкова, "зоологическая активность". Теперь на её базе можно формировать и человеческую, то есть учить ребёнка самостоятельно есть ложкой. В различении зоологической и человеческой активности Мещеряков и Ильенков солидаризируются со всей психологической школой Л.С. Выготского, усматривая критерий в орудийности человеческой активности в отличие от зоологической, в том, что человек в отличие от животного пользуется специально для той или иной цели изготовленными, в готовом виде в природе не встречающимися, предметами, будь то ложка, речь или какой-либо специальный язык либо код. Орудийность человеческой психики специально, и притом экспериментально, исследовал П.Я. Гальперин, на труды которого Мещеряков непосредственно и опирается. Вот тут-то, при формировании человеческой активности, и вступает в свои права закон совместно-разделённой дозированной деятельности.

Ложка вкладывается в ручонку ребёнка, педагог берёт эту ручонку в свою, и детской ручонкой, в которой зажата ложка, пытается зачерпнуть пищу из тарелки. Педагог, по меткому выражению Ильенкова, в буквальном смысле слова "руководит" - водит рукой ребёнка. Это первый этап - совместное действие ребёнка и педагога.

Не раз присутствовавший при этой процедуре Ильенков, затаив дыхание, прослеживал: вот детская ручонка сопротивляется; вот она становится "удоборуководимой", послушной, пассивной, "позволяет собой руководить". И наконец... Оживает!.. Пытается, пусть неуклюже, сладить с ложкой самостоятельно! В этот драматический момент у наблюдающего за чудом рождения человеческой активности теоретика захватывает дух. Только бы педагог заметил! Только бы ослабил "руководящее усилие", только бы дал ребёнку возможность попробовать самому! Только бы не погасил первую - и последнюю, если погасит-таки! - вспышку человеческой активности ребёнка! Если погасит - ребёнок станет "удоборуководимым" навсегда... Только бы!..

Ура! Заметил! "Ослабил руководящее усилие"! С этого момента действие из совместного стало совместно-разделённым. А вскоре вообще отпала надобность в каких бы то ни было "руководящих усилиях", -

ребёнок умеет сам.

Так - во всём. Во всех бесчисленных "мелочах". И теоретик размышляет: что же он наблюдал? Виртуозную, но "узко-ведомственную", узко-дефектологическую "методику"? Ни в коем случае. Наблюдался закон зарождения и развития ВСЯКОЙ . о человеческой активности, на ВСЕХ . о этапах обучения чему бы то ни было, овладения чем бы то ни было . о. Сначала вместе, потом сам. Так у всех, а не только у слепоглухонемых. Это всеобщий закон интериоризации, а вовсе не специальная "методика". (Позже друг Ильенкова, ныне академик, .оФеликс Трофимович Михайлов, в своей докторской диссертации добавит, что это закон всякой человеческой деятельности, закон, через который реализуется её коллективная, родовая сущность.)

И если бы в "нормальной" школе были внимательны к первым проблескам детской самостоятельности так же, как в школе у Мещерякова, - насколько вырос бы "процент" "талантливости"!..

Уже упоминавшийся Ф.Т. Михайлов издал в начале 60-х годов книгу "Загадка Человеческого "Я"". Заключение книги тогда пришлось назвать "Вместо разгадки", то есть загадка так загадкой и осталась. Прошло больше десяти лет. Готовя в середине 70-х новое издание своей книги, Феликс Трофимович на сей раз уверенно заключил её "Разгадкой" - рассказом о работе Мещерякова.

Теперь можно вернуться к переосмыслению терминов "экстериоризация" и "саморазвитие". Думается, термины эти не стоит оставлять в монополии психолого-педагогического пессимизма. Понимаю, бывают ситуации в науке, когда некоторыми терминами приходится жертвовать, чтобы каждый раз при их употреблении не растолковывать/перетолковывать, что именно ты "имеешь в виду". Сколько могу судить по работам Мещерякова и Ильенкова, как раз такая ситуация с терминами "экстериоризация" и "саморазвитие" в то время и сложилась, - да и всяческих перетолкований Ильенков принципиально старался избегать. Но тогда не миновать чрезмерного невольного нажима на активность взрослого в ущерб активности становящейся личности. А между тем весь пафос Мещерякова с Ильенковым как раз в подчёркивании детской активности, её приоритета в том смысле, что без неё ничего не "сформируешь". Да, детскую активность тоже нужно формировать, "сама" она не возникает, но формировать активность - это и значит формировать способность к саморазвитию в смысле самосозидания, самотворчества, на первых порах бессознательного, стихийного. Из ребёнка ничего нельзя "вылепить" именно потому, что ребёнок "лепит" себя сам, своими собственными усилиями, пусть и спровоцированными, направляемыми, руководимыми педагогом. Это и есть - саморазвитие. Сначала провоцируемое и направляемое, а затем, возможно, и сознательное. Но в любой отдельно взятый момент ребёнок - субъект собственного развития, а не объект воздействий, якобы безразличный к тому, кто и как на него "воздействует", кто и как его "лепит". Ребёнок - сотрудник взрослого, пусть до поры до времени и невольный. Какие бы то ни было "развивающие", "формирующие" "воздействия" возможны только потому и постольку, поскольку ребёнок саморазвивается, сам себя "делает", творит. Такое переосмысление "саморазвития" как "самотворчества" не только не противоречит принципиальным установкам Мещерякова и Ильенкова, но подчёркивает эти установки, расставляя все акценты именно так, как их хотели расставить Мещеряков и Ильенков.

Что же касается "экстериоризации", то она является непрямым диалектическим моментом "интериоризации", Интериоризация - это одновременно и распредмечивание заданных в культуре форм человеческой жизнедеятельности, и опредмечивание этих форм в жизнедеятельности

индивидуальной. Это не просто "воплощение", а перевоплощение; не просто "врастание извне вовнутрь", а одновременно развёртывание того, что уже стало твоим достоянием, во внешних, всё более уверенных, всё более умелых действиях. Ребёнок, опредмечивая (интериоризируя) культуру в себе, тут же распредмечивает (экстериоризирует) себя в новом, более высоком качестве своей личности, в новом, более высоком уровне саморазвития, с которого только и возможно дальнейшее движение. Это движение не отменяет необходимости руководства, - наоборот, предполагает его; но в том-то и дело, что ребёнок САМ . о движется под направляющим руководством, а не ЕГО . о движут без какого бы то ни было его участия. Ребёнок всегда соучастник, сотрудник, главный союзник взрослого руководителя, без обращения к собственной активности которого какое бы то ни было "руководство" невозможно, - просто нечем "руководить".

Вообще, в полном соответствии с основными законами диалектики, противоположности предполагают друг друга, превращаются друг в друга, осуществляются, реализуются друг через друга. Интериоризация и экстериоризация, развитие и саморазвитие - не исключение. Одно возможно только благодаря другому. Да и не "одно" и "другое", а в полном соответствии с философией Ильенкова, - одно и то же, один и тот же процесс: и провоцирование с руководством, и собственные попытки; и развитие, и саморазвитие; и интериоризация, и экстериоризация, и опредмечивание, воплощение, и распредмечивание; и раскрытие, и самораскрытие, - но не того, что заложено в "генах папы с мамой", а того, что заложено в совместно-разделённой деятельности (которую, подчёркивая, что "дозируется" именно взрослая активность, именно "руководство", Мещеряков любил выражать математически: сначала взрослая активность равна единице, в конце - нулю; сначала детская активность равна нулю, в конце - единице).

Нет, конечно, я не настолько нахален, чтобы "учить" диалектике самого Ильенкова, занимавшегося ею профессионально, да на таком уровне, что американцы, говорят, ещё при его жизни называли его единственным человеком, действительно знающим, что такое диалектика (этот отзыв едва не стоил ему партбилета). Просто в попытках теоретического осмысления собственной работы с детьми я без этих терминов обойтись не смог, особенно без термина "саморазвитие". Передо мной с самого начала встала проблема: я рад бы поделиться с ребятами всеми сокровищами собственной духовной культуры, да не тут-то было, не принимают моего роскошного подарка. Как "дать" так, чтобы взяли? При каких условиях вообще можно подобные "подарки" брать? Вот и пришлось понять, что решающее такое условие - собственная детская активность, иными словами - детское саморазвитие. Иначе очень легко было бы жить: знай вкладывай в "пустой сейф" сокровища... Если ребёнок и "сейф" - изначально, согласен, пустой, - то "сейф" этот так хитро устроен, что наполняет себя только сам. Это - факт, с которым приходится считаться, как бы ни переполняли меня энтузиазм и нетерпение осчастливить малыша моими "сокровищами". И пришлось мне существенно снизить уровень притязаний, не приставать к детям ни с каким осчастливлением, чтобы не отвергли и того немногого, что готовы бы взять.

ОСНОВА ВЗАИМОПОНИМАНИЯ

Как указывает Ильенков, надо владеть совершенно определённой теоретической культурой, чтобы по достоинству оценить закон совместно-разделённой дозированной деятельности. Это, что называется, не всякому дано. Но вот что бросается в глаза каждому, что в первую

очередь беспокоит любого зрячеслышащего при встрече не только со слепоглухим. а со слепым, - это то, как без зрения, а тем более без зрения и слуха, может "выглядеть" окружающий мир. Как это можно обходиться без зрения и слуха? Как без зрения и слуха возможно ПОЗНАНИЕ . о окружающего мира, какое бы то ни было ДЕЙСТВИЕ . о в этом мире?

Сенсорная инвалидность, то есть поражение одного или нескольких органов чувств, переживается и самим инвалидом, и окружающими его людьми, прежде всего, как резкое ограничение возможностей ориентировки. Совершенно естественно поэтому, что на первый план выдвигается гносеологическая проблематика. Прежде всего этой проблематике и посвящена книга Ольги Ивановны Скороходовой, что видно уже из заглавия, - "Как я воспринимаю, представляю и понимаю окружающий мир". То есть "Как я познаю мир без зрения и слуха".

А ведь основной вопрос философии - именно вопрос о принципиальной познаваемости мира, и в связи с этим - о существовании мира до, вне и независимо от познающего субъекта, то есть об объективном бытии мира. Эта проблематика для слепоглохого абсолютно не специфична, просто встаёт с предельной остротой, а потому и решаться может лишь с особой точностью, для зрячеслышащих как бы "не обязательной".

И прежде всего тут приходится отказаться от узко-информационного подхода. Недаром рассуждения о "каналах информации", о "единицах информации" вызывали у Ильенкова, Мещерякова и их друзей нескрываемую иронию. Пусть кибернетика судит "не выше сапога" - не выше своих машин. Как бы ни были совершенны, сколь бы широко ни применялись эти машины, философию и психологию подменить ими, тем более "отменить", не удастся. Теория информации никогда не заменит теории познания, - по той простой причине, что в основе, фундаменте познавательных процессов лежит вовсе не "информация".

Дело идёт об основе понимания мира и взаимопонимания между людьми. Основа же эта - образ. То есть целостное, интегральное (и в этом смысле конкретное) отражение объективной реальности, а не формальная, безразличная к содержанию информация. Мещеряков говорил журналисту Карлу Ефимовичу Левитину, что "Любители подсчитывать биты" (байты) абстрагируются от самого главного - от значимости познаваемого для познающего. О чём бы ни шла речь, какое бы значение это ни имело для человека, "бит" (байт) - всё тот же. Машине, бездушной железке, всё равно, но живому человеку не может быть всё равно. Поэтому "бит" (байт) - единица информации, но уж никак не единица познания. И Ильенков, и Мещеряков категорически настаивали на том, что единица познания (она же основа, фундамент познания) - образ. И это не измерительная, а качественная единица. Такая, какую имел в виду Л.С. Выготский, обосновывая понятие "единицы" для психических процессов. Он проводил аналогию с водой, единица которой - молекула воды, а никак не атомы водорода и кислорода, эту молекулу составляющие. Единица - это то, дальше чего анализ идти не может, не рискуя утратить сам предмет анализа. Это простейшее образование, сохраняющее все качества, всю специфику предмета анализа. Если же дальше анализировать, "упрощать", мы эту специфику потеряем, взамен получим совершенно новую, соответствующую не молекуле, а составляющим её элементам.

Познаётся только то, что значимо для субъекта познания, и познаётся в процессе активного действия с познаваемым предметом, в процессе предметной деятельности, никак не сводимой к поглощению информации.

Именно анализ предметной деятельности при слепоглухоте убеждает

Ильенкова в принципиальной правоте Спинозы, который определяет мышление как движение мыслящего тела по контуру любого другого тела. В так понятом ПРОЦЕССЕ . о мышления явственно проступает ощупывающая рука. причём мышление, понятое как "ощупывание", оказывается не одной из многих "психических функций", а первоосновой, субстанцией (в самом точном спинозовском смысле) психики вообще. (Любопытно сравнить спинозовское определение мышления с определением психики, данным Алексеем Николаевичем Леонтьевым: психика есть способность живого тела отражать своими состояниями окружающую его, вне и независимо от него существующую реальность. Спиноза в "Этике" тоже говорит о состояниях мыслящего тела, соответствующих состояниям тел, среди которых - по контурам которых - мыслящее тело действует.) Поэтому-то, подчёркивает Ильенков, ребёнок должен стать умным, мыслящим существом ещё до того, как научиться говорить.

В свете сказанного не покажется простым "чуждачеством" мыслителя тот факт, что сам Эвальд Васильевич имел поистине мыслящие руки. Он прекрасно переплетал, и незадолго до смерти увлечённо знакомил меня с технологией своего переплетного производства, показывая мне все инструменты и объясняя их роль. Из разномастных радиоаппаратов он смастерил у себя дома радиоконбайн такого качества, что звучанием этой системы восторгался его знакомый из ФРГ.

На одном из ежегодных мемориальных семинаров, посвящённых памяти Эвальда Васильевича, говорили о монолитности его марксистского мировоззрения. всё так, но в основе ильенковского марксизма лежал спинозизм; как можно прочесть в "Диалектической Логике", Ильенков причислял к "великим спинозистам" и Канта, и Фихте, и Гегеля, и Фейербаха, и самого Маркса. И не в смысле эпигонства, религиозного преклонения, а в смысле творческой переработки в процессе создания собственной философии. Спинозизм для них поистине сыграл роль субстанции - первоосновы.

Образ возникает в предметной деятельности и является решающим условием её успешности. Поэтому образ должен быть как можно более точным, адекватным. И хотя до начала совместно-разделённой деятельности у ребёнка никакого образа ещё нет, - он в этой деятельности впервые возникает, формируется, - но самостоятельное выполнение ребёнком действия невозможно без предварительной, как можно более точной, детальной, ориентировки в плане образа. Это значит, что формирование образа должно опережать формирование навыка, иначе навык так и не сформируется, так и не закрепится. Ребёнок не сладит с хрестоматийной ложкой, пока у него не будет образа всей предметной ситуации: и самой ложки, и стола, за которым он сидит, и стула, на котором сидит, и тарелки с пищей на столе. Этот образ ребёнок **ВЫНУЖДЕН** себе создать, когда взрослый "водит" его рукой, под давлением "руководящего усилия" взрослого. Пытаясь что-то сделать сам, ребёнок ориентируется в предметной ситуации волей-неволей, и лишь когда у него складывается точное представление обо всей ситуации, и одновременно - о способах действия в ней, ошибочных и правильных, ведущих и не ведущих к цели, - лишь тогда, никак не раньше, он станет способен действовать в данной предметной ситуации самостоятельно и безошибочно, не путаясь в пресловутых "трёх соснах". "Зачатие" образа и навыка происходит одновременно в одном и том же процессе, под давлением одного и того же "руководящего усилия". Но окончательное "рождение" образа должно произойти раньше окончательного "рождения" навыка, потому что рождение образа - непременное условие рождения навыка. В этом смысле образ по отношению к навыку, к действию - первичен.

Чтобы возможно было какое бы то ни было успешное действие, образ

должен быть точным, адекватным независимо от своей чувственной ткани, независимо от того, каким именно "анализатором" преимущественно пользовались при построении образа, - зрительным, слуховым, тактильным или ещё каким-нибудь. Не в "анализаторах" дело, а в том, чтобы каким бы то ни было способом (образом!) поточнее сориентироваться в предметной ситуации, тем самым получить возможность уверенно в ней действовать. "Способ" и "образ" друг без друга невозможны. Способ рождает, формирует образ, а затем на основе окончательно сформировавшегося образа и сам окончательно закрепляется в индивидуальной жизнедеятельности.

Мещеряков специально исследовал вопрос о значении чувственной ткани образа при переводе, например, слепнувшего ребёнка на обучение с помощью осязания. Мещеряков ставил вопрос так: что общего между образами, воплощёнными в той или иной чувственной ткани, - зрительной, слуховой, осязательной? Конечный вывод Мещерякова не мог не привести Ильенкова в восторг. Между образами в различном чувственном воплощении, - убедился Мещеряков, - **НЕТ АБСОЛЮТНО НИЧЕГО ОБЩЕГО, КРОМЕ**

ОДНОГО - ИХ АДЕКВАТНОСТИ ПРЕДМЕТУ . о. После этого Ильенков, конечно, имел

полное научное право заявить, что чувственная ткань образа играет второстепенную роль по сравнению с точностью образа. Суть дела - в точности, правильности отражения, а при помощи какого именно органа чувств - это детали, подробности, не столь уж и существенные. Правда, в письме ко мне он уточнял: "Не буду лицемерить и говорить, что зрение и слух - вообще маловажные вещи..." Немаловажные сами по себе, кто спорит, но если уж так не повезло, что их нет, можно и без них ориентироваться в предметной ситуации полноценно, ничуть не хуже, а подчас и лучше зрячеслышащих, - вот что главное. Зрение и слух - "маловажные" "подробности" по сравнению с "сутью дела", то есть по сравнению с принципиальной возможностью полноценной ориентировки, реальной и без них, но сами по себе они очень важны. Такая вот диалектика "сути дела" и "подробностей" (этим сопоставлением "сути дела" с "подробностями" работы Ильенкова буквально пестрят).

Точно та же логика, думается, применима и к личности в целом. Между всеми нами тоже **НЕТ АБСОЛЮТНО НИЧЕГО ОБЩЕГО, КРОМЕ ОДНОГО - НАШЕЙ АДЕКВАТНОСТИ ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ** . о. Я уже упоминал идею

Михайлова о том, что мы не "усваиваем" и не "присваиваем", а воссоздаём культуру, создаём свой индивидуальный, личный её вариант. Это основа нашей человеческой уникальности, неповторимости, единичности, - человеческой, а не физиологической или ещё какой. Но чтобы мы вообще могли как-то понимать и просто терпеть друг друга, как-то общаться, между всеми нашими личными вариантами культуры должно быть нечто общее, и это общее - их б'ольшая или меньшая адекватность "первоисточнику". Мне кажется, что это, кроме всего прочего, прекрасный аргумент в пользу взаимной терпимости...

ВСЕОБЩЕЕ И СПЕЦИФИЧЕСКОЕ ПРИ СЛЕПОГЛУХОТЕ

Итак, слепоглухой ты или зрячеслышащий, не столь уж важно по отношению к общечеловеческой сути как восприятия, так и развития психической жизнедеятельности в целом. Принцип дозирования "руководства", дозирования взрослой активности, чтобы могла возникнуть и развернуться активность детская, - обязателен как при слепоглухоте, так и при сенсорной норме. Мышление, Спинозой понятое как способность мыслящего тела действовать по форме, по контуру (и, добавляет Ильенков, по логике, то есть в согласии с природой, сущностью,

законами существования) любого другого тела, - сохраняет свой фундаментальный характер и при полной исправности, и при полном отсутствии зрения и слуха. Как уже отмечалось, такое понимание мышления совпадает с понятием психики у А.Н. Леонтьева. Эта перекличка Спинозы и Леонтьева с Ильенковым, разумеется, не случайна. Наконец, точность ориентировки в окружающем мире, адекватность образа предмету деятельности субъекта, - обязательна, само собой понятно, и для слепоглухого, и для зрячеслышащего.

Не слишком ли много совпадений? По мнению Ильенкова, Леонтьева, Мещерякова и их единомышленников, более чем достаточно, чтобы сделать вывод, который Ильенков формулирует несколько парадоксально: в случае со слепоглухотой мы имеем дело не с исключением, а с исключительно удобной для точного исследования всеобщих закономерностей ситуацией. Специфично при слепоглухоте разве лишь то, что суть процесса формирования и развития человеческой психики предельно обнажена, не загорожена подробностями, которые на каждом шагу сбивают с толку при сенсорной норме. А так как слепоглухонемой ребёнок развивается, особенно на старте, несколько медленнее зрячеслышащего, то суть ("подумать только!" - восклицал Леонтьев) психического развития можно наблюдать "как бы при помощи замедленной киносъёмки" (сравнение принадлежит Леонтьеву).

Но тут, пожалуй, в своём увлечении удобствами фундаментального психологического исследования Алексей Николаевич, по-моему, хватил через край, совсем забыв о трагедии ребёнка, чьё развитие столь "удобно" замедлено. В самом начале собственной работы со слепоглухонемыми детьми я был потрясён именно черепашьими темпами их развития. Ильенков, правда, оговаривался, что это лишь на первых порах, на старте, а дальше, мол, развитие идёт всё быстрее, догоняя и даже опережая (по своей основательности, по качеству) развитие зрячеслышащих. Да и вообще эта замедленность развития воспринималась как нечто естественное: всё-таки слепоглухота... Не раз и Леонтьев, и Ильенков адресовали зрячеслышащим упрёк: если слепоглухие могут развиваться не хуже вас и даже примерно теми же темпами, то какие же колоссальные, совсем не используемые, резервы развития у вас?!

Да, инвалиды есть инвалиды, и их возможности по сравнению с нормой, конечно, ограничены. Сейчас модно говорить вместо "инвалиды" - "лица с ограниченными возможностями развития". "Инвалиды", видите ли, грубо звучит. Но это называется поправляться из кулька в рогожку. Хотели смягчить, а вышло ещё жёстче. По элементарной логике ведь выходит, что, если есть "лица с ограниченными возможностями", то есть и "лица с неограниченными возможностями", Кто такие? Уж не господа ли Боги собственной персоной? У не в меру "милосердных" зрячеслышащих получилось невольное самообожествление. На деле, конечно, возможности ограничены у всех, у кого в чём, и замена термина "инвалиды" термином "лица с ограниченными возможностями", по существу, стирает всякую грань между инвалидностью и здоровьем, между патологией и нормой.

Что же касается надежд Ильенкова на ускорение развития, то они, увы, в действительности не оправдываются. Наоборот, и без того медленное на старте, развитие в дальнейшем нередко совсем прекращается. Это факт, и этот факт Ильенкову был известен. Однако он объяснял этот факт теоретической безграмотностью практиков - загорских педагогов, действительно в большинстве своём даже не вникающих в методологию Соколянского и Мещерякова. Для них закон совместно-разделённого дозированного действия - не более чем методика, пригодная лишь на самых первоначальных этапах обучения.

Моя мама вспоминала, что, когда меня стали готовить в

университет, кто-то из загорских педагогов даже уговаривал её воспротивиться этому: мол, я стану слишком умным, буду понимать всю глубину своей обездоленности, мне тяжело будет жить. Это ещё меня жалели...

Сейчас эти установки на минимальное развитие жестоко критикуются жизнью. Надомной работы нет, на предприятиях обществ слепых и глухих, как и в остальной промышленности, сплошь и рядом простаивают конвейеры. В Сергиев-Посадском учреждении можно оставаться ребёнком хоть всю жизнь, а ребята рвутся домой, к родителям, не понимая, что при нынешнем катастрофическом состоянии в экономике делать им там нечего, только сидеть на шее у родителей да на скудной пенсии по инвалидности.

Я пытался объяснить одной двадцатилетней слепоглухой девушке, что самое лучшее сейчас - дожидаться сдачи в эксплуатацию строящихся общежития и производственного корпуса для взрослых слепоглухих. Тут хоть будешь накормлен и одет, какое-никакое, да общение, а дома окажешься в четырёх стенах, как в одиночной камере почти. Не понимает... Хоть кол на голове теши.

В январском номере журнала "Наша Жизнь" (центральный орган Всероссийского Общества Слепых) за 1995 год была статья Е. Волох "Житие Юлии Виноградовой". В своё время Юля Виноградова была ученицей Соколянского, потом Мещерякова, поражала своими способностями к скульптуре, о ней, как об ещё одном триумфе педагогики Соколянского и Мещерякова, упоминали в своих статьях и Ильенков, и другие, писавшие об этой педагогике. В конце 70-х Юля уехала в Чудово к маме, всё хозяйство держала на себе. Мать умерла. И хотя Юля живёт с родственниками, ей очень тяжело, одиноко, рада бы вернуться в детдом, да уже некуда, мест нет. О своём отъезде домой жалеет как о непоправимой ошибке. Я в разговоре с рвущейся домой воспитанницей детдома сослался на эту публикацию, да куда там!.. Сама же говорит, что и мать и отец болеют. Уедет, вскорости взвоят, можно не сомневаться, запросится назад, а мест нет... Многим вот так, как Юле Виноградовой, пришлось и придётся расплачиваться за своё затянувшееся детство. И хотя в Сергиев-Посадском учреждении со временем будет двести мест - сто для детей и сто для взрослых, - проблемы это никак не решит; по очень неполным данным в России слепоглухих до пяти тысяч, и из-за ухудшающейся экологической и социальной обстановки есть тенденция к росту их численности.

Выход один - в ускоренном развитии до как можно более высокого уровня, чтобы ребята были способны понять ситуацию в жизни общества и найти в ней своё хоть какое-то место. Либо всю жизнь содержать в закрытом учреждении, либо всех, кого только удастся, выводить на как можно более высокий уровень общего развития. Пока же ситуация такова, что оба варианта нереальны. Первый просто не по карману, а второй требует возврата на принципиальные методологические позиции Соколянского и Мещерякова, при условии дальнейшей разработки с этих позиций концепции становления личности на всех этапах развития, а не только на первоначальных. Такая задача практикам одним не по плечу, нужна огромная научно-исследовательская работа, постоянное внимание и поддержка большой науки, что было при Мещерякове, и чего мы лишились со смертью и самого Мещерякова, и всех его друзей, - особенно со смертью Ильенкова и Леонтьева. Чтобы реализовать второй вариант, надо снова превратить Сергиев-Посадское учреждение в "психолого-педагогический синхрофазотрон". Или создавать другой, альтернативный, "синхрофазотрон"!

Кстати, как Нетрудно догадаться, проблема бесконечного детства,

проблема инфантильности - тоже не наша монополия, не специфична для нас. Такая же ситуация со всем российским образованием, да и со всем российским, постсоветским обществом. Просто в ситуации слепоглухоты это особенно кричаще, предельно остро, буквально до альтернативы: быть или не быть.

Нет сейчас людей, которые были бы равнодушны к судьбам слепоглухих ребят в такой же - максимальной! - мере, как Соколянский, Мещеряков, Ильенков и Леонтьев. Последние трое пренебрегли очень многими "формальностями" и "подробностями" ради нашего высшего образования: не стали дожидаться, пока мы формально закончим среднюю школу и получим аттестаты зрелости; Мы сдали вступительные экзамены в университет вне общего конкурса; нас освободили от математики и иностранного языка, обучали нас отдельно от здоровых студентов, добиваясь не формального, а реального, качественного равенства нашего со здоровыми. Таким образом, при категорическом настаивании на принципиальной всеобщности законов нашего психического развития, специфика его учитывалась в полной мере, "детальными" и "подробностями" ни в коем случае не пренебрегали. Наши духовные родители прекрасно понимали, что "подробности", несущественные в общетеоретическом контексте, весьма и весьма существенны в процессе живого развития. Все мы равны в своей адекватности общечеловеческой культуре, но адекватность эта в жизни каждого из нас реализуется

индивидуально-неповторимо. Именно эту неповторимо-индивидуальную вариативность развития, при полном соответствии общечеловеческой сущности его, имел в виду Ильенков, определяя личность как "человеческую индивидуальность".

Когда, казалось, начали оправдываться опасения моих педагогов, и я действительно впал в отчаяние, осознав свою обездоленность (пока только творческую) по сравнению со зрячеслышащими, - Эвальд Васильевич написал мне письмо, в котором гениально точно диалектически совместил индивидуальные "подробности" с общечеловеческой "сутью дела": "Ты верно и остро понял, что проблемы, в которые ты упёрся, абсолютно ничего специфического для слепоглухого не составляют. ...Зная тебя, знаю, что сладеньких утешений ты не примешь, что ты к ним глух. ...Я понимаю, что слепоглухота не создаёт ни одной, пусть самой микроскопической, проблемы, которая не была бы всеобщей проблемой. Слепеглухота лишь обостряет их, - больше она не делает ничего".

Вся моя последующая жизнь ушла на осмысление и расшифровку этой диалектики специфических "подробностей" и всеобщей "сути дела". Анализируя с ильенковских теоретических позиций собственный опыт, действительно оказавшийся крайне, до трагизма тяжким, я доработался до следующей итоговой формулировки. Не существует, быть не может особых "слепоглухих" проблем, - иначе бы мы, слепоглухие, были принципиально иными существами, не людьми. Но слепеглухота вынуждает ставить общечеловеческие проблемы с предельной остротой, обнажающей их общечеловеческий характер, и в этой предельной остроте постановки общих со всеми людьми проблем - вся специфика слепеглухоты. Специфичны так же и способы решения всеобщих проблем, однако эти специфические способы решения, продиктованные специфическими условиями слепеглухоты, обнажают общечеловеческий ПРИНЦИП . о их решения. Словом, всеобщее и специфическое при слепеглухоте диалектически совмещаются, отождествляются; как по самым разным поводам подчёркивал в своих произведениях Ильенков, имеет место "не "единство" только, а именно тождество, полное совпадение противоположностей". Потому-то наши духовные родители - Мещеряков, Ильенков и Леонтьев - безоговорочно

присоединялись к мнению Горького, который в одном из писем Скороходовой назвал работу со слепоглухонемыми детьми "экспериментальной философией". Действительно, и успех, и провал этой работы напрямую зависит от философской позиции людей, занятых этой работой. И такую прямую зависимость практики от теории Ильенков постоянно подчёркивал.

ПУНКТИР В БУДУЩЕЕ

Сейчас обучение и воспитание слепоглухонемых детей перестало быть "экспериментальной философией". А между тем всё теоретическое творчество Ильенкова ставит задачу - превратить в "экспериментальную философию" всю психолого-педагогическую практику, ориентированную как на относительно здоровых детей, так и на детей-инвалидов.

В личных беседах Эвальд Васильевич не раз говорил мне, что на самом деле, с его точки зрения, философия, психология и педагогика - вовсе не три разные науки, а одна и та же наука, три её уровня. Проблемы становления гармоничной, духовно и физически здоровой личности они могут решать и в конце концов решить только вместе. Пока это три разных "ведомства", наш психолого-педагогический "воз" так с места и не сдвинется, в полном соответствии с басней Крылова о лебеде, раке и щуке. Философский лебедь будет рваться в облака, психологический рак - пятиться, а педагогическая щука - глотать ребятешек живьём.

Нужен не просто пересмотр учебных программ в соответствии с принципом восхождения от абстрактного к конкретному, выявления логического в историческом. Это "подробности". Суть же дела в перестройке всего психолого-педагогического процесса в соответствии с конечной целью - формированием гармоничной личности. И тут у Ильенкова прежде всего нужно обратиться к различению универсальных и специальных способностей. Об этом уже был разговор. Кратко напомним, что универсальные, или всеобщие, способности - это такие способности, которые в совокупности дают возможность научиться всему, чему понадобится или захочется.

Это, во-первых, способность к диалектическому мышлению; во-вторых - способность к воображению, эстетически развитая до интуитивного уровня; в-третьих - способность по-человечески, нравственно, гуманно обращаться с самим собой и с другими людьми, способность на деле, а не только на словах, относиться к себе и к другим людям, к любому человеку, как высшей ценности; в-четвёртых, наконец, - способность поддерживать своё физическое самочувствие, свою физическую работоспособность на как можно более высоком уровне, в том числе в пределах ограничений, накладываемых инвалидностью или ещё чем-то. Тем самым определяется наша учебная программа с рождения ребёнка до его физической и личностной зрелости, когда, владея всеми перечисленными способностями, он в конечном счёте способен сам определять свою судьбу.

Формированию специальных способностей тоже нужно специально содействовать в школе, но их место должно быть подчинённым по сравнению с универсальными способностями. Главное - это научить учиться, тем самым, насколько возможно в данных исторических условиях, сделать человека хозяином собственной судьбы. А чему именно он захочет или ему понадобится учиться специально, в той или иной специальной, частной области деятельности, - он решит сам, и мы ему в этом обязаны помочь, предоставив выбор и доступ к необходимым специальным знаниям.

Подчинённый характер таких специальных занятий должен выражаться в их факультативности. Всё же содействующее формированию универсальных способностей должно быть обязательным для всех. Пока соотношение в

школе как раз обратное: ребят перегружают специальными подробностями, которые за ненадобностью благополучно забываются. Все учебники написаны специалистами в той или иной области, и в сущности обращены к специалистам, а не к детям. Перегружают память знаниями ради знаний, знания оказываются самоценными, а ребёнка между тем надо приучить к тому, что знания - это не более, но и не менее чем СРЕДСТВО . о решения его ЛИЧНЫХ . о проблем, вставших именно в _ЕГО . жизни, _ЛИЧНО . _ПЕРЕД НИМ ..

Я бы, подобно многим, старался держаться от философии на самом почтительном расстоянии, вообще как можно дальше, как держусь на весьма и весьма почтительном расстоянии от математики, - если бы всей нашей дружкой Эвальд Васильевич не убедил меня в том, что философия к жизни, и особенно лично к моей, имеет самое непосредственное отношение, что философия - это именно и есть культура решения проблем, культура сознательно-диалектического мышления. И я настолько проникся этой мыслью, что ещё студентом стал уповать на диалектику в своих повседневных заботах, в повседневных отношениях с окружающими людьми,

особенно в том, кому и насколько и в чём можно верить, доверяться. Ещё студентом благодаря Эвальду Васильевичу я был убеждён, что по-настоящему, не на уровне взаимных обид, а на уровне дружбы и любви, выяснить мои отношения с окружающими мне поможет только диалектика. И в такой установке мне разочароваться не пришлось, хотя и выяснилось прежде всего, что справиться с диалектикой своей, не чьей-то жизни - дело едва ли не самое трудное.

Весь психолого-педагогический огород бесполезно городить без решения проблемы мотивации детской деятельности. Необходимо, чтобы ребёнок был максимально активен, ибо за него никто никакой культуры не воссоздаст, хотя и в одиночку, без руководства, без направляющей помощи, он с этим тоже не справится. Для такой максимальной активности необходимо, чтобы ребёнок сам хотел, страстно желал воссоздавать культуру, творить свой индивидуальный её вариант; чтобы воссоздание культуры было его потребностью, чтобы он этим процессом был азартно увлечён.

Следовательно, мотивация должна быть этико-творческой. "Чисто" творческой - недостаточно: она может обернуться античеловеческой по принципу: наука (или искусство) требует жертв.

Ильенков настаивает на "равноправии" всех трёх способностей, обеспечивающих духовное здоровье, - мышления, воображения и нравственности. В работах "О специфике искусства" и "Об эстетической природе фантазии" он формулирует, что ни наука, ни искусство, ни этика "не могут находиться в отношениях субординации", потому что такие отношения неизбежно ведут к абсолютизации, к обожествлению то ли науки (сциентизм), то ли искусства (теория "чистого искусства"), то ли этики (кантовский "категорический императив"). И высшей ценностью оказывается неизбежно не живой человек, одинаково развитый в отношении всех трёх универсальных способностей, - а, в качестве Бога, отчуждённый (в виде профессии) вариант реализации какой-нибудь одной из них.

Поэтому наука, искусство и этика должны находиться в отношениях равноправного сотрудничества в деле развития до нормального, то есть наивысшего достигнутого человечеством, уровня соответствующих универсальных способностей - мышления, воображения и нравственности. Все три одинаково важны, поэтому все три должны быть нормально развиты "в каждом индивидууме". Взаимно дополняя и предполагая друг друга, все три способности, при условии равномерного, одинаково нормального

развития, полностью исключают риск античеловеческого "применения" каждой из них. А вот при гипертрофии любой из этих способностей за счёт остальных, - даже нравственности, - опасность античеловеческого применения этой гипертрофированной способности не просто существует, но её античеловеческое применение неизбежно, как только она "превышает" свои "полномочия", то есть возводится в ранг божества. Ибо, - напоминает Ильенков, - "божества не бывает без убожества".

Одинаково же нормально развитые, все три способности ВМЕСТЕ . о (ни в коем случае не порознь) представляют собой вполне надёжную систему сдержек и противовесов, вполне надёжный иммунитет от любых рецидивов зоологического неразумия и человеконенавистнического безумия. И сама собой снимается проблема какой бы то ни было "субординации", - проблема, которой из трёх одинаково важных способностей быть высшим арбитром в споре двух других. Ни научное, ни художественное творчество просто не смогут не быть человеческими, а человечность не сможет не быть мудрой и эстетически зоркой. Проблема, порождаемая отчуждением, профессиональной ограниченностью (и дополняющим её самодовольством) каждой из этих способностей, исчезнет по мере исчезновения причины - по мере снятия отчуждения.

Профессиональная ограниченность (Ильенков многократно пишет ещё резче - "профессиональный кретинизм") является порождением совершенно определённой системы разделения труда. Совсем без разделения труда обойтись невозможно, потому что никто "в частности" не может знать и уметь всего, что знает и умеет уже сейчас, а тем более будет знать и уметь, человечество "в целом". Но система, основанная на всё более дробном "распределении" человеческой универсальности по бесчисленным профессиям, обречена на гибель вовсе не потому, что кто-то придумал сказку про коммунизм и намерен во что бы то ни стало сделать эту сказку былью. Просто эта система порочна в самой своей основе, и в силу своей порочности неизбежно порождает нарастающую угрозу существованию человечества и всей вовлечённой в сферу его жизнедеятельности природы. Эта система подводит и неизбежно подведёт человечество к краю пропасти, на котором альтернатива окажется предельно простой и жёсткой: либо свалиться в пропасть небытия, - либо опомниться на краю пропасти и стать актуально, а не только потенциально, разумной формой жизни. Третьего будет не дано. А спастись будет невозможно, не снимая отчуждения человека от его универсальной сущности, - следовательно, не преобразуя систему разделения труда на началах сознательного сотрудничества подлинно разумных существ, а не хаотического взаимодействия "подслеповатых специалистов" (выражение Ильенкова). Либо безумие и гибель, либо разумное преобразование (а не коверканье) взаимодействия людей между собой и природой. Вот и весь "выбор".

И неважно, как будет называться это подлинно разумное общество, которое возникнет (если успеет возникнуть) как единственная альтернатива нарастающему термоядерному, бактериологическому, экологическому и всякому иному безумию. Не будем ссориться из-за слов. Не хотите называть это коммунизмом (я лично не хочу, учитывая, что в нынешнем политическом словаре это стало синонимом фашизма, и после кровавого опыта с "диктатурой пролетариата" ничем иным не могло стать) - называйте гуманизмом, смущает почему-то гуманизм - называйте вслед за Эрихом Фроммом "демократией участия" (которую Фромм противопоставляет распространённой сейчас, никакому фашизму и тоталитаризму на практике не мешающей, представительной демократии). Какая разница? Лишь бы разум восторжествовал над безумием.

Синтез же философии, психологии и педагогики, ставящий своей

специальной задачей решение проблемы, как любому из нас стать подлинно разумным существом, - такой синтез я с удовольствием готов называть, вслед за Максимом Горьким, "экспериментальной философией". Или, вслед за К.Д. Ушинским и Б.М. Бим-Бадом, "педагогической антропологией". Или даже, вслед за Штайнером, "антропософией". Или, наконец, вслед за собственной психолого-педагогической практикой и её теоретическим осмыслением, - "совместной педагогикой"...

18 марта - 1 апреля 1995;
7 - 8 июня 1997

ВЧУВСТВОВАТЬСЯ, ВДУМАТЬСЯ...
(О ТОМ, НАСКОЛЬКО ПО-РАЗНОМУ ОБЩАЮТСЯ
СЛЕПОГЛУХИЕ И ЗРЯЧЕСЛЫШАЩИЕ)

Посвящается академику
Алексею Александровичу Бодалёву.

На эту тему меня натолкнуло обсуждение моей кандидатской диссертации на заседании двух лабораторий Психологического Института Российской Академии Образования. Академик Алексей Александрович Бодалёв и доктор психологических наук, профессор Вилен Эммануилович Чудновский, в своих выступлениях предложили мне попробовать ответить, хотя бы очень коротко, на интереснейшие вопросы, касавшиеся главным образом конкретных механизмов общения слепоглухого (то есть меня) с окружающими.

Вообще мне тогда же пришло в голову, что я - как бы разведчик науки на планете слепоглухоты, и в качестве такого разведчика мне было бы очень хорошо иметь список вопросов, составленный учёными самых разных научных интересов, - список вопросов о том, как при слепоглухоте ставятся и решаются те или иные проблемы. Такой список очень облегчил бы мою самоисследовательскую работу. При этом я не испытываю ни малейших этических судорог по случаю моей "разведывательной" роли. Все мы, говоря словами А.М. Горького об О.И. Скороходовой, - "существа для эксперимента": в силу уникальности, неповторимости каждого. Все мы вынуждены отвечать на задаваемые жизнью вопросы. Все мы вынуждены поэтому, более или менее сознательно, заниматься самоисследованием, чтобы наша жизнь хоть в какой-то мере зависела от наших усилий, - чтобы хоть самим, что называется сдуру, не нагромождать проблем сверх совершенно неизбежных. И если я, вполне добровольно и сознательно, готов предоставить в распоряжение науки мой личный опыт, чтобы в конце концов облегчить страдания многих и многих людей, - я не "подопытный кролик", а вполне сознательный участник эксперимента, по независимым ни от меня, ни от науки причинам поставленного надо мной жизнью. И это, может быть, единственная достойная человека, единственная нравственная позиция - позиция участия в ослаблении, если не снятии, социальных последствий кошмарного "эксперимента", имя которому - слепоглухота.

Не стесняйтесь, дорогие коллеги. Помогите и мне, и себе, и всем людям - предельно дотошными, въедливыми вопросами о том, как именно

возможно по-человечески существовать в условиях слепоглухоты. Вам, людям науки, не к лицу обывательский комплекс ложной деликатности, не позволяющий даже на самые "толстые обстоятельства" "намекать" - сколь угодно "тонко".

На первом же обсуждении автореферата моей кандидатской диссертации А.А. Бодалёв и предложил мне целый список вопросов, "танцуя", разумеется, от собственных исследований в области психологии общения зрячеслышащих:

"1. Отношения могут осложняться субъективной догадкой (если это связь человека с человеком): видя, воспринимая другого человека, наделение его теми или иными чертами личности.

2. Затем обязательно врывается эмоциональный компонент, у нас возникает чувство симпатии или антипатии, протест, восхищение и т.д.. Отношение всегда несёт поведенческий компонент. ...

3. Показать своеобразие отражения окружающих, не видя других людей, эмоциональных откликов на них, на общение с ними, - (откликов), которые позволили бы сделать эти контакты с другими людьми максимально благоприятными, результативными, творческими...

4. Есть проблема "Эффект ореола"... У меня невольно возникает некий ореольчик, за которым стоит весь мой предшествующий опыт общения. ... Когда кто-то меня обижает, кто-то не откликается на мои притязания, я, соответственно, награждаю этого человека тоже определённым ореольчиком, с ним соответственно себя веду. Мне кажется, что у слепоглухих этот эффект ореола своеобразно должен возникать.

5. Затем... децентрация, то есть я ставлю себя на место другого, и вижу себя глазами другого; мне кажется, что у слепоглухих эта проблема децентрации... очень специфична...

6. Фрейд... очень много говорит о феномене проецирования, то есть вкладывания себя в другого, когда мы собственные мысли, настроения приписываем этому человеку, с которым сейчас общаемся, и, как другие исследователи говорят, что в зависимости от типа личности этот феномен проявляется у одних сильнее, у других слабее. В условиях дефицита информации он проявляется сильнее.

7. ...Я... сталкивался с такими перлами: женщина, которую когда-то обидел мужчина, говорит: "Все мужчины таковы". ...Незаметно для себя в процессе общения классифицируем людей: преподавателей, товарищей, друзей, начальников. ...У вас" (то есть у меня - слепоглухого), "возможно, присутствует классификация людей на тех, кто вам помогает, и тех, кто не помогает.

8. Феномен идентификации, это социально-психологический феномен, заключающийся в том, что, сталкиваясь с человеком, берём его в роли образца, примера. Может быть, когда мы говорим об общении слепоглухонемого, этот феномен... тоже очень своеобразно обрабатывается.

9. ...Феномен рефлексии... формула Чернышевского: "Кто не познал человека в самом себе, не может рассчитывать на глубокое знание других людей". Этот момент вы тоже фактически гляньте в своей работе."

10. В.Э. Чудновский (и по существу другие участники обсуждения) огорчился тем, что "пока он сам" (то есть я) "как субъект выступает, а те субъекты, с которыми взаимодействует, их нет". (Не видно в моей работе).

Спасибо за щедрость. Только по этому списку можно написать многотомную книгу. Хватило бы жизни... Попробую предельно кратко пройти по получившимся пунктам.

Доктор психологических наук Юлия Борисовна Некрасова, ведущий научный сотрудник в лаборатории А.А. Бодалёва, рассказывала мне о

своей работе как психотерапевта, и я понял так (может быть, не совсем верно), что эта работа сводится к восстановлению нарушенных механизмов общения. Однажды, анализируя вслух, с помощью наводящих вопросов Ю.Б. Некрасовой, мои собственные проблемы, я сформулировал тезис, что у меня (как и очень многих других слепоглухих, - да, вероятно, и не только слепоглухих) во многих случаях механизмы общения не столько нарушены, сколько просто не налажены, так и не сформировались за всю жизнь. Дело не в том, что мы когда-то умели нормально общаться, но однажды почему-то "разучились", - а в том, что не умели никогда, или умели более/менее в ограниченной сфере, а за пределами этой сферы нормальные механизмы так и не сформировались, и либо действует ненормальный, патологический механизм, либо никакой не действует, мы просто в полной растерянности. Как по другому поводу сказал мне А.В. Апраушев: "Если бы я знал, я бы сделал". Тут, правда, сразу же встаёт гносеологическая проблема: что значит знать? Если это значит всего лишь "иметь информацию", то очевидно, что одной информации для делания недостаточно, хотя, с другой стороны, и без информации тоже ничего не поделаешь, не обойтись. Если же "знать" - значит "уметь", "мочь", - то воистину: если бы все мы знали, мы бы сделали.

В огромном большинстве случаев при загвоздке в общении я просто не знаю, как с хорошей миной выйти (выпутаться) из явно плохой игры, а поэтому нагромождаю глупости, о которых потом очень горько и очень долго сожалею, за которые сам себя казню. Я из тех, кому стыд глаза выедаёт - ест буквально всю оставшуюся жизнь. И очень многие связи с людьми, которых любил, я потерял, так и не решившись возобновить встречи после того, как перед ними провинился. В других случаях сохранить - или восстановить - хоть сколько-нибудь нормальные отношения удаётся только благодаря безоговорочному признанию своей глупости, неправоты, прямой вины. Благодаря своей маме я в какой-то мере умею не только "не видеть умом", но и искренне не чувствовать унижения в признании своей вины, если уж действительно виноват. Не всегда, но часто это обезоруживает праведно разгневанного друга, и конфликт гасится. Настаивать на своём лишь потому, что оно своё, неважно, правильное или нет, либо "защищаться" по принципу "сам дурак", "сам не лучше, а то и хуже", оправдывая собственную ошибку тем, что и другие не святые, а то и пытаюсь взвалить свою вину на этих других, свалить с больной головы на здоровую, - такое поведение, конечно - верх неразумия, и в результате рискуешь либо замкнуться в узкой, тем более узкой, чем ты нетерпимее, секте "единомышленников", либо вообще оказаться в одиночестве. Впрочем, замыкаться в самоедстве, в самобичевании, в самоосуждении - не лучше. Это - моральное самоубийство, и я к этому очень склонен. Склонен - но, к счастью, из-за фатальной открытости характера с огромным большинством людей это не получается. Ведь следствием замыкания в своих бедах тоже может быть полное одиночество, а то и самоубийство физическое. Будучи слепоглухим, я самому себе сделать скидку на слепоглухоту не могу. Это не значит, что я вообще "фактор слепоглухоты" игнорирую - наоборот, тщательно учитываю, но не с целью самооправдания, а с целью как можно более точного самоисследования.

Итак,

1. СУБЪЕКТИВНАЯ ДОГАДКА

Я мог бы просто констатировать, что этот (как и другие) психологический механизм общения при слепоглухоте, в частности у меня,

присутствует; что без субъективной догадки всякое общение было бы парализовано, и особенно при слепоглухоте, лишаящей возможности ориентироваться на выражение глаз и лица, на интонации голоса, просто наблюдать издали действия партнёра по общению, - но нужны примеры. Надеюсь, А.А. Бодалёв на меня не посетует, если для примера возьму его же собственную речь по поводу моих скорбных диссертационных трудов.

Эту речь мне перевели дактильно (пальцевым алфавитом) во время самого выступления; затем дословно перевели с фонограммы; наконец, дали сокращённый текст. При переводе с фонограммы я обратил внимание, что А.А. Бодалёв сравнивает меня с "ёжиком", у которого что-то "вызывает подъём иголок". Я сразу почувствовал себя мальчиком, которому ласково взъерошили волосы, и в ответ на эту ласку в моей душе поднялась волна тепла к А.А. Бодалёву.

Читатель, конечно, обратил внимание на многочисленные отточия, которыми я отметил пропуски в тексте А.А. Бодалёва при составлении списка вопросов ко мне. В большинстве случаев в пропущенных местах А.А. Бодалёв извиняется за свою якобы некомпетентность, за то, что он "неумеха" и "пустышка" во всём касающемся слепоглухих. Очень настойчиво, многократно извиняется. Можно подумать, что у академика - комплекс неполноценности. Но нет, я чувствую в этих извинениях улыбку, усмешку, тонкую иронию, а так же предупредительное подчёркивание того обстоятельства, что А.А. Бодалёв ни на чём не настаивает, всего лишь "танцует" от своей, хорошо ему знакомой "печки". Мне, с одной стороны, очень доброжелательно помогают, а с другой стороны - со мной как бы играют, чуть-чуть "подначивают". Да, в прямом, а не через переводчика, общении с А.А. Бодалёвым могло бы быть захватывающе интересно, непринуждённо и весело.

А.А. Бодалёв не раз предупреждает, что, может быть, начнёт говорить неприемлемые для меня вещи. По этому предупреждению я "субъективно догадываюсь", что А.А. Бодалёв, очевидно, знает меня куда лучше, чем я его; прекрасно осведомлен о прежней моей задиристости, над которой посмеивался и Э.В. Ильенков, называвший меня "молодым петушком" (а в редакции А.А. Бодалёва - тем же "ёжиком"). Хотя для меня, как, разумеется, и для А.А. Бодалёва, было и есть немало неприемлемого в окружающей жизни, могу заверить: всё сказанное А.А. Бодалёвым у меня вызвало только горячую благодарность и острую заинтересованность.

Вообще видно, как тщательно А.А. Бодалёв старается нейтрализовать фактор самолюбия, из-за которого мы сплошь да рядом принимаем попытку помочь за чтение морали. "Не спеши защищаться, - настойчиво просит А.А. Бодалёв, - Дай себе труд выслушать и вдуматься". Да. Что-что, а вслушиваться и вдумываться нам часто "недосуг". Я первый грешен.

2. ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ

Предыдущее служит хорошей иллюстрацией и этого пункта. Волна теплоты в ответ на "ёжика", то есть в ответ на шутливую ласку. Улыбка - в ответ на извинения за "некомпетентность". Горячая благодарность и острая заинтересованность - в ответ на всё. А ведь это - опосредствованное общение, через переводчика, через текст. В прямом же общении вступает реакция непосредственно на эмоциональные состояния партнёра, выражающиеся через изменения температуры и влажности рук, повышенную или пониженную энергичность движений, через произвольное подёргивание пальцев, а бывает, что крупная дрожь бьёт всю руку, или наоборот, рука на редкость невыразительная, как мёртвая. Из руки прямо-таки "течёт" доброта или растерянность, или усталость, или

раздражение, или обида, или непринуждённость, или напор, даже чрезмерная настойчивость, вернее настырность, или робость, угнетённость, зажатость, а то и вообще полная подавленность. В первые же секунды, ну в минуты, можно определить общий интеллектуальный уровень партнёра (по тому, как быстро он осваивается с тем фактом, что общается со слепоглухим, что надо не орать в ухо и не хвататься за карандаш и бумагу, а чертить пальцами "печатные" буквы во всю правую ладонь, или же осваивать специальный алфавит). Можно более/менее точно определить, есть ли у человека дача, огород (бывают, как я их называю, "земляные" руки), занимается ли он видами спорта, связанными с натиранием мозолей, или же сложным ювелирным трудом по ремонту механизмов - от часов до компьютеров... Обо всём этом мне легче писать в художественном, а не в научном тексте, тем более в автореферате диссертации. Тут я не готов к обобщениям - не отрефлектирован, не описан и не осмыслен фактический материал. А пока могут выручить подсказки, наводящие вопросы типа заданных А.А. Бодалёвым.

По поводу термина "партнёр общения". Понимаю, возникают ассоциации с "сексуальным партнёром" или "партнёром по шахматам", Но как сказать?.. "Собеседник" - узко, чисто разговорно, а ведь общение к разговорам никак не сводится. "партнёр" - более общий термин, и, несмотря на нежелательные ассоциации, более подходящего не знаю. Разве что "субъект общения"?.. Нет, уж больно наукообразно, да вроде и не совсем про то по смыслу, - в "субъекте" на первом плане активность, а не взаимность.

3. СВОЕОБРАЗИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ОТКЛИКОВ

Судя по тексту А.А. Бодалёва (см. выше в списке вопросов), он имеет в виду эмоциональные отклики слепоглухого, облегчающие контакт с этим слепоглухим. Если я правильно понял смысл вопроса, то существуют достаточно общеупотребительные, как бы я их назвал, "двигательные междометия": разнообразные поощряющие, ободряющие, торопящие, успокаивающие поглаживания собеседника по руке. Рукой можно проделывать всё то, что можно проделывать головой: согласно кивать, отрицательно покачивать.

Думаю, слепоглухому в общении нужно быть особо сдержанным именно в силу дефицита информации. Не пассивным, а сдержанным. Не спешить делать выводы, не спешить реагировать, быть подотошнее, повъедливее, "выжимать" по возможности "досуха" всю доступную информацию, чтобы точнее сориентироваться. В то же время как-то избежать "занудности". Понятно, думаю, само собой, что здесь главный "орган чувств" тот же, что и у всех людей, а именно уровень общей культуры. Интеллектуальной, эстетической, нравственной. Уровень интеллигентности. Уровень воспитанности. Чтобы со слепоглухим хотелось общаться, а не просто милосердно "возиться", у него этот уровень поневоле должен быть несколько выше, чем у зрячеслышащих, - потому, что с ним, слепоглухим, общаться технически труднее, и у людей должен быть дополнительный стимул для преодоления этих трудностей. Столь высоким, жёстким требованиям мало кто удовлетворяет, да не все и хотят удовлетворять; среди слепоглухих, так же как и среди зрячеслышащих, распространена аргументация типа: "Почему я должен к кому-то подлаживаться, а ко мне никто?" Стремление к взаимности, прямое требование взаимности - в условиях слепоглухоты особо жёсткое. Обидчивость из-за недостатка взаимности - чрезвычайно повышенная. Очень болезненно переживается и отвергается тот факт, что зрячеслышащие без нас обойдутся, а мы без

них - нет. Мы бы хотели, мы настаиваем, чтобы без нас тоже нельзя было обойтись. Но тут можно "качать права", а можно работать над собой, над тем, чтобы хоть чем-то стать интересным, хоть в чём-то - нужным. Здесь - источник всех на свете комплексов. Здесь - повышенный риск погибнуть и лично: замкнуться в предельно тесном кругу общения, спрятаться за спину хорошо знакомых людей, самым откровенным образом "подлизываться", лишь бы чем бы то ни было не вызвать недовольства, смиренно просиживать в полном одиночестве сколько угодно времени, дожидаясь, пока о твоём существовании вспомнят; можно погибнуть и физически: заболеть и умереть от недостатка внимания, покончить с собой.

Мне, чрезвычайно (даже по меркам зрячеслышащих) широко общающемуся, спокойно доверяющемуся незнакомым людям в парке, на транспорте, в учреждениях всякого рода, - мне и то очень часто не хочется жить. Хочется по меньшей мере спрятаться, где-то отсидеться, пока пройдёт стыд за себя или обида на окружающих. Это - по меньшей мере. Ибо я твёрдо решил, что, пока жива мама - единственный человек, который моей смерти бесспорно не переживёт, - я права на самоубийство не имею хотя бы потому, что это будет одновременно и убийство.

Оказалось, что у меня нет права на самовольный уход и после смерти мамы. Во-первых, остаётся в силе аргумент насчёт убийства: я соержу брата и сестру, сами они себя обеспечить не смогут, значит, от моей жизни зависит их физическое существование. Во-вторых, защита докторской диссертации; небывало успешная работа с детьми в Свердловском областном Детском ордене милосердия; роскошный подарок - специальная компьютерная аппаратура домой (подарок этот сделан корпорацией "Эдванс", возглавляемой Николаем Николаевичем Никитенко); приглашение на работу в университет Российской академии образования, где ректор - мой старый друг и учитель, с которым свёл меня ещё Ильенков, - академик Борис Михайлович Бим-Бад; наконец, за работу с детьми - Почётная Золотая Медаль Имени Льва Толстого, которой я награждён Международной Ассоциацией Детских Фондов, - и всё это в последний год маминой жизни (о медали она успела узнать за три недели до смерти), - всё это не могло не убедить меня, что мне удалось стать нужным очень многим людям, мне есть ради кого и ради чего жить и после смерти мамы. Поэтому, в-третьих, формула: "Пока есть мама, должен быть я", - изменилась так: "Пока есть я, есть и мама". То есть я должен закончить не только свою, но и её жизнь. Преждевременным уходом я обесмыслил бы её страдальческий жизненный путь. Мама такой чёрной неблагодарности уж никак не заслужила.

А чтобы жизнь была хоть мало-мальски сносной, я всё упорнее избегаю выхода за пределы своего обжитого социального пространства. Обжитое социальное пространство - это исключительно ёмкий термин. Отказ от выхода за пределы своего обжитого социального пространства вовсе не означает отказа от знакомства с новыми людьми. Ибо это - пространство (и время), в котором я чувствую себя хоть сколько-нибудь уверенно. Это и хорошо изученная местность, и та сфера общения, где я - центр или один из центров эмоциональной и деловой заинтересованности. Например, одной из таких сфер общения для меня является Детский Орден Милосердия. Я могу поехать в детский лагерь, в котором с самого начала нет ни одного знакомого человека. И тем не менее весь этот лагерь будет в пределах моего обжитого социального пространства. Для того ведь и еду, чтобы знакомиться, привлекать к себе как можно более ,широкое внимание и детей, и взрослых. Первоначальные трудности общения, что называется, входят в условия задачи.

Мне интересно с пишущей братией; с коллегами в области

теоретической и практической психологии; вообще с духовно богатыми людьми, с кем есть о чём поговорить, есть в чём посотрудничать. Это всё моё обжитое Социальное пространство. Понятно, что оно постоянно расширяется, в него входят новые и новые люди; вот вошли Алексей Александрович Бодалёв, Юлия Борисовна Некрасова, Вилен Эммануилович Чудновский, Виктор Тимофеевич Ганжин, Наталья Львовна Карпова. Это все члены научно-исследовательского коллектива, в котором я наконец-то впервые обрёл подлинное творческое и человеческое счастье.

В обжитое Социальное пространство/время входит и чтение всей доступной литературы (в том числе работ Гегеля и Маркса); и музыка, да не какая-нибудь, а инструментальная классика (никакой слуховой аппарат не помогает мне понять устную речь, но музыку слушаю с удовольствием; именно классическую - потому, что в другой музыке, в массовой, тарахтящей и чихающей, как испорченный мотоцикл, мне просто "мелко"; в музыке надо растворяться, расплываться, а тут, наоборот, хочется удирать и прятаться; как-то я слушал фортепианный концерт одного эстрадного композитора, он сам играл, и у меня было чёткое ощущение какой-то нудной, мелкой, назойливой агрессивности, будто на меня бегут, вот-вот начнут избивать маленькие злые существа, гномы, что ли)...

В общем, обжитое социальное пространство/время может сколько угодно расширяться, но уже на готовой основе, - на то оно и "обжитое". За его пределами я чувствую себя поистине инвалидом, - существом, за которым "ухаживают", но которому отказывают в существовании души. В такой ситуации мы очень часто оказываемся в собственных семьях; нас кормят, но и только; даже регулярно бывать на воздухе - уже роскошь. Огромное большинство слепоглухих, да не только слепоглухих, вообще лишено обжитого социального пространства/времени. У меня-то оно, как, вероятно, уже убедился читатель, огромно. Дай бог всякому зрячеслышащему такое же. А вот один мой знакомый пятилетний мальчик не хотел ехать к родителям от бабушки: "Бабушка со мной играет, а вы нет!" Его социально обжитое пространство - у бабушки, с бабушкой, а дома он - не дома. Ребёнок зрячеслышащий, вполне здоровый... Но дома оказался на положении инвалида. Социального.

4. ЭФФЕКТ ОРЕОЛА

Если есть хоть какое-то остаточное зрение, ореол - зрительный. Мой друг Ирина Поволоцкая, слабовидящая глухая, видит людей в цвете, причём сразу, при первом же знакомстве. У меня - светоощущение; отличаю тёмное от светлого, а цвета, сколько себя помню, никогда не различал. Соответственно люди мною воспринимаются светлыми и тёмными, причём тёмный - не обязательно плохой, а светлый - не обязательно хороший.

Например, Эвальд Васильевич Ильенков казался всегда тёмным, подавленным, грустным, усталым. Даже не грустным, а печальным: грусть - мимолётное состояние, а печаль - постоянное. В то же время тексты Ильенкова всегда воспринимались светлыми, даже светящимися.

Очень светлые - светящиеся - тексты у Владимира Леви, с которым я лично встречался однажды, случайно и мимоходом, а заочно, по текстам, знаю его со студенческой скамьи. При личной встрече он мне показался хронически усталым, переутомлённым, а потому ни тёмным, ни светлым, посерединке где-то.

Кстати, А.А. Бодалёв спросил вдогонку к остальному и о первом

впечатлении при знакомстве, а также о восприятии незнакомых. Как-то я заблудился в лесопарке, потерял нужный мне поворот. Стал просить помощи у прохожих. Сначала остановил какую-то тётку, которая долго пялилась в дощечку, где сказано, что я слепоглухой и со мной можно разговаривать с помощью параллельного - рельефно-точечного и зрячего - алфавита. Руки у тётки были грубые, широкие, короткопалые, с явно плохо гнущимися пальцами. От них веяло равнодушием, глухoduшием, и какой-то бараньей или коровьей тупостью. Она так и не осилила ни инструкции на алфавитной дощечке, ни моей, многократно повторённой, устной просьбы показать поворот к лесному пруду. По рукам я предположил, что их обладательница работает явно продавщицей в одном из тех магазинов, где на прилавке - ничего, а гнилую вонь на улице слышно. Что сами не растащили, то сгноили. Кончилось тем, что она так и пошла своей дорогой, чуть не унеся и алфавитную дощечку в качестве сувенира. Рядом с ней я заметил ещё два очень тёмных силуэта, оказавшихся ничуть не понятливее, но этих за руки не держал.

Потом я остановил двоих. Имел дело с одним; второго (или вторую) видел тёмным вертикальным пятном (так я вообще вижу днём людей, одетых в тёмное). У этого человека руки были очень уютные, сухие, тёплые, какие-то не мягкие, не жёсткие, в складках (то же самое я мог бы сказать и о руках А.А. Бодалёва). Человек был явно образованный, творческий: минуты не прошло, как он разобрался с моей алфавиткой, стал писать у меня на ладони, проводил до нужного поворота, готов был к моим услугам и дальше, но я поблагодарил и сказал, что теперь и сам разберусь. Отходя от них по указанной тропинке, я чувствовал, что они стоят и провожают - берегут - меня глазами. Теплое чувство к этому человеку и его спутнику (скорее всего, всё-таки спутнице) у меня живо до сих пор, хотя прошло уже лет пять с половиной. Жалко, постеснялся познакомиться по-настоящему, - может быть, дружили бы сейчас...

На этом месте (в первоначальном варианте данная работа написана весной 1994 года) меня отвлекла мама: сунула в руки две морковки. Мамин ореол - даже не нимб, а сплошное сияние, с головы до ног. Также светятся обычно ребятишки. Маму я и называл своим самым маленьким и самым любимым ребёнком. любое её проявление умиляло меня так, что я смеялся от нежности (точно такая же реакция у взрослых на детей). Когда нам приходилось разлучаться, я всё время проверял, как там мама, - светится или нет. Если вдруг её образ темнел, я посылал телеграмму с просьбой срочно сообщить, всё ли в порядке.

Однажды в лагере Детского ордена милосердия я вдруг испугался за маму так, что меня, лишь бы успокоить, тут же на ночь глядя сводили на центральный телеграф Евпатории, и мы дали маме телеграмму с указанием точного адреса (в Москве я не удосужился это сделать, отсюда и паника: вдруг что случилось, а за отсутствием адреса мне сообщить не могут). Дети были удивлены: они думали, что это только их привилегия - так скучать без мамы...

Удивительная трансформация произошла с ореолом одного моего знакомого. Пока знакомый "выбивался в люди", обрастал деловыми связями, это был вполне законченно круглый живой столбик. Когда же знакомый вырвался аж в правительственные сферы, за спиной у него за клубилось что-то вроде чёрного облака или густейшего чёрного дыма, а сам он превратился из столбика в угол этого расширяющегося, клубящегося зловещего "нечто".

Похожая история с моим собственным ореолом: чем больше людей со мной связано, тем больше и ярче за моей спиной марево или заря. А раньше я был круглым столбиком, как и положено законченному дураку. Но если за моей спиной разгорается "заря", то за спиной упомянутого

знакомому, увы, спускается мрак. У меня с этим знакомым глухой затяжной конфликт...

А вот Юлия Борисовна Некрасова однажды представилась мне очень усталой и в целом, так сказать, пасмурной, но руки на этом пасмурном фоне горели, полыхали, как два костра в поздних вечерних сумерках. Почти ночных. Когда Юлия Борисовна одной рукой брала меня за пальцы, а другую руку клала мне на плечо, - у меня проходила и физическая, и душевная боль, налаживалось какое-то умиротворённое настроение. Её руки представлялись мне как два костра, две луны, два светящихся окошка в ночи, два маяка... Или - как два солнышка. Именно солнышка, а не солнца. Грели, но не жгли.

Это понятно: у Юлии Борисовны - руки психотерапевта. А вот чей свет вылечил меня как-то зимней ночью от головной боли? Не Господа ли Бога? Я вернулся с работы очень усталым, поужинал и сразу лёг спать. Голова разболелась ещё на работе. Я лежал с закрытыми глазами, и вдруг там, где, как объясняли знакомые экстрасенсы, находится "третий глаз", появилось отчётливое свечение, потом сияние, а потом оно разгорелось до почти слепящего, как от включённых в полную силу автомобильных фар, столба света. Этот свет уткнулся мне в "третий глаз", залил один из двух первых - правый, - и боль, пульсировавшая в висках, стала постепенно проходить. Я слабо поворачивал голову на подушке так, чтобы столб света упирался точно в "третий глаз" - над переносицей. По мере того, как уходила боль, мерк и этот свет. Утром я проснулся немного раньше, чем нужно было по будильнику, который будил сначала маму, а она потом меня. Головной боли не было, я чувствовал себя на редкость свежим, как давно уже не чувствовал.

5. ДЕЦЕНТРАЦИЯ

Слепоглухому это особенно трудно и - особенно нужно. Без постоянного "влезания в шкуру" окружающих сколько-нибудь полноценное общение невозможно. Здесь - тот сказочный перекрёсток, где, в какую сторону ни пойдешь - определишь свою судьбу, свой образ жизни.

Ещё в студенческие годы я считал, что никакая слепоглухота не даёт права мнить себя самым несчастным в мире. Какой-нибудь инвалид-колясочник при встрече со слепоглухим небось думает: пусть я неподвижен, зато слышу и вижу. А я, когда познакомился с колясочниками в лагерях Детского ордена милосердия, уж точно сравнивал - и решил, что мне лучше: могу ходить, могу действовать своими руками. Слепота лишила меня возможности созерцать - физически, зато вынудила особо точно, расчётливо действовать, и тем самым созерцать - "внутренним взором", духовно.

В студенческие годы я сравнивал себя не с колясочниками, а со здоровыми людьми, - хотя бы с собственным секретарём, и часто находил, что моему помощнику, студенту-вечернику, приходится нередко солонее моего. Вообще я никогда не любил меряться, "кто несчастнее".

Тут нет противоречия с тем фактом, что в жизни и творчестве я страстно подчёркиваю трудности существования при слепоглухоте. Я не считаю себя самым несчастным, но, стремясь по мере сил понять каждого встречного/поперечного "изнутри", я хотел бы, чтобы и меня понимали изнутри, не судили бы обо мне - по себе, не требовали бы непосильного, не навязывали не свойственного. А так как столь доброжелательное взаимопонимание между людьми вообще едва ли не самый большой дефицит, я вынужден _объяснять_ свою ситуацию, _рассказывать_ о ней, _помогать_ (хотя бы своему вероятному читателю) вообразить её в какой бы то ни было минимальной степени.

В общем, я - за взаимопонимание и взаимную ответственность. А если получается не взаимно? Если я пытаюсь понять, а меня не хотят? Если я ответствен, а со мной безответственны? Не раз бывало и наоборот: я сам отвечал на ответственность - безответственностью, на желание понять - нежеланием понимать. И потом очень об этом жалел - иногда непоправимо поздно.

Ну что ж, если не получается взаимной человечности, то человечнее всего защищаться. Человечность не должна быть беззащитной, бессильной, иначе она превратится в свою противоположность - в бесчеловечность. Вполне при том взаимную.

Но и защищаться можно по-разному - то ли по-умному, то ли по-глупому. Как - по-умному? Ну, рекомендаций на все случаи жизни дать невозможно. Надо анализировать каждую ситуацию отдельно, потому что разумный выход может быть только конкретным. Что разумно в одном случае, может оказаться неразумно в другом. Каждый раз приходится думать отдельно, заново.

Ниже, в главе о рефлексии, подробно проанализирована довольно простенькая ситуация - переживания вокруг двух шоколадок. Сейчас, после смерти мамы, я оказался вынужден по-разному отреагировать на две куда более сложные ситуации, которые подробно анализировать здесь не могу, но попробую кратко подытожить.

В одной у меня есть возможность очень жёстко продиктовать свою волю, немедленно пресекать попытки рецидивов безответственности или истеричности. Даже если я не совсем был прав, я понимал, что надо настоять на своём во что бы то ни стало, иначе потом будет не сладить. Потому что истеричность, с которой я столкнулся - прежде всего следствие инфантильности, способ (закрепившийся в детстве) паразитировать, криком, слезами, скандалом вынуждать к уступкам, - хоть в чём, большом и малом. И уступить - значит подтвердить "эффективность" подобного способа устраиваться покомфортнее за чужой счёт, за счёт, мягко говоря, "дискомфорта" близких. А тогда совместное существование станет попросту невыносимым и невозможным. Придётся принимать слишком уж крайние решения: либо избавляться от истерика (а если это близкий родственник - попробуй избавиться), либо самому уходить из жизни (рановато, слишком много надо сделать).

В другой ситуации пришлось просто порвать отношения. Ничего больше не оставалось. Моей слепоглухотой нагло пользовались, чтобы "незаметно" (а я-то всё замечал) обворовывать меня. Я всегда точно знаю, сколько у меня в кошельке денег, и недостачу замечаю мгновенно. Вина семнадцатилетнего парня была очевидна, как было очевидно и то, что он от всего будет нагло отпираться. И я просто сказал ему, что больше никогда не пущу его в свою квартиру. Захлопнул дверь перед его носом, не пускаясь ни в какие объяснения, ни в чём не упрекая и не обвиняя. По поводу его нежелания где бы то ни было учиться и работать объяснялись раньше. Меньше чем за двое суток до своей смерти с ним обсуждала этот вопрос и моя мама. Я понял его мотивы слишком хорошо, чтобы питать какие-то иллюзии, пускаться в бесплодные пререкания.

Поведение людей, с которыми давно и близко знаком, могу, естественно, в какой-то мере прогнозировать. Тут есть определённый диапазон ожиданий. Более или менее точно известно, чего можно, а чего нельзя ждать от того или иного человека. Этим в решающей степени определяются и границы доверия к нему. Наибольшего доверия заслуживает тот, кто не разбрасывается обещаниями; если не уверен, что может сделать - не обещает, а если уверен в себе и обещает, то делает как может быстро, не тянет резину, так что не нужно беспокоиться и стоять у него над душой. Будучи из-за слепоглухоты в определённой степени

беспомощным, я, разумеется, больше тяготею к таким вот надёжным людям, на чьё плечо можно твёрдо рассчитывать. По возможности рад подставить и своё плечо.

Допустим, главное для меня, как, впрочем, и для каждого, - как-то

решить мои проблемы; но из всех проблем самая главная - быть нужным, полезным. Смотря в чём, конечно. В случае с тем семнадцатилетним парнем я готов был помочь ему в учёбе, в трудоустройстве, но не в том, чтобы бездельничать и доставлять себе примитивные удовольствия за моей (и чьей бы то ни было) широкой спиной. Так что надёжность в людях я ценю не только и не столько из-за моей относительной беспомощности, связанной с моей слепоглухотой, сколько потому, что сам больше всего на свете хочу быть надёжной опорой для как можно большего числа людей - в честном решении их проблем.

Я тяжело переживаю, выхожу из себя, когда мне "морочат голову", и сам не намерен никого подвергать подобной психологической пытке. С ненадёжными людьми можно в своё удовольствие пообщаться "за жизнь", но полагаться на них - ни в чём нельзя; с ними можно разделить удовольствие, но не стоит делить проблемы. Их можно иметь в числе знакомых, но себе дорожке - иметь в числе сотрудников. (Имеется в виду, конечно, не сотрудник - штатный работник, а друг, то есть тот, с кем можно разделить трудности, со-труд-ник в буквальном смысле слова.)

Ещё в студенческие годы я решил для себя, что ни один человек до конца . не познаваем. Можно познавать, узнавать, но нельзя - "знать как облупленного". Сюрпризы возможны всегда и от кого угодно, включая себя самого. Мы можем сами себя радостно удивить, а можем и очень огорчить. Не надо зарекаться, самонадеянно и фамильярно хлопать кого бы то ни было по плечу: я, мол, тебя знаю. Нет, я знаю, что никого не знаю, и наряду с диапазоном ожидаемого, повседневного, обычного, - надо всегда сохранять, из элементарной осторожности хотя бы, кто его знает насколько широкий диапазон неожиданностей. Диапазон необычного для данного человека поведения, того, что, может быть, в порядке вещей для других, но не для него. Необычного, а не ошибочного; неприятного, а не плохого; странного, а не глупого. Именно ради объективности давать по возможности субъективные характеристики: мало ли что ошибочно, плохо или глупо с моей точки зрения, кто я такой, чтобы выносить приговоры? Но: может быть, это и правильно, но в пределах моего опыта общения необычно; может быть, это и хорошо, но для меня неприятно; может быть, это и умно, но мне - непонятно, странно. Именно для меня, а не для кого-то другого, нет ничего страшнее самоуверенности; ибо именно я, а не кто-то другой, ослепну и оглохну к живому человеку вследствие настаивания на своей шкале ценностей, вследствие превращения этой шкалы в истину в последней инстанции, в абсолютный критерий для оценок; поэтому в моих интересах быть поосторожнее в приговорах, во всяком случае, всегда быть готовым на "самокассацию" этих приговоров.

Разумеется, всё это верно для нормального общения с нормальными людьми, а не для таких экстремальных ситуаций, когда приходится защищаться. Нарвавшись на слишком уж неприятную, абсолютно неприемлемую для меня "неожиданность", я предпочитаю не иметь больше никаких "диапазонов" относительно данного субъекта, - ни диапазона ожиданий, ни диапазона сюрпризов. Иногда безопаснее быть в позиции: не знаю - и знать не хочу!

6. ПРОЕЦИРОВАНИЕ

Перевожу на русский язык: судить о других по себе, мерять других на свой аршин. Проецирование - противоположно децентрации. Думается, что проецирование зависит не только от дефицита информации, а в решающей степени - от дефицита культуры, включающей в себя и информацию, но к информации ни в коем случае не сводимой.

Я люблю зелень, люблю бывать в лесу, в парке. Но вблизи каких-нибудь дремучих зарослей меня охватывает странное, тревожное чувство. Оттуда веет неясной угрозой. В то же время меня тянет проверить, так ли страшен сидящий в зарослях чёрт, как его малюет моё воображение. И есть ли там вообще какие-то черти. Поэтому в детстве, обмирая от страха, я всё же лез в кусты. А сейчас меня тянет свернуть на тропинку, которую я с трудом нащупываю тростью, рискую потерять, а значит и заблудиться.

Вот это ощущение притягательной дремучести я проецирую на примитивных взрослых людей, глядящих на мир, ничего в нём не понимая и давно отчаявшись понять. Я не вижу их глаз, но трогаю их корявые

равнодушные руки, и мне кажется, что у них из глаз течёт дремучесть. Мне их нестерпимо жалко. И - я их боюсь. Именно они - серые, примитивные, дремучие, безобидные вроде бы, - основа всякого фашизма. И чёрного, и коричневого, и красного. Они при случае ужасно мстят за свою дремучесть... От них - физическое истребление интеллигенции, истребление всех сколько-нибудь _более_, чем эти дремучие, культурных людей. Особо дремучими мне представляются работники магазинов, бесплатно смердящих гнилью на всю округу и ничем не торгующих, поскольку всё давно разворовано.

В студенческие годы, когда в первой своей публикации я написал: "Каждый человек - это целый мир", - я проецировал на всех собственную страстную увлечённость творчеством и воссозданием доступной мне культуры. Мне всерьёз казалось, что все люди такие, только почему-то стесняются и прячут, маскируют под дремучестью душевную красоту и духовное богатство. Я видел дремучесть, но не верил в неё, - тем более, что я был под обаянием революционно-демократического идеала, Некрасовского народолюбия, умиления, любования Народом, столь свойственного до Семнадцатого Года русской интеллигенции.

Перестройка и последующее озлобленное растаптывание и сладострастное обхаркивание всего, что мне было и осталось дорого в советской культуре (то есть культуре, созданной в советскую эпоху вопреки сталинскому террору, неслыханному чиновничьему произволу политической системы), - нигилизм якобы "демократов" освободил меня от народолюбия. Тех, кто, разочаровавшись в одном вожде, тут же ищет себе другого, я стал называть чернью и сбродом. Правда, в работах Ленина, написанных весной 1917 года, я нашел термин, несущий ту самую смысловую нагрузку, которой последующая история фашизма нагроулила слово "вождь" ("фюрер"), - термин "развратитель масс". Ленин говорит, что те, кто обманывает народ звонкими фразами вместо честного анализа его проблем и поиска их решения, эти люди - не политические вожди, а "развратители масс". (Трудно в данном случае удержаться, чтобы не обернуть на самого Ленина его излюбленную насмешку над своими оппонентами, которые "побивали сами себя". Термином "развратитель масс" Ленин именно сам себя и побил, охарактеризовав самого себя как нельзя более точно.) Ну, тем более, ничего, кроме гадливости и презрения, нельзя испытывать к людям, которые, разочаровавшись в одном развратителе, тут же ищут себе другого... Своим-то умом жить никак не

хотят, сами за себя отвечать никак не желают...

Я говорил о примитивных взрослых, - примитивных окончательно, - навсегда толстокожих, тупых, бездуховных и бездушных. Детский примитивизм иной. Он может перейти во взрослый, летальный, а может смениться чуткой восприимчивостью, духовным богатством, душевной щедростью и космической ответственностью.

Долгие десятилетия слепоглухонемые воспитанники Сергиев-Посадского (бывшего Загорского) Реабилитационного Центра, примитивно, весьма бессодержательно общаясь только между собой и с педагогами, этот свой способ существования и нищету общения проецировали по ту сторону детдомовского забора. Оттуда иногда появлялись родители; приходили слепоглухие рабочие, бывшие воспитанники детдома. И дети обобщили: на свете бывают только ученики и рабочие. Моё появление поставило их в тупик. "В каком классе ты учишься?" "Я уже не учусь в школе". "Ты работаешь, делаешь булавки?" "Нет..."

Поездки в пионерские лагеря, а позже в лагеря Детского ордена милосердия, резко расширили кругозор слепоглухонемых ребят, познакомили их со здоровыми детьми и другими инвалидами, - слепыми, глухими, олигофренами, опорниками. Среди взрослых тоже были всякие: не только рабочие, но и студенты, люди самых разных профессий, в том числе научные работники. Теперь и мне легче стало объяснять, кем я работаю. Ребята поняли главное: жизнь по ту сторону детдомовского забора неизмеримо богаче, сложнее, чем по эту; большинство детей живут в семьях постоянно, а не только во время каникул; они хорошо видят, слышат, говорят. Разумеется, слепоглухим ребятам пришлось пережить тот факт, что они не такие, как все, но как это открытие ни было неприятно, без него невозможно полноценное личностное развитие. Нельзя скрывать правду, но можно и нужно смягчать её любовью, вниманием, общением. Если такого смягчения нет, тогда беда, и там, где ходят мимо, не замечая в упор, этим детям нечего делать. Ощущать себя "прозрачным" - кошмарная пытка.

7. КЛАССИФИКАЦИЯ

Лично у меня классификаций очень много, по самым различным критериям. Думаю, уже из сказанного выше можно извлечь в этом смысле немало.

Можно классифицировать по критерию нарушенного, или изначально не налаженного, или же нормального, не затрудненного общения.

Ещё критерий: одним стыд глаза выедаёт, а другие выходят из воды сухими, даже не встрахиваясь.

Критерий третий: одни умеют каяться (искренне признавать свою действительную вину), а другие не умеют - либо из самолюбия (признают "в глубине души", но не могут "унизиться" до признания вслух), либо из-за полного отсутствия самокритичности, из самообожествления, из искренней убеждённости в личной непогрешимости в чём бы то ни было. Есть ещё демагоги - мастера не просто признавать, не просто отрицать свою вину, а взваливать её на обвинителя, вывернуть истину наизнанку и вывернуться, да так, что обвинитель и сам не уверен, кто же в конце концов провинился: пакостник или обличитель пакостника. Я перед такими демагогами бессилен, поэтому они мне особенно ненавистны. Единственное оружие, которое я против них придумал - это не связываться с ними, в упор их не замечать, игнорировать, как тот Раздор из басни Эзопа, который чем больше бьёшь, тем он сильнее разрастается.

Критерий четвёртый: способ самоубийства - физического или морального, вследствие нетерпимости к другим или нетерпимости к себе,

вследствие неумения принимать себя и других такими, как есть. Вследствие, наконец, неприемлемости наличного качества жизни - и невозможности (действительной или кажущейся) добиться желаемого качества.

Критерий пятый - отношение к слепоглухоте (шире - к любой инвалидности, к любой хронической болезни, к любому постоянному затрудняющему жизнь "фактору"): либо - игнорировать, либо - исследовать, либо - спекулировать. Игнорировать, исследовать или спекулировать могут и окружающие, а не только сам слепоглухой. Я предпочитаю исследовательский подход с обеих сторон: так легче друг друга понять.

Критерий шестой: юмор - ласковый, небидный, ерошащий волосы у ребёнка на макушке; злой, саркастический, убийственный; примитивный, даже не обидный, а... скучный, что ли, "несмешной"; наконец, отсутствие какого бы то ни было юмора, когда некто "серьёзен как гроб".

Критерий седьмой: способность к благодарности (либо есть, либо нет). И ещё - цена этой благодарности: нередко "в благодарность" от нас ждут и требуют отказа от себя, от собственной воли, от собственного образа мыслей, образа действий, образа жизни; ждут и требуют полного подчинения воле, образу мыслей, образу действий, образу жизни "благодетеля". От меня тоже этого много раз ждали и требовали, но, не дождавшись и получив категорический отказ, уличали в том, что я классифицирую друзей на "чёрных" и "белых", обзывали неблагодарным и предателем... Что верно, то верно: лучше "предать" рабовладельца, "кукловода", притворившегося благодетелем, чем - самого себя. Разумеется, дилемма эта чаще и быстрее всего осознавалась мною, ибо речь шла о моей голове, о моей судьбе; агрессоры же искренне себя считали благодетелями, и их бывало очень жалко. Но себе я тоже ведь не враг, - и поэтому в некоторых случаях сам могу предъявить очень жёсткий ультиматум, потребовать, например, отказа от собственного круга общения, если этот собственный круг общения фатально замыкается на отбросах общества - алкашах, наркоманах и уголовниках. То есть предъявляю ультиматум в интересах обоюдной безопасности - и своей, и своего подопечного. В том случае, конечно, если приходится убедиться, что на сознательность и ответственность подопечного рассчитывать по меньшей мере трудно, если вообще можно. И если ультиматум можно подкрепить достаточным авторитетом - не только моральным. В общем, иногда можно быть очень мягким, а иногда приходится быть очень жёстким. Смотря с кем. Смотря по тому, какова степень взаимной зависимости, есть куда или некуда деваться друг от друга, в чём и насколько можно друг на друга рассчитывать. А глобальная - и потому абстрактная - мягкость так же неприемлема, как и абстрактная, со всеми подряд, жёсткость. Абстрактная мягкость превращает тебя в жертву каждого, кто не побрезгует на твоей шее прокатиться, а абстрактная жёсткость превращает тебя в палача. Ни жертвой, ни палачом, естественно, быть не хочется. Значит, остаётся исследовать, каждый раз отдельно решать, насколько можно позволить себе мягкость и насколько - приходится проявлять жёсткость.

Критерий восьмой: заинтересованность. Избирательная - или детски-всеядная. Или - тупость, апатия.

Сразу же всплывает и критерий девятый - креативность, способность или неспособность к творчеству. причём речь идёт не просто о познании. Заинтересованность в другом человеке, а следовательно - творчество отношений с этим человеком. Любовь. Этическое творчество.

Критерий десятый - темперамент. Холерик: вечная эмоциональная взбаламученность до самого дна; сангвиник: поверхностная эмоциональная

разлохмаченность (а не взбаламученность. Те и другие делятся на умеющих и не умеющих сдерживаться.) Меланхолик: подземные атомные взрывы; флегматик на всё реагирует "предельно рационально", как чёрный ящик, - молчит. Меланхолики делятся на умеющих и не умеющих выражать свои чувства, а флегматики - на считающихся и не считающихся с чужой эмоциональностью, как-то отвечающих на неё или просто созерцающих.

Критерий одиннадцатый: партнёрство. По сексу, по спорту, по общению, по проблемным "остроугольным круглым столам"... По решению любых проблем мирными, ни в коем случае не конфликтными средствами, ибо в конфликтах бывают лишь противники. Особая разновидность партнёрства - соперничество: есть противостояние, но нет конфликта.

Критерий двенадцатый: дотошность - до занудства, беспечность - до русского "авось"; ответственность и безответственность; опытность - неопытность в чём-либо.

Критерий тринадцатый: взаимность. Обязательна или нет. Готовность взять на себя "односторонние обязательства" - или паритет, равенство, равноправие во всём, до смешного, до абсурда. В молодости я был сторонником паритета; потом, пожалуй, переборщил с односторонними обязательствами, беря на себя больше посильного; теперь же пробую сочетать одностороннюю ответственность и паритетную, смотря по ситуации. Предпочитаю всё же одностороннюю, когда всё зависит от меня и мне по силам.

Критерий четырнадцатый: правда. Искать правду, бороться за правду, жить по правде. Предпочитаю первое и третье. "Борьба за правду" освобождает от необходимости жить по правде, откладывает жизнь по правде до окончательной победы "в борьбе за правду". В случае поражения жизнь по правде считается невозможной, ибо для неё "нет условий". Нынче (да и всегда, наверное) все за правду, противников у правды не бывает. Я пришёл к выводу, что на деле противники правды - именно борцы за правду.

Критерий пятнадцатый - инвалидность. Как я определил её в автореферате кандидатской диссертации, инвалидность - это затруднённость участия в решении проблем, от глобально общечеловеческих или общенародных до семейных. Инвалидность - это обездоленность, лишённость доли участия в жизни, б'ольшая или меньшая выключенность из жизни. С этой точки зрения всякая инвалидность - прежде всего социальная, ибо означает затруднённость социальной жизнедеятельности в каких бы то ни было её разновидностях и масштабах. Дальше уже подробности, что именно явилось ближайшим поводом (а не причиной) для возникновения этой затруднённости: то ли физический недостаток (слепота, глухота, слепоглухота, хромота, горбатость, общий паралич, навсегда укладывающий в коляску), то ли сиротство, то ли безработица, бездомность, безденежность, то ли общая бездуховность, бескультурие, слепо-и глухотушие, или "заикание совести", по прекрасному выражению Ю.Б. Некрасовой. Классификация по критерию инвалидности может быть весьма подробной.

Критерий шестнадцатый: ореол. Постоянный и меняющийся. Светлый - тёмный - серый (то есть посредине, между светлым и тёмным, а что такое цвет - я не знаю); хороший - плохой - ни то ни сё; добрый - злой - равнодушный; бодрый - усталый - так себе; "хвостатый" - "бесхвостый" (имею ввиду наличие-отсутствие тумана, пространства, марева за спиной; "хвостатый" - чей-то представитель, а "бесхвостый" - сам по себе; пример "хвостатости" у Твардовского: Тёркин дерётся с немцем, и - "самолеты, танки, пушки у обоих за спиной"); уютный - неуютный - безразличный; теплый - холодный (до озноба) - прохладный; целительный

- ядовитый - неприятный... Пожалуй, можно продолжать до бесконечности: тут неисчерпаемый источник поэтических характеристик.

Критерий семнадцатый - несчастье. Каждый несчастен по-своему и - все несчастны одинаково в том смысле, что я категорически отказываюсь сравнивать, кто несчастнее. Счастье - не отсутствие трудностей, а наличие возможностей для их преодоления. Несчастен беспомощный, бессильный. Счастлив - справляющийся. Я - в большей мере счастлив, чем несчастен. А степень счастья и несчастья, силы и бессилия обычно (не всегда, но обычно) прямо зависит от степени одиночества: один в поле не воин; "Закон вечности" Нодара Думбадзе: душа каждого из нас - непосильно тяжела для одиночки; мы можем выдержать тяжесть душ друг друга только вместе, сообща.

Критерий восемнадцатый - взаимопонимание. Можем - не можем, умеем - не умеем, хотим - не хотим понимать друг друга. Что для нас важнее: понять и принять - или "размножиться", своё навязать. А может быть, отвергнуть именно потому, что понято, но неприемлемо, и от этого неприемлемого приходится защищаться.

Критерий девятнадцатый - мужество и трусость. Мужество самокритичности и ответственности за себя (в конечном счёте - за весь мир). Трусость неоправданного оптимизма, беспочвенных надежд, отказа от постановки и решения проблем, сознательного закрывания глаз на проблемы, замазывания проблем сопливой жалостливостью и слюнявым "жизнелюбием".

Критерий двадцатый: надёжность - ненадёжность. Можно или нельзя рассчитывать, полагаться, опираться в чём-то на кого-то. Подведёт - не подведёт. Это куда сложнее, чем предположенная А.А. Бодалёвым классификация по критерию помощи: помогают - не помогают... Нет, тут главная проблема в том, возможна ли с этим человеком взаимопомощь. Сотрудничество. Можно ли довериться ему настолько, чтобы впрячься в одну упряжку, - или не стоит рисковать, ибо это, возможно, пустопляс, который, как в горку, так тебя одного в упряжке и бросит. Тут проверка на посильность "Закона вечности", о котором шла речь выше: выдержит некто Закон Вечности или нет.

Критерий двадцать первый: уровень культуры. Дремучий примитивизм в сочетании с зоологической завистью и ненавистью - к чужому духовному богатству - психологическая основа фашизма, всякой охлократии. Чернь и сброд (в духовном смысле) - или народ, создатель духовных и материальных ценностей, носитель и источник доброты. Урывание от жизни, зависть, что кто-то больше урвал, - или полноценная жизнь. В 1844 году Маркс понял частную собственность именно как источник дремучего примитивизма, как свед'ение всего богатства человеческих отношений с миром к зоологически-примитивному отношению обладания.

Критерий двадцать второй: возраст. Взрослые и дети. Дети мною все любимы, но делятся на пассивных, а может, выжидающих, замкнутых, закрытых, - и активных, инициативных, открытых. С первыми мне очень трудно придумать, чем бы заняться, как бы растормошить, расшевелить их. Со вторыми только успевай поворачиваться, - они сами придумывают занятия, и мне остаётся лишь санкционировать их выдумку своим участием или запротестовать: "Я так не играю!" Мне с инициативными ребятами легко и приятно при всей их приставучести, претензии на то, чтобы моё внимание принадлежало безраздельно им. Я даже благодарен им за этот монополизм: значит, любят. С пассивными же мне очень трудно. Пассивные дети могут быть "удобны" только тем взрослым, которым детство мешает своим существованием, которые поэтому превыше всего ценят в детях послушание. - Взрослые же делятся на взрослых и творцов. Взрослые - это те, кто сжёг все мосты между собой и собственным и всяким

детством; кто, как говорится, "не помнит себя ребёнком". Творцы - это те, кто сохранил от детства и многократно усилил существенные черты: непосредственность, любопытство, способность увлекаться, - всё то, без чего невозможно творчество. Творчество во всех областях, в том числе - и, может быть, особенно, - в области этики межличностных отношений: интуитивная, в смысле не рассудочная, не рассуждающая, доброта, какая-то естественная терпимость. Мастер любви принимает всех такими, как есть, он иначе не может; именно то, что всего труднее всем остальным, вечным борцам за свою независимость, - именно самое трудное для этих борцов - легко и естественно, как дыхание, для мастера любви. Таким мастером любви, несомненно, была моя мама. По мне, самые лучшие взрослые - это выросшие дети, в чём-то главном и лучшем так навсегда и оставшиеся детьми, а поэтому способные на творчество. Просто взрослых, переставших быть детьми, порвавших с детством, я не люблю. Они скучные, назидательно-нудные, вечно резонёрствующие, противные. Это - вконец испорченные дети.

Вот сколько критериев для классификации людей я извлёк из предыдущего изложения. Думаю, что этот перечень нельзя было оборвать стандартным "и так далее", ибо за меня этот список никто не составит и не закончит, хотя я ограничивался рамками рукописи данной работы. Анализ других моих текстов мог бы непредсказуемо расширить перечень критериев для классификации людей. Только зачем расширять?.. И так ясно, что критериев у меня столько, что всякие классификации вообще-то лишаются смысла. Ибо все эти критерии сводятся, в сущности, к одному - к категорическому отрицанию какой бы то ни было штамповки людей, к признанию уникальности каждого. И тогда кончается наука. Начинается искусство с его вниманием к единичному.

Жизнь вынудила меня свернуть в науку с прямой дороги моего развития, которая лежала - и похоже, пролегла-таки, несмотря ни на что - именно в искусство, в литературно-художественное творчество. Поэтому я никогда не любил, да и не умел, классифицировать. Поэтому любой мой научный текст самым фатальным образом соскальзывает в публицистику, эссеистику и, наконец, откровеннейшую лирику. Так уж я "задуман" с детства, и все попытки изменить этот "замысел", заменить каким-то другим, приводят лишь к обогащению первоначального "замысла". Попытка стать исследователем сделала меня публицистом, а попытка стать педагогом-практиком - помогла преодолеть кризис поэтического творчества, привела к появлению особого рода любовной лирики, обращённой к детям. А в конце концов, все три сферы творчества у меня давно слились воедино, взаимно обогащают друг друга, и разрывать их, противопоставлять - не стоит. Всё равно другим быть не смогу.

8. ИДЕНТИФИКАЦИЯ

Если я правильно понял А.А. Бодалёва, это стремление и попытка стать похожим на кого-то образцового, эталонного, на некий "живой идеал". Я лично идентифицирую себя со всем человечеством и с теми, кто в своей деятельности дорос до общечеловеческого масштаба (классики мировой художественной и философской литературы). Среди тех, с кем я общался лично, это прежде всего Эвальд Васильевич Ильенков и Александр Иванович Мещеряков. При этом стараюсь походить скорее внутренне, чем внешне. С Э.В. Ильенковым у меня было немало серьёзных столкновений по поводу моей пространственной самостоятельности: он за меня боялся, чисто по-отцовски, а для меня это был буквально вопрос жизни и смерти, - я бы не выжил после университета в доме-новостройке, посреди других строящихся домов, а значит в непролазной грязи, если бы не научился ещё в студенческие годы организовывать себе помощь случайных встречных. Но независимо от того, как складывались наши с Э.В.

Ильенковым личные отношения, я всегда был сторонником его, и только его, ильенковской, философской позиции, и в спорах наших именно к ней апеллировал, упрекая, в сущности, живого Ильенкова за то, что он не такой, как в собственных книгах. Это был юношеский максимализм: мол, в жизни автор должен быть непременно таким же, как в книгах, иначе он, получается, "лицемерит". Теперь-то на личном опыте убедился, что такое уж полное соответствие и невозможно, и не нужно. Чего не хватало - самого себя мумифицировать! И мне теперь, как никогда, понятен пафос Ильенковского стога души: "Я живой человек!" На месте Ильенкова я и сам бы мог ответить только таким же стоном...

Разумеется, я всегда идентифицировал себя с мамой. Это был нежный и вместе с тем очень принципиальный человек, никогда не уступавший ни в чём главном - в вопросе ли о моём здоровье, в вопросе ли о моей учёбе, в вопросе ли о собственном человеческом достоинстве (умела не позволять себя унижать; мелкий, но характерный штрих: брат покритиковал её стряпню, чего-то там ему показалось мало, и мама сказала - сам готовь; самому мне самой вкусной едой всегда казалась та, что получена из маминых рук - как бы ни приготовлено, - и именно самое, с маминой точки зрения, "неудачное", "подгоревшее", я уплетал с особым аппетитом). Плакала, жалела, а везла в школу, где я был в состоянии войны почти со всеми ребятами. Она совершила подлинный подвиг материнской любви, всегда хотела одного - быть нужной своим детям, и в первую очередь мне, как самому, казалось, обездоленному. На деле получилось, что именно я покоил её старость в последние десять лет её жизни (интересно: Мещерякова и Ильенкова я тоже знал и любил последние десять лет жизни каждого из них), и только я способен оказался возглавить и кормить семью, когда это стало не по силам маме. Она делала то, на что хватает очень немногих родителей: не терпела посредников в переписке со мной, и ради этого освоила рельефно-точечную систему Брайля, чтобы самостоятельно читать мои письма и отвечать на них доступным мне способом. Позже много переписывала по этой системе необходимую мне научную литературу, и я поражался, как она, не разгибаясь, печатала на специальной пишущей машинке по двадцать страниц за четыре часа - без единого перерыва! Она подменяла моих секретарей, я боялся, что приучит их к этому, и от них вообще нельзя будет получить даже самую пустяковую помощь (что и выходило на самом деле во многих случаях). Я ворчал на неё за это, а она отвечала потрясающе просто: "Если я не буду с тобой везде ездить, я буду тебе не нужна". И доездила до инсульта. Она знала, что я ей нужен сам по себе, но странным образом до неё не доходило, что мне она тоже нужна сама по себе, независимо ни от чего, ни от какой - самой громадной или минимальной - помощи, - лишь бы была. Только после инсульта я смог убедить её в этом, купая её, как ребёнка, снимая головную боль и онемение в больных конечностях массажем, которому специально поучился по книгам и в санатории. Она всегда была для меня недостижимым образцом нежности, принципиальности, умения принимать людей такими, как они есть, - всё это вместе, в сплав. Больше, чем её, я никого не любил, и если вообще научился как-то любить (кого бы то ни было), то это - слабый отсвет её громадного таланта любви.

Мама заложила фундамент моей личности, на котором потом строило, перестраивало, достраивало множество людей, в том числе, конечно, я сам. Без мамы не было бы меня не только физически (это-то само собой понятно), но, что неизмеримо важнее - личностно. И момент для смерти словно специально выбирала: смогла умереть не раньше, чем окончательно за меня успокоилась (и тем самым - за брата и сестру), увидев защиту моей докторской диссертации, многое другое, перечисленное выше, -

увидев отношение ко мне множества людей, оценку ими её материнского подвига, - увидев всё то, что теперь не отпускает меня вслед за ней. Она словно получила разрешение: "Теперь можно и отдохнуть. Он глупостей не натворит". А уйди она годом, даже полугодом раньше, - мог бы натворить...

Ещё феномен идентификации работает у меня в общении с детьми. Я всегда на стороне детей и всегда, насколько хватает воображения и информации, стараюсь быть на их точке зрения, понимать их изнутри, с их собственных позиций. У меня дело может дойти (хотелось бы, чтобы доходило почаще) до перевоплощения в ребёнка, так что наши "я" сливаются в "мы".

Однажды в лагере меня потеряли: пора было ужинать, а меня нет нигде. Я просто-напросто спал у себя в комнате, но столь прозаическая догадка пришла в голову последней. Сначала же меня искали по всей территории лагеря, в самых немыслимых закоулках, несмотря на то, что у меня в то время болела нога, я передвигался с костылём и не во всякий закоулок физически мог попасть. Когда я спросил у начальницы смены, почему же сразу не зашли в мою комнату, она ответила, что учитывалось прежде всего моё отношение к детям, то, что в компании детей я способен забраться куда угодно, хотя бы и с переломами обеих ног. Вообще говоря, они рассуждали совершенно верно, и я был очень доволен такой их логикой, вовсе не учитывающей, как нечто несущественное, любые мои немощи, зато ставящей на первое место мою влюблённость в детей.

В науке много копий сломано из-за сущности человека, из-за того, что человек за существо. "Животное двуногое, но без перьев", "животное, производящее орудия", "социальное", "биосоциальное", "разумное", "безумное" существо... В последнее время я склонен считать человека прежде всего ЭМОЦИОНАЛЬНЫМ . о существом. Потом уже разумным или безумным. Ответственным или безответственным. Всё дело в иерархии эмоций, в том, какие преобладают. Это преобладание и делает человека либо действительно человеком, либо животным, либо) человеконенавистником (преступником в широком антисоциальном, античеловеческом, антигуманном смысле, а не в чисто юридическом). И я полностью присоединяюсь к христианству в важнейшем пункте, что преобладать должна любовь. Правда, смотря к кому, смотря к чему... В христианстве - к Богу, а затем уже к "ближнему". Бога можно интерпретировать как "Человеческий Дух", духовную культуру человечества. Лично у меня любовь к Человеческому Духу, творческая одержимость - главный источник и критерий идентификации себя с другими людьми. Только с духовными, а в случае с детством - с теми, кто может стать духовным. Будущая всеобщая, поголовная духовность (а это значит

прежде всего человечность) - вот главный предмет моей постоянной страсти, моего самого сильного, преобладающего чувства. Любовь к будущему духовному совершенству людей, даже без надежды на его осуществимость, - вот моё главное чувство. Тот, кто снисходителен к себе в отношении духовности, кто способен существовать (прозябать) без идеала, без утопии, без романтики, без прекрасной, пусть и кажущейся несбыточной, мечты, без сказки, - тот вызывает во мне по меньшей мере брезгливое безразличие, скуку, а если доведётся столкнуться чересчур близко - то и отвращение, и непримиримую ненависть. Это для меня - просто не люди. Какие-то совсем другие существа, неизвестные биологии, но хорошо известные народным сказкам, где их так и называют - "не`люди".

Я способен не спать до утра, если мне попадётся в руки сказка, - не могу уснуть, пока не прочитаю. Однажды я так зачитался до шести утра. Уже занималось апрельское утро. Окно моей комнаты выходит на восток, и моё светоощущение позволяло мне видеть какие-то вспышки, блики на стене. Переполненный только что прочитанной сказкой, я лежал без сна, и во мне зазвучали строки:

На рассвете
лучей -
 пляска.
От нейтронного,
 что ли,
 Огня?..
Дайте мне
 дочитать
 сказку,
А потом -
 пусть не будет
 меня.
Может,
 атомный взрыв -
 это;
Может,
 сварка,
 а может,
 заря...
От беды бы
 спасти -
 деток,
А потом -
 пусть не будет
 меня.
Всё равно
 на тот свет -
 в яму.
Маме
 горя добавить
 нельзя.
Дотерпеть,
 пережить -
 Маму;
Через миг -
 пусть не станет
 меня!

Всё хорошо в меру. Идентификация может сыграть с человеком роковую шутку, так что он и не заметит, как откажется от самого себя, от самостоятельной жизненной позиции, спрятавшись навсегда за широкую спину какого-нибудь живого "эталона" - уже не идеала, а идола. Чаще ли это бывает у слепоглухих, чем у зрячеслышащих?.. Нет статистики, трудно судить, а если "на глазок", то - мне кажется - реже у слепоглухих. Нас, чисто количественно, слава Богу, не так уж много. И среди тех, кто вообще дорос до этой проблемы - прятаться или нет от жизни за чью-то широкую спину, - огромное большинство, как и я, предпочитает не прятаться. Правда, это обычно почти бессознательный выбор: лучше по возможности самим решать свои проблемы, чем смиренно ждать, пока кто-то снизойдёт, найдёт время. Рассчитывать-то всё равно особо не на кого обычно... Не желая ждать ничьей услуги, мои

слепоглухие знакомые самостоятельно ходят и ездят, зарабатывают (если есть работа) и покупают. Я с детства действовал так же: если со мной некому (особенно обидно, если "некогда") гулять, я гулял один, как бы мне это ни запрещали, как бы за меня ни боялись. И вообще мы в этом - последователи пророка Магомета, изрёкшего, что если гора не идёт к Магомету, то Магомет идёт к горе; мы тоже предпочитаем сами идти, не дожидаясь, пока удосужатся подойти к нам. У меня эта инстинктивная позиция подкрепляется ещё творческой идентификацией с человечеством - ни больше ни меньше.

9. РЕФЛЕКСИЯ

Думаю, что определение рефлексии как "самосознания" - приблизительно. Мне кажется, что будет точнее, если мы определим её как теоретическое отношение к жизни _ через . теоретическое отношение к самому себе. Так понимаемая рефлексия - основа, фундамент всей моей деятельности: и творчества и быта. Я подчас даже слишком пристален к любым возникающим загвоздкам, - до мнительности, до того, что называется "зреть глубже корня", то есть видеть проблему там, где всего лишь маленькое недоразумение, и то исключительно у меня.

Особенно наглядно это проявляется в ситуациях бездумного зубоскальства, когда я не знаю, обижаться или нет на ту или иную шутку, показавшуюся мне скользкой, - а также в ситуациях простой неловкости, неуклюжести.

Например, однажды мне в присутствии Ю.Б. Некрасовой и одной лаборантки сунули две плитки шоколада и, как пятилетнему ребёнку, предложили поздравить этими шоколадками названных дам с восьмым марта. Я был смущён именно тем, что поздравлять женщин мне предложили в присутствии, на глазах у этих женщин. Я почувствовал себя униженным и успокоился только через несколько дней, прямо спросив женщин об их реакции на эту неуклюжесть. Они сказали, что ничего не заметили и, во всяком случае, не придали этому никакого значения.

Вообще я очень часто не знаю, как поступить, и очень этим мучаюсь. Завидую тем, кто сразу, не задумываясь, умеет вести себя правильно. А значит, меньше имеет поводов себя стыдиться. Такая интуитивная безошибочность была в высшей степени свойственна маме. Она была терпима, всегда была готова считаться с человеком таким, как он есть, - "что поделаешь, если он такой", - и если была неправа, то именно по причине чрезмерной подчас терпимости, - была неправа именно потому, что готова была терпеть совершенно нетерпимое. Но и тут у неё преимущество: о такой неправоте можно сожалеть, зато стыдиться такой неправоты уж никак не приходится. Стыдно, когда сыграл роль палача, а если оказался в роли жертвы - стыдно должно быть твоему палачу, а тебе стыдиться нечего, ты ведь "перегнул палку" не в сторону бесчеловечности, а, как раз наоборот, в сторону человечности. И я всегда восхищался этой маминой способностью, а часто и завидовал ей, потому что мне-то свойственно скорее недотерпеть, чем перетерпеть, - следовательно, взрываться не по делу, а потом мучаться угрызениями совести, стыдом.

Незнание, как поступить, нередкая растерянность там, где другие действуют безошибочно не задумываясь, у меня, вероятно, связано со слепоглухотой, то есть с недостатком информации, без которой трудно оценить обстановку. Я не знаю, как себя вести, потому что не знаю, а лишь догадываюсь в большинстве случаев, что именно происходит. У зрячеслышающих эти же проблемы возникают, насколько могу судить, не от

недостатка информации, а от недостатка "способности к суждению", от слабости или полного отсутствия рефлексии, - словом, от неумения осмысливать информацию. При одинаковых трудностях у нас, таким образом, противоположные причины этих трудностей. Я не сомневаюсь, что сумел бы осмыслить информацию, - было бы что осмысливать. А вот этого, того, что осмысливать, часто и не хватает. Потому-то и "зрю" иногда "глубже корня", - что же ещё остаётся делать, если в твоём распоряжении больше догадок, чем точных фактов?..

Чтобы не брать других примеров, закончу анализ того же самого, восьмимартовского. Он достаточно элементарен, и в то же время наглядно демонстрирует все мои трудности.

Ко мне обращаются как к пятилетнему ребёнку: дают шоколадки и предлагают поздравить тут же сидящих женщин, в то же время подчёркивая, что они "мои сотрудники" ("поздравь своих сотрудников"). Я не просто растерян, а задыхаюсь от немедленно вспыхнувшего раздражения, можно сказать, настоящей злобы. Мне хочется грубо оттолкнуть руку с шоколадками: "Сам поздравляй!" Но у меня нет ни малейшего желания учинять скандал. К тому же мне непонятно, почему этот человек позволяет себе со мной так обращаться.

Если б я мог видеть выражение лица, я, может быть, сразу понял бы это. А так мне остаётся догадываться: провокация скандала? Или простая неуклюжесть, расчёт на то, что дактильное (пальцевое) обращение ко мне никто не услышит, так что в особой "конспирации" нет нужды?.. Но разве он не понимает, что шоколадки-то видно, если и не слышно его дактильных речей? Если сознательная провокация скандала, то, дав волю своему раздражению, я поддамся на провокацию. Провокатор будет втихомолку злорадствовать, заставив меня вести себя самым недостойным образом в присутствии женщин. Если же это не провокация, а просто бессознательное неуважение ко мне, проявление некой нравственной недовоспитанности, этической слепоглухоты, - надо как-то это загладить. Но как? Я принимаю шоколадки и... обе протягиваю Ю.Б. Некрасовой, она рядом сидит, а где в данный момент лаборантка, я не вижу. Вынужден звать её через всю комнату, и, чёрт знает какую чепуху бормоча от смущения, передаю лаборантке вторую шоколадку, забрав её у Ю.Б. Некрасовой. Прямо цепная реакция, нагромождение неловкостей! К тому же от моего внимания не ускользнуло, что первым, скорее всего безотчётным, движением Ю.Б. Некрасовой было оттолкнуть шоколадки. Почему? Потому ли, что она заметила неловкость и тоже смущена и раздражена, или потому, что решила, будто угостили меня, а я ей отдаю?.. Я не выдерживаю и говорю ей нарочно погромче, на всю комнату:

- Меня тут приняли за пятилетнего малыша, и я вынужден вести себя соответствующим образом, - поздравлять вас шоколадками, которые мне для этого у вас на глазах сунули.

Таким образом я показал, что хотя и вынужден, во избежание скандала, играть роль пятилетнего, самолюбие-то у меня сорокалетнее.

Через пять дней, когда мы с Ю.Б. Некрасовой, как психотерапевтом, занимались психоанализом, я вернулся к этой продолжавшей меня мучить ситуации, нарочно в присутствии "провокатора", чтобы до него дошло хотя бы, в какое дурацкое положение он меня поставил. Я объяснил Юлии Борисовне, что меня не сама по себе эта неловкость занимает, а то, как вообще реагировать в подобных случаях. Юлия Борисовна ответила, что, в общем, я поступил правильно, показав свой конфуз. Лучше реагировать правдиво, искренне, чем нагромождать взаимную фальшь. В то же время она подчеркнула, что ровным счётом ничего не заметила, что женщине вообще приятен сам факт поздравления, в какой бы неловкой форме это ни было сделано.

Ну, честно говоря, заверениям этим я не поверил, отнеся их за счёт желания Ю.Б. Некрасовой меня успокоить. Для себя же решил: если кто вздумает так же бесцеремонно при всем честном народе меня "воспитывать", надо дать очень резкий и очень короткий, как оглушительная оплеуха, отпор. В данном случае мне следовало всё-таки молча оттолкнуть руку с шоколадками, а снова полез бы, - грубо оборвать: "Отстань!". И больше не тратиться. Поставить на место - и поставить точку. Чтобы в следующий раз крепко подумал, прежде чем соваться с подсказками. Я взрослый человек, и сам способен выбрать момент, когда и как поздравлять. В общем, в подобных случаях, видимо, не сдерживать раздражение, но и не размазывать его, а швырнуть в лицо обидчику плотным сгустком так, чтобы не я, а он переживал и гадал, что он такого сделал. А дальше, шмякнув этот сгусток раздражения, вести себя, как ни в чём не бывало, ни в коем случае не кукситься. Ну, а если мне действительно нужна подсказка, как поступить, я всегда сам, без малейших судорог "самолюбия", попрошу совета у тех, кому доверяю.

Почему всё-таки возникают подобные неясные ситуации? Думается, недоучёт моего "сорокалетнего самолюбия" связан со слепоглухотой, с очевидной (и преувеличиваемой) моей беспомощностью, нехваткой точного оперативного знания обстановки. Мне хотят помочь, но не всегда умеют сделать это необходимо, тактично. Можно, конечно, тут же ответно обидеть. Нельзя молча сносить унижение. Но затем, оставшись вдвоём, хорошо бы попытаться объясниться, подсказать, как лучше, чтобы не вынуждать меня к отпору, чтобы не было взаимных обид, - как лучше действовать в следующий раз. А унижения не сносить. (Поэтому, при всей своей любви к маме и восхищении человечностью её, чрезмерную терпимость я хотя и понимал, тем более любясь мамой, но не одобрял и сам предпочитал не практиковать. Жертвой оказаться хоть и не стыдно, но и ничего хорошего.)

Мы сами приучаем людей и к уважительному, и к неуважительному обращению с нами. Лучше, конечно, вести себя как-нибудь так, чтобы с

нами обращались только уважительно, чтобы и в голову не приходило обращаться иначе. Но это требует весьма высокой собственной культуры поведения, а значит, очень точной, на уровне интуиции работающей, рефлексии. Мне до этого идеала далеко...

10. "ДРУГИЕ СУБЪЕКТЫ"

В самом деле, куда я их дел? Почему невооружённым взглядом не видно их в моих текстах? И чем глаз читателя "должен" быть вооружён, чтобы их увидеть?..

"Другие субъекты", другие люди в моих текстах всегда есть, но я вынужден их зашифровывать. Главным образом во избежание лишней склоки, лишних обид, поскольку тексты у меня остропроблемные. Эвальд Васильевич Ильенков не раз, выслушивая мои монологи, огорчённо замечал по поводу какого-нибудь небрежного обобщения: "Ну вот, походя опять обидел кучу людей". Клянусь, я нечаянно! Но ведь за "нечаянно" и бьют отчаянно... И Борис Михайлович Бим-Бад, которому я несколько лет подряд читал, прежде чем перепечатывать по-зрячему, все свои рукописи вслух, вынужден был специально учить меня зашифровыванию тех, кто в бесчисленных конфликтных ситуациях ставил передо мною бесчисленные проблемы.

Не анализировать этих проблем нельзя, - их анализ может вооружить и меня, и других несчастных, перед кем эти проблемы встали, алгоритмом решения; вооружить знанием, как поступать. Но и те, с кем я "заморочился", из-за кого эти проблемы передо мною встали, кто вынудил меня к анализу, - эти люди в большинстве своём не так уж сильно

провинились, чтобы срамить их упоминанием; или наоборот, провинились настолько сильно, что я не хочу создавать им хотя бы и отрицательную "рекламу", называя их имена. Кроме того, мне свойственно шарахаться из крайности в крайность, либо перехваливая, либо чересчур яростно проклиная. Проблемный анализ конфликтной ситуации (или эйфории, увлечённости, первой влюблённости) производится мною обычно по горячим следам - тогда, когда горит, когда болит. Остыв, я начинаю стыдиться как чрезмерных похвал, так и чрезмерных проклятий, - похвал меньше, чем проклятий, а с некоторых пор и вовсе для себя решил, что перехвалить не стыдно; стыдно оказаться палачом. К тому же, особенно в студенческие годы и немного позже, иные "субъекты" прямо требовали, чтобы я не смел их упоминать в своих сочинениях, как бы то ни было, - ни в похвалу, ни в порицание. Когда же мне стукнуло за тридцать и я, по выражению одного знакомого, стал "очень выгодной фигурой", началась суeta из-за приоритетов: кому я чем обязан, кого есть, а кого не за что благодарить; получалось так, что я должен благодарить лишь нынешних своих "отцов-благодетелей", а прежних оплёвывать. Иногда я не выдерживал и уступал этому беспардонному нажиму, чего потом не мог себе простить и стыдился показаться на глаза оплётанному человеку. Поэтому я решил для себя вообще поменьше называть имён, а уж если называть, то, как правило, в благодарность, в похвалу, а не в порицание, и обязательно по делу, а не специально, обязательно по поводу анализа той или иной проблемы, которую они мне помогли решить или осознать. И вообще, я в конце концов пишу для анализа проблем, а не ради составления церковного синодика, - не ради составления списка, кому ставить свечку за здоровье, а кому за упокой. Пусть каждый читатель на место зашифрованных мною "субъектов" подставляет своих знакомых, с кем у него возникали похожие проблемы. С какой стати мне тыкать пальцем в своих обидчиков?.. Не говоря уже о том, что одни и те же люди могут выступать и в роли обидчиков, и в роли благодетелей; в жизни чаще всего бывает именно так.

В публицистике, в научном тексте главный "герой" - проблема, а не единичный решающий её субъект. Другое дело - текст художественный: здесь люди по поводу проблем, а проблемы по поводу людей. Но и тут предпочтительнее зашифровывать знакомых, либо обращаясь к ним как бы с письмом, где имя заменяется личным местоимением второго лица ("ты", "вы"), либо заменяя настоящее имя вымышленным. Как правило - шифр; как исключение - открытый текст. Но открытый текст требует исключительного такта. Если не уверен в своей тактичности, лучше прибегнуть к шифру, ибо нет ничего оскорбительнее для другого - и ничего стыднее для себя - публичного поношения. Потом, остыв, сам сгоришь со стыда, что превысил меру вины, обругал несправедливо. А мне и так уж перед многими стыдно - и живыми, и покойными. Особенно перед покойными, ибо тут уж ничего не поделаешь, не поправишь, не загладишь вины... Да и перед некоторыми живыми - тоже "особенно". (Из живых особенно стыдно перед Борисом Михайловичем Бим-Бадом, а почему - здесь не место уточнять, но и промолчать об этом стыде совсем - не могу.)

А чем объяснить, что "других субъектов" не видно не только в моих, но и в текстах О.И. Скороходовой? Вероятно, в какой-то степени уже названными причинами. У меня не было тесного доверительного контакта с Ольгой Ивановной, и мне трудно судить, насколько её отношения с окружающими людьми были похожи на мои. Бесспорно, однако, что её отношения не были бесконфликтными, но к своим конфликтам она относилась иначе, по-другому их переживала, - она была другим человеком, более замкнутым: близко знавшие её люди говорили мне о ней как о великой скромнице. Не то что других - саму Скороходову в её

книге не очень-то видно. Есть её "восприятия и представления", но нет её самой как личности, и поэтому нет её "понятий", хотя заключительная часть книги и называется "Как я понимаю окружающий мир".

В какой-то степени это наверняка объясняется исторической эпохой, в которую пришлось жить Скороходовой. Не могла не сказаться сталинская и вообще советская обезличка, безусловный приоритет "коллектива", спутанного с военным строем, над "личностью". Учитель Скороходовой, профессор Иван Афанасьевич Соколянский, подвергался репрессиям, и его мог пугать любой пристальный взгляд, любое, хотя бы и доброжелательное и благодарное, внимание к его "персоне". Само слово "персона" тогда употреблялось не иначе как в уничижительном контексте, - даже у Э.В. Ильенкова, одного из создателей действительно марксистской философско-психологической теории личности. Так что Скороходова могла "стесняться" "выпячивать" свою "персону". Я не стеснялся никогда, хоть Ильенков и журил меня за это, и потому в моих текстах если и плохо видно других, то уж меня-то самого видно наверняка отчётливо. Пусть даже чересчур отчётливо. Ничего. После советской обезлички этим каши не испортишь.

Ну и в какой-то степени наверняка тут виновата слепоглухота. Мы лишены физической возможности наблюдать "со стороны", что и как делают "другие". "Другой" для нас существует только тогда, когда мы к нему прикасаемся. Откуда нам знать, какие разговоры о нас в нашем же присутствии ведутся, если переводчики дисциплинированно соблюдают запрет переводить нам эти разговоры?.. О таких запретах мне иногда говорили, - вынуждены были говорить, ибо я требовал ответа, почему переводчик молчит. Не каждый сумеет в одну секунду придумать, как правдоподобнее соврать, вот и признавались, что переводить запрещено, да нередко "ничего такого" и не видели в таких запретах.

В общем, если кому не нравится, что в текстах слепоглоухого плохо видно кого-то ещё, кроме самого слепоглоухого, - то счёт следовало бы предъявить, может быть даже в первую очередь, тем, кого "плохо видно". Они вправе не желать, чтобы их было видно лучше.

И они, хотя и не вправе по-человечески, но могут разрешить себе, надеясь, что не будут разоблачены, "немножечко" попользоваться нашей слепоглухотой, ввести, разумеется желаячи нам добра, некую цензуру, некую дозировку информации. Как это очень часто позволяют себе вообще взрослые по отношению к детям. А правительства - даже самые "демократические" - по отношению к народам. Да ещё, что, наверное, особенно "тактично", о пределах дозировки информации договариваются в нашем же присутствии! Мы же не услышим и не узнаем... Один "другой субъект" - между прочим, тот же самый, который отвесил мне сомнительный комплимент насчёт моей чрезвычайной "выгодности", - настойчиво объяснял мне, что меня очень легко обмануть. Через несколько лет у меня накопилось достаточно причин задуматься, не пользуется ли он первый этой лёгкостью, равно как и моей "выгодностью".

11. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вот я и заполнил своего рода "анкету". Получилась такая пестрота, что и не знаю, каким общим заголовком это всё можно было бы охватить. Научную тему разговора сформулировать легко: речь идёт о том, как работают - и какие именно - механизмы общения в условиях слепоглухоты. Однако мне бы хотелось адресовать получившийся текст не только научной, но и массовой аудитории. Тогда заголовок должен быть

образным, а не, как обычно в научных текстах, прямо формулирующим тему.

Если трудно озаглавить - значит, трудно обобщать.

Есть у Ильенкова статья "Думать, мыслить..." - один из вариантов знаменитой работы "Школа должна учить мыслить!". Тут, пожалуй, подсказка.

Зрячеслышащие, общаясь, всматриваются и вслушиваются. На этой чувственной основе - вдумываются. Вдумываться в себя и в других - главное в общении, кто бы ни общался. За бездумное порхание приходится расплачиваться более или менее жестоко. Можно общаться уверенно, непринуждённо, но это вовсе не значит - бездумно. Просто накопился достаточный опыт, в общем и целом "накаталась колея", по которой и катится наше повседневное общение.

Мне трудно общаться потому, что я никогда не доверял колеям, особенно если они накатаны кем-то - не мной. Я всегда ревизовал и продолжаю ревизовать колеи. И особенно я недоверчив к тем колеям, которым доверяются "все". Я всегда добивался рационального объяснения, почему я должен вести себя "как все", и кто такие эти "все". Аргумент: "все так делают, и ты так делай", - для меня всегда был тем же самым, чем является красная тряпка для быка.

Но я не вижу лиц. Не слышу голосов, а если даже и слышу через слуховой аппарат - не понимаю жужжащих вокруг меня разговоров. Как же мне ориентироваться в общении с людьми, если отвергаю накатанные колеи, вернее недоверчиво осторожен с этими колеями?

А колеи мне очень нужны. Такие, в которых я был бы уверен. Без них общение, особенно с самыми близкими, любимыми, - изматывает. Любой пустяк оборачивается проблемой. Не зная, как объяснить мотивы поведения окружающих, не доверяя ходячим объяснениям, дохожу до настоящей мнительности, подозреваю нечто чрезвычайно сложное там, где всего лишь пень да колода, - то есть человек действует через пень-колоду, как чёрт на душу положит, как придётся, по привычке или по случайному импульсу, а я над этим ломаю многомудрую голову.

Я на всю жизнь остался ребёнком в том смысле, что хочу быть хорошим и хочу понять, что значит быть хорошим. Значит ли это "быть как все"? Да, если все лучше меня. А они лучше ли? И чем именно лучше? А вдруг, рекомендуя "быть как все", мне рекомендуют сходить с ума за компанию со "всеми"? Нет, я так не играю. Предпочитаю быть не "как все", а как я - быть самим собой, быть искренним. Но боже мой, до чего же это трудно... Это вообще трудно, и подавно - при слепоглухоте.

Очень выручает художественная литература. Она помогает компенсировать слепоглухоту, ориентироваться в том, чего физически не могу ни видеть, ни слышать. Я никогда не стеснялся сравнивать себя с самыми лучшими. Хоть с Лениным, когда все на него молились, хоть с Пушкиным, хоть с самим Господом Богом. И, разумеется, всегда сравнивал с литературными персонажами своих знакомых. Детская художественная литература помогает мне понимать детей, компенсируя невозможность их физически наблюдать.

Я не могу ни всматриваться, ни вслушиваться. Не всегда и не со всеми можно "вщупываться". Во что же в таком случае вдумываться? В чувства. В ощущения. Не зрительные, не слуховые, не осязательные даже, а - интуитивные. Становится зрячим к тому, к чему слепы зрячие. Внимательным к тому, к чему глухи слышащие. К микродвижениям. К температуре рук. К чему-то ещё - неуловимому, невыразимому, но заставляющему категорически назвать одного человека добрым, другого - равнодушным, третьего - любопытным, четвёртого - угнетённым чем-то сейчас или постоянно, замкнувшимся ненадолго или замкнутым вообще.

Прикоснуться и сразу сказать, кто это - в смысле преобладающего отношения к миру и к людям.

Откуда я знаю? Из этической, эстетической и интеллектуальной культуры, какой овладел за всю жизнь. И продолжаю овладевать. Воссоздавать для себя и, может быть, впервые создавать для всех. Обо всём сузу - вернее, всё чувствую - благодаря всему освоенному и осваиваемому и умножаемому мною общечеловеческому опыту. Именно не только и не столько личному, сколько общечеловеческому.

В последнее время я стал называть это "личностным тембром" своих ощущений. В этом важно разобраться: тут, может быть, где-то близко прячется загадка экстрасенсорности. Веду дневник, пробую ставить эксперименты, в основном в лагерях с детьми. Прошу ребятишек положить их ладошки на подставленные снизу мои, прислушиваюсь к своим ощущениям (в основном температурным), и говорю - осторожно, избегая обидеть, - каким этот человек мне кажется. В дневнике формулирую, конечно, жёстче, чем в глаза. В кругу, когда "испытуемых" много, и я перехожу от одного к другому, никого не узнаю, как бы хорошо ни был знаком с тем или иным человеком. Даже маму в кругу не всегда узнавал (мама, кстати, называла это "гаданием", и иногда прямо просила: "Погадай мне"). Не узнавая людей, не могу подключить к своим характеристикам опыт общения с ними, и поэтому "личный тембр" выступает здесь, пожалуй, особенно отчётливо, экспериментально чисто. Многие экстрасенсы, сколько могу судить по литературе и личному общению, чрезмерно озабочены тем, верят им или не верят, а потому склонны к шарлатанству, к эффектности, чтобы заставить себе поверить. Мне это чуждо. Я, наоборот, если не спрашивают ни о чём, просто стараюсь промолчать о своих выводах, а если спрашивают - подчёркиваю, что могу ошибиться, и прошу не принимать мои высказывания слишком-то всерьёз. Я стараюсь быть честным исследователем, а не шарлатаном. Мне поэтому не нужна ничья слепая вера. Хотя мне важно проверить себя: насколько мои вербализованные ощущения совпадают с самосознанием испытуемого? Кажется, настолько, что многие предпочитают не отвечать на мои прямые вопросы об этом, - слишком в глаз, а не в бровь. Ведь как я ни осторожен, а приходится касаться и проблем... Мечтаю накопить материал и написать об этом специальную работу, по возможности подвергнув критическому осмыслению и ходячие восточно-философские, более/менее откровенно религиозные, интерпретации этих явлений.

Ильенков писал, что интуиция - это высшая форма воображения, высший результат овладения эстетической культурой человечества. Но он был Спинозистом и, конечно, не стал бы оспаривать утверждение Спинозы, что интуиция - третий, высший, род познания, после воображения (сводимого Спинозой к восприятию) и разума (рационального, логического мышления, - по Спинозе; у меня лично другое, скорее этическое, чем теоретико-познавательное, понимание разума; понимание, в основе которого лежит категория ответственности за мир, а познание мира связано сначала с необходимостью выжить, а затем, в интересах выживания, с осознанной наконец-то необходимостью за мир отвечать). По Спинозе, сначала восприятие. Потом наука. Потом интуиция, то есть непосредственное, минуя внешние контуры и рационально-логические реконструкции, "постижение Бога" - постижение мироздания. Таким образом, интуиция у Спинозы оказывается не просто "высшей ступенью познания", а - вершиной духовного развития личности, и одновременно - фундаментом ориентировки личности в мире и в самой себе.

Маркс ещё в 1844 году писал, что человеческие чувства в результате исторического развития "стали теоретиками" (под "чувствами" имеются в виду органы чувств и психологические механизмы пользования

ими). Иными словами, следовательно, мой главный "орган чувств" - духовная культура человечества. Интуитивно вчувствоваться - и вдуматься, перевести с языка интуитивных постижений на язык логики. Так я общаюсь. Так вообще живу. Жить иначе - не позволяет совесть, не позволяет детская потребность "быть хорошим", и не позволяет слепоглухота.

Слепоглухота вообще много чего не позволяет. Не позволяет полноценно (а то и никак) видеть и слышать. Если слепоглухота ранняя и тем более врождённая, то не позволяет говорить голосом, а то и как бы то ни было. Не позволяет общаться - совсем или сколько-нибудь полноценно. На любом уровне развития личности, даже на относительно высоком, проблемы общения крайне остры. Непосильно остры. Даже человек с более/менее разборчивой речью, безукоризненно грамотный, начитанный, страдает от недостатка общения, сетует на него, не знает, кого и винить в своём одиночестве - больше себя или больше окружающих. И срывается в назойливость, в требование внимания, упорно лезет, пристаёт ко всем без разбора, без учёта ситуации, с отчаяния не допуская и мысли, что людям может быть просто некогда. Такое назойливое поведение среди слепоглухих довольно-таки распространено.

Я стесняюсь приставать, надоедать. Я твёрдо усвоил, что насильно мил не будешь. Круг моего постоянного общения всё же меньше, чем мне бы хотелось. И качество общения оставляет желать много лучшего, особенно в смысле непринуждённости. Но я с детства привык общаться опосредствованно - прежде всего, привык читать круглые сутки. Эта привычка меня здорово выручает. Мне не скучно одному. Я читаю, сам пишу, слушаю музыку, насколько позволяет остаточный слух и звукоусиливающая аппаратура. И поэтому могу быть по-настоящему интересен хоть некоторым людям. Избегаю к ним приставать, стараюсь, чтобы они общались со мной в охотку. Из страха надоесть, прискучить - налицо даже некоторый недостаток инициативности в общении. Лучше меньше, да лучше. Лучше реже, но хоть сколько-нибудь регулярно и в течение долгих лет. Лучше общаться содержательно, по делу, творчески, чем "балдеть просто так". "балдеть" - не умею и терпеть не могу, - тягостно, скучно.

В общем, слепоглухота предъявляет крайне жёсткий выбор: или научиться жить полноценной творческой, напряжённой духовной жизнью, компенсируя недостаток "живого" общения общением через книги и результаты собственного творчества, - либо так и маяться недостатком общения, маяться своей ненужностью, неинтересностью, обвиняя в равнодушии, бессердечности весь мир. Третьего слепоглухота не даёт. Либо научиться общаться с миром в творческом уединении, и этим умением в конце концов заинтересовать собой окружающих, получив возможность полноценного, пусть недостаточного, общения с живыми людьми, - либо так и остаться одиноким, никому не интересным и не нужным. Либо стать равноправным субъектом общения - либо остаться объектом более/менее презрительного, более/менее брезгливого "милосердия".

Вчувствоваться, вдуматься - и обрести себя, друзей, весь мир.

Порхать, развлекаться, бездумно существовать - и, не став теоретиком собственной жизни, собственного общения, остаться скорее животным, чем человеком.

Или - или.

1994 - 1997

ИНТУИЦИЯ В ОБЩЕНИИ

(ТЕЗИСЫ)

I. . о В Работы Э.В. Ильенкова эстетического цикла изложена концепция интуиции как высшей формы воображения.

В девятой главе книги "Об идолах и идеалах" воображение определяется как "форма психической деятельности, обеспечивающая "превращение", воплощение "во образ" чисто физического факта... Деятельность воображения как раз и соотносит зрительные впечатления с реальными формами вещей, с теми самыми реальными формами, с которыми человек имеет дело прежде всего в реальной предметной жизнедеятельности, там, где он сам выступает не как "созерцающее" существо, а как реальное материальное тело среди других столь же реальных тел".

С этой точки зрения фундаментальной формой воображения оказывается восприятие.

Фантазия - это способ обобщения материалов восприятия, сознательного абстрагирования от этих материалов с целью увидеть мир не просто как-то необычно, а, несмотря на эту необычность или, скорее, благодаря ей, - более точно, чем это допускает непосредственное "соотнесение чисто физического факта с реальными формами вещей". С.Л. Рубинштейн в работе "Человек и мир" говорит, что эстетическое видение мира характеризуется совпадением сущности с явлением, закона существования - с единичной реализацией этого закона. Тем самым С.Л. Рубинштейн и охарактеризовал фантазию как обобщение материалов восприятия.

Интуиция - высший уровень этого обобщения, - уровень не "художественного эксперимента", а мгновенного постижения, "схватывания" сути проблемы вместе с её принципиальным решением. Механизм интуитивного постижения, как он раскрыт Э.В. Ильенковым, заключается в том, что мгновенно возникает целостообразный (схватывающий целое, всю систему, а не часть её) образ проблемной ситуации; благодаря именно целостообразности этого образа сразу видна и проблема, которая в данной ситуации встаёт, и решение этой проблемы как выход из тупика (тупик был бы, если бы образ был частичным, а не целостообразным); мгновенное же возникновение таких целостообразных образов возможно, по Э.В. Ильенкову, как функция высокой эстетической культуры, - как результат эстетической чуткости, как эстетическая реакция на проблему.

Сама же эта эстетическая чуткость, как и все остальные универсальные способности человека, обусловлена человеческой целостообразной преобразующей предметной деятельностью, трудом. Обусловлена очеловечиванием, "реальной антропоморфизацией" природы. Отсюда вывод Э.В. Ильенкова о совпадении целостообразности с целостообразностью в образах культурного воображения.

Эта концепция, - что прямо оговаривается самим Э.В. Ильенковым, - является подробной разработкой и обоснованием тезиса К. Маркса о том, что, учитывая "собственную меру вещи", преобразуя вещь сообразно с "присущей ей мерой", человек, в отличие от любого животного, "тем самым" производит, "строит так же и по законам красоты" (К. Маркс, "Экономическо-философские рукописи 1844 года"). Красивой, - настаивает Э.В. Ильенков, - воспринимается любая система, сложившаяся в соответствии с имманентными законами её существования, то есть в соответствии с собственной, именно этой системе присущей, внутренней мерой, не искажённой внешними, случайными, хаотически нагромождающими обломки, столкновениями. Красиво то, во внешнем облике чего воплощена (выявлена) его собственная мера, а это возможно только при условии

целостности, неискажённости в результате случайных воздействий, формы тела; следовательно, красиво то, что целосообразно, целосообразность чего выявлена в целенаправленной деятельности; красиво то, что одновременно цело - и целосообразно.

И эта целосообразность является источником не только эстетической, но и этической, и рационально-логической (не искажённой сциентистским "вероисповеданием", обожествляющим самоё науку) культуры. Учёт целосообразности, ориентация на целосообразность присуща подлинно человеческой - созидательной, а не разрушительной, преобразующей, а не коверкающей, - деятельности. Поэтому целосообразность является источником человечности в отношениях людей между собой и с остальной природой. Э.В. Ильенков говорит, что если понимать эстетическое чувство широко, то оно включает в себя и нравственное чувство, то есть эстетическое совпадает с этическим.

II. . о Безошибочная чуткость к проблемным ситуациям и выходам из них, которую мы называем интуицией, формируется целе - и целосообразностью ансамбля отношений, с самого начала включающего в себя ребёнка. В этом ансамбле так или иначе представлена культура человечества на всех её уровнях, - от бытового до этического, - которая насквозь целе - и целосообразна и потому является системой факторов, формирующих интуицию, вынуждающих отыскивать целосообразность вообще во всём. Другой вопрос, заслуживающий отдельного рассмотрения, - насколько успешны эти поиски...

Сенсорный дефицит бесспорно является одним из факторов, который в единичном варианте развития личности может либо активизировать, либо пресечь поиски целосообразности. Мы обычно обращаем внимание на активизацию, ибо пресечение нас не удивляет как нечто само собой разумеющееся. Я бы рискнул утверждать, что факторов, однозначно способствующих либо препятствующих поиску целосообразности, не существует. Положительными либо отрицательными факторы становятся в зависимости от уникального сочетания условий, то есть всех остальных факторов.

Если сенсорный дефицит (или что-то другое) при определённых уникальных условиях активизирует поиски целосообразности БОЛЬШЕ ОБЫЧНОГО . о, он вынуждает в поисках целосообразности реагировать на подчас очень необычные признаки, часто даже самим человеком не осознаваемые. Слепоглухой или экстрасенс могут сделать вывод об эмоциональном состоянии, физическом самочувствии, нравственных качествах человека, к которому едва прикоснулись, - могут получить подтверждение правильности своего вывода, могут быть с самого начала убеждёнными в этой правильности, - но не осознавать, каким образом этот вывод сделан, откуда он взялся. "Я так чувствую", - и всё тут. И в поисках объяснения недолго удариться в мистику.

Вполне возможно, что человек действительно чувствует нечто такое, что в обычных условиях чувствовать бывает просто не нужно. И это "нечто" является сигнальным признаком, безошибочным индикатором наличия некой совершенно определённой целосообразности и соответствующей целостности.

Сигнальные признаки, достаточные для формирования адекватного образа, экспериментально исследовались А.И. Мещеряковым на материалах восприятия слепоглухими детьми дактильной - пальцевой - речи. Экспериментаторы обмазывали свои руки чёрным составом, легко стирающимся при малейшем прикосновении. Затем экспериментаторы дактилировали в руку ребёнка, одновременно снимая разговор на кино - и фотоплёнку. Оказалось, что чем "умнее" воспринимающая рука, чем лучше её обладатель умеет считывать дактильную речь, тем меньше остаётся

светлых следов на дактилирующей руке. При этом восприятие оставалось безошибочным и очень быстрым. Из этого факта А.И. Мещеряков и сделал вывод, что для уверенного восприятия вполне достаточно некого минимального набора сигнальных признаков, по которым безошибочно распознаётся та или иная пальцевая комбинация. Иными словами, строится вполне точный пространственный образ.

Другие эксперименты убедили А.И. Мещерякова в том, что чисто физиологическая чувствительность пальцев у слепоглухих ниже, чем чувствительность пальцев у зрячеслышащих. Слепоглухие реагируют на более сильные воздействия. Их кожа грубее. Зато разрешающая способность осязательного восприятия, то есть различение ощущений и их обобщение в образе, неизмеримо выше. Итак, ходячее представление о том, будто высокое развитие осязательного восприятия у слепоглухих объясняется особой чувствительностью, нежностью, тонкостью их кожи, - это представление А.И. Мещеряковым опровергнуто экспериментально. Оказалось - повторяю, - что в смысле чувствительности, нежности, тонкости кожи дело обстоит как раз наоборот. Значит, не в коже тут дело, а в более высокой, вынужденной дефицитом зрительных и слуховых ощущений, культуре осязательного восприятия. Жаль, что работы А.И. Мещерякова и его учителя И.А. Соколянского не переиздаются, фактически выпали из современного научного оборота идей.

Минимальный, а при слепоглухоте часто даже сверхминимальный, набор сигнальных признаков - это не что иное, как минимум и сверхминимум "индикаторов", позволяющих интуиции распознавать, мгновенно схватывать целосообразность. Следовательно, эта интуитивная "индикация" и есть основа всякой человеческой деятельности, в том числе повседневного общения.

Может быть, этой интуитивной индикацией и объясняются все "чудеса", в том числе парапсихологические. Может быть, гипотеза "интуитивной индикации целосообразности" поможет снять с этих "чудес" мистический туман...

19 января и 18 июня 1997

СМЫСЛ ЖИЗНИ И ВОЛЯ К ЖИЗНИ

Посвящается доктору психологических наук
Вилену Эммануиловичу Чудновскому.

Смысл жизни - это ответ на вопрос, зачем жить (при условии, что человек вообще задаётся этим вопросом). Содержание смысла жизни определяется именно ответом на вопрос, зачем жить. Анализируя концепцию В. Франкла, В.Э. Чудновский (1) пишет: "Суть смысла жизни как психологического феномена в том, что, возникая в результате взаимодействия "внешнего" и "внутреннего", он, вместе с тем, эмансипируется от того и другого, и начинает действовать как "буферный механизм", как "система сдержек и противовесов", не допускающих одностороннего подчинения "внешнему" и, вместе с тем, препятствующих превращению человека в раба собственных потребностей, влечений, сиюминутных интересов".

Если я правильно понял В.Э. Чудновского, "внешнее" - это всякого

рода давления извне, чрезмерная уступчивость которым делает человека конформистом, лишает его "лица необщего выраженья", когда "за душой" у человека нет ничего, кроме общепринятой морали и прочих навязанных ему "программ поведения". Как не устал подчёркивать Э.В. Ильенков (2), нельзя быть чересчур "удоборуководимым". Рабское следование "внешнему" именно таким "удоборуководимым" и делает. Человека приходится признать не столько личностью, сколько машиной.

Рабское следование "внутреннему" - "собственным потребностям, влечениям, сиюминутным интересам", - ничуть не лучше. Человек становится капризным, подобно одной воспитаннице А.С. Макаренко, с которой, - временами казалось, - возможен только один "воспитательный прием": поливать её из ведер, чтобы потушить или хотя бы притушить "бестолковый пожар" этого "невыносимого существа" (3).

Говоря о свободе воображения, Э.В. Ильенков (4) очень остроумно высмеивает обе эти крайности - рабство как у "внешнего", так и у "внутреннего": несвободное воображение - это нонсенс, деревянное железо, круглый квадрат. Не случайно продукты чересчур "традиционного", как и чересчур "оригинального", искусства может имитировать, с одной стороны, машина, а с другой - осёл, мажущий полотно совершенно "свободными" и "индивидуально неповторимыми" взмахами своего хвоста... (Привожу по памяти близко к тексту, но не дословно, поэтому без кавычек.)

Смысл жизни, следовательно, согласно приведённому высказыванию В.Э. Чудновского, - это то, что делает человека свободным, то есть, собственно, делает его "человеческой индивидуальностью" (таково самое общее, предварительное определение личности, даваемое Э.В. Ильенковым (5)). Однако Франкл (6), размышляя о человеческой свободе, предусматривает свободу от всяких предопределённостей, - не только со стороны внешних воздействий и внутренних сиюминутных влечений, капризов, но и со стороны наследственности, в том числе наследственных заболеваний. Человек, как "духовное существо", по Франклу, может противостоять и различного рода наследственным предрасположенностям, в том числе патологического характера, - если, оговорюсь от себя, человеку вообще посчастливилось духовным существом СТАТЬ . О. Видимо, к выделяемой Франклом третьей группе факторов можно отнести вообще любые заболевания, особенно хронические, независимо от их происхождения, того, чем они вызваны.

Тем самым, выведенная за рамки только двух противоположно направленных групп факторов, проблема свободы резко усложняется. Она конкретизируется, по Франклу, прежде всего как проблема осмысленного отношения к любым предопределённостям, к любым формам обусловленности бытия. Именно определённая позиция по отношению к условиям бытия делает человека либо рабом этих условий, либо субъектом собственного бытия благодаря или вопреки этим условиям, при обязательном,

разумеется, учёте их. Игнорировать эти условия, конечно, не приходится, их надо брать в расчёт, и весь вопрос - для чего. Для того ли, чтобы плыть по течению, оправдывая свой способ бытия "обстоятельствами", - или же для того, чтобы самому определять и прокладывать свою жизненную траекторию, опираясь на одни условия ради противостояния другим.

Этот выбор между "волей волн и ветра" в океане жизни - и собственной волей к прокладыванию своего маршрута по жизни, - такой выбор у человека есть всегда или почти всегда, даже в самых экстремальных условиях, таких, например, как концлагерь или слепоглухота. Франкл сам был в Освенциме и убедился воочию, что даже в

этих кошмарных условиях есть выбор, - остаться человеком или "освободиться" от всего человеческого, тем самым обнаружив внешний, наносный, маскировочный характер этого человеческого для себя. Тот же выбор есть и в условиях слепоглухоты. Человеческий выбор подарил миру Людвига Ван Бетховена, Ивана Козлова (крупного слепого поэта времен Пушкина), Николая Островского и многих других. Зоологический выбор - это прожигатели жизни, тунеядцы, паразиты, - безразлично, здоровые или больные физически.

Для иллюстрации человеческого и зоологического выбора приведу случай из собственной жизни. Во время первой моей заграничной командировки мне купили модные американские джинсы. Эти джинсы увидел у меня один знакомый зрячеслышающий парень и, вздыхая: "до чего я дошёл, продаюсь за американскую этикетку", - стал уговаривать меня продать ему джинсы не дороже чем за сто рублей. Мне были нужны деньги на перепечатку по Брайлю зрячей научной литературы, и я недолго выбирал между штанами и книгами, - предпочёл лишние четыреста страниц брайлевского текста. А один мой знакомый слепоглухой юноша тоже, по выражению Альвина Валентиновича Апраушева, "проверился на штанах": растратил доверенные ему чужие сто рублей на итальянские джинсы для себя... (Это произошло в начале восьмидесятых годов, когда неплохие брюки можно было купить рублей за двадцать.)

Таким образом, свобода, по Франклу, реализуется вовсе не автоматически. Но скажу, забегаю вперёд: одного (подразумеваемого или чётко осознаваемого) ответа на вопрос, зачем жить, для реализации свободы личности недостаточно.

Очевидно, что первоначально смысл жизни состоит в сам'ом процессе жизни, - жить затем, чтобы жить, то есть физически существовать. Это именно смысл существования, общий для людей и всего живого, пожалуй, даже для всей вселенной. (Франкл под "существованием" имеет в виду бытие вообще; он различает существование - и духовное существование; Это различие, насколько я мог понять, соответствует моему различению существования и жизни.) Но если смысл жизни ищут и находят в чём-то другом, нежели в самом процессе жизни (точнее, в самом факте собственного существования), то возникает проблема воли к жизни как проблема сознательной реализации того или иного смысла жизни.

Это непосредственно выводит нас на проблему сознательного формирования собственного образа жизни: в какой мере наш образ жизни в нашей власти - в нашей воле? В какой мере мы "сами себе хозяева"? Стоит ли овчинка выделки? Иначе говоря, стоит ли мой смысл жизни того, чтобы как-то и в чём-то себя ограничивать ради него? И, ограничивая себя, освобождаться от безусловности господства условий бытия по Франклу - среды, влечений и наследственности. Эта проблема встаёт особенно остро при пересмотре содержания смысла жизни, при пересмотре ответа на вопрос, зачем жить, - ответа, который по каким-либо причинам

перестал нас удовлетворять.

Например, пока все наши близкие (мать, жена) в добром здравии, ну хотя бы живы, мы можем позволить себе роскошь принимать горячее участие в судьбе пациентов, воспитанников, учеников... Но вот, забежавшись по своим "общественно значимым" делам, мы "недоглядели" и лишились вдруг близкого человека. Возникает запоздалый комплекс вины: успешно помогая другим, не сумели помочь самому родному. Нам кажется: если бы не наша "общественно значимая" деятельность, в которой мы видели свой смысл жизни, - самый дорогой нам человек остался бы жив. На более/менее длительное время мы впадаем в апатию. Парализованные горем и комплексом вины, прежнего образа жизни вести не можем, а на

формирование нового нет сил, да и желания. И никакая психофармакология из этой бездны не вытащит. А между тем в глазах окружающих наша общественно-значимая деятельность не утратила смысла; окружающие ждут, когда мы "оправимся" и к ней вернёмся; окружающие подчёркивают нашу нужность им, не допуская ни тени сомнения в своей нужности нам...

Что же произошло с нашим смыслом жизни? Может быть, мы его неверно осознавали, и на самом деле нашим смыслом жизни была любовь вот к этому близкому нам умершему человеку? Тогда что же, наша общественно-значимая деятельность была иллюзорным, мнимым смыслом жизни? Или же смыслов жизни было два, которые находились между собой в иерархических отношениях, и главным была наша любовь к умершему человеку, - а мы-то считали главным нашу общественно-значимую деятельность, пока трагедия не "открыла нам глаза"?.. Ясно одно, что с утратой "единственно реального" или же "главного" смысла жизни пропало желание жить; во всяком случае, на какое-то время угас интерес к жизни.

А может быть, смысл жизни осознавался нами правильно и состоял именно в нашей общественно-значимой деятельности, но после пережитой трагедии мы не можем к ней вернуться (по крайней мере в течение какого-то периода), хотя чётко понимаем, что, кроме как ради нашей общественно-значимой деятельности, нам больше незачем жить. В таком случае приходится отличать объективное значение смысла жизни от его субъективного значения; и при утрате субъективного значения (именно для нас лично, а не "вообще", не объективно) одного лишь объективного значения оказывается недостаточно, чтобы мы, во всяком случае без некоторого перерыва, могли продолжать прежний образ жизни.

Мне тоже пришлось разбираться в объективном и субъективном значении своего смысла жизни, воплощённого в маме, и другого, состоящего в моём научном и литературном творчестве, и третьего, заключающегося в моей психолого-педагогической практике. Последнюю мне пришлось несколько свернуть в связи с болезнью мамы, во всяком случае, поставить в зависимость от маминого состояния и от того, могу ли я совместить свою психолого-педагогическую практику с уходом за мамой; если не мог, работой с детьми, как бы ни хотелось мне её продолжать, приходилось жертвовать. Между "бумажным" творчеством (литературным и научным) и мамой тоже не раз возникала опасность выбирать. Пока меня было кому сопровождать в компьютерный центр, творчество с мамой удавалось худо-бедно совмещать, а если вдруг - и этого вдруг я ждал в любой момент, - стало бы некому, тут уж от выбора уклониться не удалось бы. И это было бы самой жёсткой проверкой моей человеческой, нравственной состоятельности. К маме в её возрасте и в её состоянии уже трудно было предъявлять какие-либо требования. Мама стала моим ребёнком, как я когда-то был её ребёнком. Теперь должен был я думать и решать за нас двоих, как когда-то она думала и решала за нас обоих. И от того, что я надумаю и решу, зависело, придётся ли мне обвинять себя в сокращении маминой жизни, или я смогу проводить её в последний путь как можно позже и с чистой совестью, с сознанием того, что всё от меня зависящее было сделано, что все жертвы, какие я мог принести, выполняя свой сыновний долг, - принесены.

Забегая вперёд, выскажу своё глубокое убеждение в том, что к смерти близких надо сознательно готовиться, дабы встретить её достойно, как подобает "духовному существу". Стараться НЕ . о думать о неизбежном - обыкновенная трусость. В этом случае, когда неизбежное наступит, неизбежна истерика и покаянные вопли о невыполненном нравственном долге. Через это я тоже проходил, пережив и переживая до сих пор острое чувство вины и стыда за себя перед памятью некоторых

ушедших близких мне людей. Той вины уже не загладить, того стыда уже не избыть, и теперь я больше всего боялся навсегда провиниться ещё и перед мамой. Этим страхом и определялось моё отношение к маме в последние годы её жизни. Определялась, иначе говоря, иерархия трёх моих основных, выше перечисленных, смыслов жизни. Именно этот страх навсегда провиниться делал мою любовь к маме главным, приоритетным для меня смыслом моей жизни. Настолько главным, что два других - творчество и дети - должны были, пока мама жива, перед любовью к маме отступить, если бы понадобилось. Совмещение всех трёх смыслов жизни требовало нарастающей поддержки со стороны других людей, моих друзей. Без них - никогда и ничего не совместить.

К счастью, от этого кошмарного выбора меня избавили. Сначала самоотверженно выручал Владимир Викторович Богуславский. каждый день возивший меня в компьютерный центр в течение более чем года. Если нужно было, он, пока я работал в компьютерном центре, ездил и с мамой по врачам, проявляя к ней не меньшую нежность и терпеливость, чем я сам. Потом ездить со мной стал оформленный ко мне секретарём безработный брат.

А потом случилось чудо. Ведущий телепрограммы "Сделай Шаг" Михаил Юрьевич Кожухов нашёл человека, генерального директора корпорации "Эдванс" Николая Николаевича Никитенко, который 19 октября 1996 года подарил мне в Останкинском телецентре портативный компьютер для слепых "Давид" и приставку с дисплеем для слепых "Инка". подключающуюся к обычному компьютеру. Это решило проблему радикально, и последние три месяца маминой жизни я смог работать дома, не отлучаясь от мамы сверх необходимого минимума. И проводил я её в последний путь с чистой совестью. Как ни искал я свою вину перед мамой после её смерти, а смог упрекнуть себя только в том, что не был богом, смел по-человечески уставать и болеть. Перед мамой я оказался чист, как ни перед кем другим, что и помогло мне достойно пережить эту, конечно, самую кошмарную из моих потерь - мамину смерть.

Нет меры моей благодарности Михаилу Юрьевичу Кожухову и Николаю Николаевичу Никитенко, сделавшим по самому большому Шагу навстречу нам с мамой. И навстречу всем, кому нужно моё творчество. Тем самым они подтвердили объективную значимость всех смыслов моей жизни, - и укрепили мою волю к жизни.

Можно рассмотреть и более банальную ситуацию - например, прибегание к разного рода допингам (крепкий кофе, крепкий чай, курение, систематический приём алкоголя небольшими дозами) для активизации деятельности, для повышения работоспособности. Человек понимает, что вредит своему здоровью. Но отказаться от допингов ему трудно. Прибегать к ним легче, чем принудить себя вести здоровый образ жизни. И отказ от допингов, и здоровый образ жизни требуют немалых волевых усилий, - тем больших, чем больше разрушено здоровье. Человек попадает в порочный круг, вырваться из которого можно волевыми усилиями, чтобы преодолеть временное, но достаточно длительное недомогание ("ломку"), связанное с отказом от допингов.

Психологический способ реализации смысла жизни оказывается частично или полностью неосуществим, - замещен, так сказать, биохимическим, допинговым способом. Вопрос типа "где твоя воля?" раздражает, вызывает протест, как у паралитика вызвало бы протест, и вполне законный, требование в одночасье выздороветь и ходить без костылей. Отсюда понятна логичность поисков другого, не-наркотического, не-допингового, но тоже биохимического, способа, который позволил бы восстановить волевою функцию. Этот способ облегчил бы или вообще снял недомогание, вызванное отказом от допингов;

облегчил бы формирование более здорового образа жизни, пока он не стал бы привычным настолько, чтобы поддерживать его было легче, чем снова призывать разного рода биохимических "варягов". Правда, всё это при условии, что смысл жизни действительно есть, что овчинка стоит выделки. (Франкл, правда, утверждает, что человеческая жизнь в принципе всегда осмыслена, не иметь никакого смысла не может; но этот его тезис о невозможности бессмысленной жизни мною пока не понят и не принят.) Если жизнь пуста, не заполнена любовью и творчеством, - здоровый образ жизни лишь может подчеркнуть её пустоту, и выходит по анекдоту про грузина, вступавшего в КПСС: "Готов ли ты ради Великого Дела Коммунизма отказаться от курения?" "Готов". "А от выпивки?" - "Готов". - "А от женщин?" - "Готов". - "А пожертвовать жизнью?" - "Да на что она мне такая? Берите!"

Всё это лишь примеры, иллюстрации, - ни в коем случае не эмпирический материал, на основе которого делаются теоретические выводы. Но эти примеры помогают обрисовать, поставить проблему, подготовить дефиниции, являющиеся результатом теоретического анализа, а не просто констатации тех или иных фактов. Эти примеры мне понадобились, чтобы подготовить читателя к следующей предварительной дефиниции: воля к жизни вовсе не обязательно подразумевается сама собой, коль скоро смысл жизни налицо; воля к жизни - это способ реализации смысла жизни в образе жизни. Воля к жизни может быть парализована, а может просто отсутствовать, когда содержание смысла жизни (ответ на вопрос, зачем жить) стихийно вытекает из наличного образа жизни, и потому никакой воли для реализации смысла жизни до сих пор не требовалось.

В одном из рассказов Марка Твена жители городка гордились честностью, но когда подвернулась возможность присвоить мешок с золотом, завещанный одним шутником каждому из "отцов города", гордиться оказалось нечем, - пришлось городок даже переименовать (7)...

Если смысл жизни может определяться наличным образом жизни и быть простым его осознанием, то приходится констатировать, что воля к жизни - не единственный способ реализации смысла жизни. В понятийном гнезде "смысл жизни" обнаруживается пустующая терминологическая ячейка, которой мог бы соответствовать широко бытующий (но не в психологической литературе, насколько знаю) термин "вкус к жизни". Чтобы обозначить мотив, достаточный для готовности к каким угодно волевым усилиям, целесообразно воспользоваться и ещё одним термином - "жажда жизни". "Вкус к жизни" - это ощущение самодостаточности наличного образа жизни, того, что жить и так достаточно хорошо, - "вкусно".

У меня вкус к жизни чем дальше, тем слабее. Жить очень трудно. И чем дальше, тем труднее. Так что и рад бы порхать бездумно, просто наслаждаться жизнью, да не получается.

Зато жажды жизни хоть отбавляй - жажды творчества, содержательного общения, дружбы с детишками и взрослыми. Жажды ласки, тепла, понимания, взаимной бережности между людьми, заботы, пощады, - словом, жажды человечности, жажды нравственной и творческой полноценности.

Что же касается воли к жизни, предполагающей долг жить, как бы ни было трудно и даже невыносимо, - то она до смерти мамы определялась категорическим императивом: "Пока есть мама - должен быть я!" Моя бедная мама заложила фундамент моей личности, на котором потом строили Апраушев, Мещеряков, Ильенков, многие другие люди до и после них, в том числе я сам. И мама ни в коем случае не должна была меня пережить,

как бы я ни устал от жизни. Хватит с неё и того горя, которое не миновало её. И я твёрдо решил, что, сколько зависит от меня, никакого нового горя у моего самого маленького и самого любимого ребёнка - не будет.

Теперь категорический императив звучит так: "Пока есть я - есть и мама". Только от меня зависит окончательный, посмертный смысл её жизни. Поддавшись усталости, уйдя, не выполнив своего творческого долга, не завершив хотя бы главного из задуманного, я мамину жизнь лишил бы смысла. Так что, сумев не провиниться перед живой мамой, я всё равно у неё в долгу как в шелку. Таким образом, и сейчас у меня с волей к жизни всё в порядке.

Надо различать волю к жизни и просто волю, как "черту характера". Одно дело - умение не опаздывать, выполнять данные обещания или не давать их, если не уверен, что сможешь выполнить. Одно дело - выбирать между желанием (хотением) и долгом, или даже между двумя своими обязанностями, "двумя долгами" - например, долгом учиться и долгом работать (студенты, вынужденные учиться и одновременно где-то работать, знают, как мучителен бывает такой выбор). Но совсем другое дело - выбирать между жизнью и смертью. Тут уж требуется именно воля к жизни вообще, а не просто воля к принятию того или иного частного решения. О смысле жизни и смерти вместе мы ещё поговорим.

Воля к жизни - это способ выживания в экстремальной ситуации, когда образ жизни приходится почему-либо менять или, наоборот, отстаивать вопреки давлению неблагоприятных обстоятельств (в том числе трагических - смерть близкого человека, тяжкая болезнь, инвалидность). Чтобы "запустить" волю к жизни как способ выживания в экстремальной ситуации, необходим достаточно сильный мотив, который и представляется целесообразным обозначить как "жажду жизни". Ибо воля к жизни, в качестве аварийного способа реализации смысла жизни в образе жизни, предполагает тотальную мобилизацию всех сил личности, всего наличного

духовного, душевного и физического здоровья. Цель такой мобилизации - преодолеть кризис и вернуться к нормальному состоянию, в котором жить просто "вкусно", то есть для поддержания "STATUS QUO" достаточно вкуса к жизни. Если такой нормы достичь не удаётся, человек расходуется досуха, просто устаёт жить. На аварийном напряжении долго не протянешь. Поэтому на взгляд житейски опытного, много пережившего доброго человека упования на одну лишь "волю" просто смешны, по-детски беспомощны. Или же, когда этой самой "волей" очень допекут, - немилосердно, до садизма, прямолинейны!

Прежде чем продолжать наш теоретический полёт в области смысла жизни, который всё равно получается никак не "беспосадочным", - совершив особенно основательное "приземление", чтобы проанализировать современную социальную бессмыслицу, обесмысливающую жизнь отдельных индивидов.

Любое предпочтение интересов живых людей чему бы и кому бы то ни было ещё - это, в сущности, человеческое жертвоприношение. Не обязательно сжигать людей на жертвенных кострах, чтобы приносить человеческие жертвы. Мы приносим человека в жертву всякий раз, когда превращаем его в средство достижения какой бы то ни было посторонней цели. Если чуть-чуть подумать, сразу убедимся, что разнообразными человеческими жертвами наша жизнь прямо-таки переполнена.

Педагог не сумел понять и полюбить ребёнка, не хватило у него

терпения чему-то ребёнка научить, - и, не подвергая сомнению, собственную квалификацию, он сомневается в умственном здоровье ребёнка, своим отношением прямо внушает ребёнку умственное нездоровье, зовёт врача, чтобы тот услужливо подтвердил его сомнения и внушения соответствующим диагнозом, и громогласно разоряется на тему о том, что всё равно "с этим дураком" он заниматься не будет. Ясно, что этот горе-педагог приносит ребёнка в жертву своему профессиональному самолюбию.

Физическому инвалиду предлагают смиренно сидеть на месте, "не возникать", довольствуясь формальным обслуживанием. Дескать, всё равно у его проблем "решения нет", и в этом инвалида настойчиво убеждают, уговаривая смириться с наличной ситуацией. "Два пишем, три в уме", - и это "три в уме" оказывается весьма прозрачным намёком на то, что любое заявление инвалида о своих человеческих правах, тем более о праве на реальную человеческую полноценность - не более чем каприз. Подобные прозрачные намёки случалось не раз выслушивать и мне: "Смирись! Решения нет!" А то и не намёки - открытый текст. Я как-то по поводу одной своей рукописи заявил, имея в виду не только себя, а всех своих товарищей по несчастью: "Я хочу быть реально полноценным, хочу быть нужным и полностью реализовать свой личностный потенциал!" Мне ответили с неподражаемой наглостью и цинизмом: "Ну и хоти себе на здоровье!" Я тогда прямо задохнулся от возмущения, и мой разрыв с человеком, позволившим себе такое, был в тот момент предрешён, и через некоторое время стал фактом. Отказываясь помогать в реализации самых законных, естественных человеческих прав, предлагая смириться с убогим прозябанием вместо жизни под тем предлогом, что иного "решения нет", - инвалида приносят в жертву своему спокойствию. А чтобы инвалид с детства не чувствовал себя жертвой, его лучше ничему не учить...

На заводе нарушили технику безопасности, не выдали молодому, тихому, безответному рабочему защитных очков. В результате - производственная травма глаз. Составили акт, что рабочий виноват сам, не надел очков; он, а не администрация, нарушил технику безопасности. Поскольку инвалиду очень трудно найти работу, рабочий (потерявший зрение частично) оформлять инвалидность не стал, - жить на что-то надо. Перед нами в лице этого рабочего - жертва целой системы общественных отношений, явно преступной, до последней крайности антигуманной. (Этот случай описан в журнале украинского общества слепых "Призыв".)

Думаю, ясно, что именно я имел в виду, говоря о распространённости человеческих жертвоприношений в нашей жизни. Каждый легко припомнит свои примеры этого рода. Анализ их приведёт нас к выводу, что люди, как правило, жертвуют друг другом ради себя; тогда, когда их интересы вступают в противоречие. Какая же в этих условиях возможна человечность?

Обратимся к социальным проблемам инвалидов. Может быть, конкретный анализ этих проблем поможет нам в поисках ответа.

Я инвалид, и все мои права,
Обязанности все мои - в "спасибо"
За чьи-то милосердные слова;
За то, что можешь прозябать как-либо;
Что есть жильё; одет, обут и сыт;
Что многие на помощь мне готовы...
Но если общей болью дух болит,
То это - привилегия здоровых.

Мне в творчестве предписан оптимизм,
А ныть не смей - таков наш "гуманизм".

Кем предписан? Нет-нет, не брошу камень в традиционный огород. Не официальной идеологией, - "коммунистической" ли, христианской или ещё какой. Оптимизм мне "предписан" общественным предрассудком, который, даром что неписан и едва ли кем осознан, "предписывает" пожестче любой официальной идеологии. Оптимизм "предписан" догмой, уничтожить которую потруднее, чем изменить закон. Догма эта - не сознательное убеждение, а скорее какое-то даже инстинктивное предубеждение, что "общая", общечеловеческая, боль, проблема - "привилегия" только здоровых людей. Предубеждение, весьма напоминающее другое, не столь уж давнее, что "мужик" без образования счастливее. Оставьте лапотника в его первобытном состоянии, - так будет лучше и проще для всех.

У инвалида может болеть якобы лишь "инвалидная" боль. Когда же милосердные друзья как-то смягчают, если не устраняют, инвалидную, якобы по поводу одной лишь инвалидности возникшую, боль, - то инвалиду остаётся только благодарить до гробовой доски за оказанную поддержку. Срабатывает, может быть, некая запредельность инвалидной боли в сознании здоровых хороших людей. Срабатывает то, что здоровому трудно, если вообще возможно, поставить себя на место инвалида. Вот здоровый и думает: до человечества ли инвалиду, бедняге. В общем, издержки сочувствия. Неотличимые, в силу диалектики совпадения крайностей, от издержек бездушия.

Нет, я, конечно же, не за отмену благодарности из-за издержек сочувствия/бездушия. Нельзя быть нормальным человеком, не умея быть благодарным в большом и малом. Но и - нельзя быть нормальным человеком, имея только одно право, единственную обязанность - благодарить за реальные (а тем более мнимые) благодеяния. Нельзя быть нормальным человеком, не участвуя в решении общечеловеческих проблем, в утолении общечеловеческой боли.

У меня всё время речь об этом. О возможности участвовать в жизни человечества. О невыносимости - и недопустимости - социального паралича. И о том, только ли у физических инвалидов стоит эта проблема.

Социальный паралич - это паралич деятельности личности. Паралич её жизни в обществе, активного участия в жизни общества. Короче - паралич реального, а не формального членства в обществе. Самое страшное следствие любой физической инвалидности - именно социальный паралич. Следствие (и показатель наличия) социального паралича - безучастное: "всё равно от меня ничего не зависит".

А между тем быть личностью - именно значит участвовать в жизни общества, быть активным членом общества. Быть личностью - это значит быть именно тем, от кого в жизни общества хоть что-нибудь да зависит.

Любая физическая инвалидность ограничивает возможности полноценного участия в жизни общества, ставит в унижительное положение большей или меньшей беспомощности, а значит, зависимости порой от сущей ерунды (с точки зрения здоровых). Но если бы вас лишили возможности в любую минуту пойти, поехать по своим делам, самостоятельно прочесть или услышать интересующую вас информацию, - тем самым вас лишили бы не только возможности двигаться, видеть и слышать, а возможности нормально жить вообще. Нормально общаться, нормально работать, нормально отдыхать.

Зависеть в любом пустяке от посторонней помощи - это для нормального активного человека труднопереносимая пытка. Да ещё

пожизненная. К этому невозможно привыкнуть. Протест против этого со временем не ослабевает, а нарастает, - во всяком случае, у меня. тем более, что унижительно не только зависит от посторонней помощи, но и просить, добиваться, вымаливать, выклянчивать её, даже истерически требовать (верх унижения - истерика из-за отсутствия помощи, но дело, увы, обычное).

Мне лично особенно унижительно добиваться помощи для себя. Таково уж советское воспитание: печься обо всём человечестве, об интересах государства - благородно, а о себе и своих близких - если не аморально, то подозрительно. В этом, видимо, источник всех разновидностей современных человеческих жертвоприношений. Тоталитарное (хоть убей, не вижу принципиальных отличий от фашистского) общество, естественно, заинтересовано в том, чтобы каждый его член ставил на первое место интересы государства, а не свои. Отсюда и "мораль", воспевающая как "скромность" неумение постоять за себя, отстоять себя. И даже не столько неумение, сколько... как бы это по-русски сказать от глагола "стесняться"... стеснение, смущение, что ли...

Неудобство. Вот, пожалуй, искомое слово. Отстаивать себя - "неудобно". Так же "неудобно", "неприлично", как ходить нагишом.

После многолетних советских фанфар по поводу решённости всех и всяческих проблем немало бесстрашия требует сама постановка проблемы социального паралича. Проблемы вовсе не инвалидной, а лишь особо остро встающей в условиях инвалидности. Когда я поставил перед Эвальдом Васильевичем Ильенковым эту проблему в форме вопроса, как можно верить людям, и можно ли им верить, доверяться вообще, - Эвальд Васильевич в ответ призвал меня к "мужеству сознания". "Если бы ты был действительно один - одинок, - я не имел бы права советовать тебе мужество сознания. Ты не один, славный и мудрый мой друг". И Эвальд Васильевич сформулировал важнейший тезис, ставший для меня той "печкой", от которой начинаются все мои "танцы".

"...Дорогой мой человек, на проблемы, которые ты наставил, думаю, что сам Гегель не сумел бы дать окончательного и конкретного ответа. По существу ведь речь идёт о том, зачем человечество вообще вышло из животного состояния и обрело себе такую хлопотную способность, как сознание. Я искренне думаю, что на этот вопрос ("Зачем?") ответа нет. У материалиста, разумеется (Марксизм вообще, как верно говорил Ленин, прочно стоит на почве вопроса "Почему?", и на этот вопрос можно питать надежду найти ответ).

"...Ты верно и остро понял, что проблемы, в которые ты упёрся, абсолютно ничего специфического для слепоглухого не составляют. Не

буду лицемерить и говорить, что зрение и слух - вообще маловажные вещи... Зная тебя, знаю, что сладеньких утешений ты не примешь, что ты к ним глух. Я понимаю, что слепоглухота не создаёт ни одной, пусть самой микроскопической, проблемы, которая не была бы всеобщей проблемой. Слепоглухота лишь обостряет их, - больше она не делает ничего".

Да, больше ничего. Но этого хватит, чтобы биться головой об стену

в бессильном отчаянии. Удивительным образом из двух утверждений Ильенкова, верных только вместе, зачастую помнят одно лишь первое, - о всеобщности проблем слепоглухого, - игнорируя как несущественное второе: об обострённости этих всеобщих проблем в ситуации слепоглухоты. Получается жутко обидная для слепоглухого демагогия: раз проблемы всеобщие, и ты сам с этим согласен, - так и не скули. Таким-то образом слепоглухому отказывают не только в помощи, но и в

признании его проблем, их особой остроты и болезненности. Отказывают в признании того, что он вообще нуждается в помощи. И вот из моей души вырывается протестующий стон:

Не ломитесь - в открытую дверь.
Постарайтесь-ка лучше - понять.
Поищите - различья теперь.
В чём мы схожи - бесплодно искать.
С вами болью делюсь, а в ответ -
У меня, как у всех. Вот и злюсь.
Где подобье - проблемы там нет.
Акцентирует общее - трус.

Простите меня за то, что я никогда не смогу снисходительно простить и позволить вам эту трусость. Я ведь хочу жить. И не абы как, а полноценно. Если же скажете, как однажды и брякнул один мой знакомый: "Ну и хоти себе на здоровье"... (Это, кстати, тот самый знакомый, которому адресованы и только что приведённые стихи.) Можно ли после таких слов всерьёз претендовать на человечность? Речь ведь идёт не о капризе. Речь идёт о Гамлетовской проблеме - "Быть или не Быть". Быть или не быть - нормальной личностью. Жить - или прозябать.

А прозябать я категорически не согласен. Ультимативно. В течение всей уже прожитой жизни. Для меня приемлем только такой выбор: жить - или не существовать вообще, чисто физически. И если я до сих пор не предпочёл уход из жизни, то, во-первых, потому, что была жива мама, а во-вторых - потому, что до сих пор удавалось находить возможности именно жить, а не прозябать.

Да, проблемы всеобщие. Но их конкретная постановка в конкретных, обостряющих эти проблемы, условиях - специфична. Общее, магистральное, стратегическое решение проблем - вероятно, одно на всё человечество. Но конкретное, от конкретных условий зависящее решение - специфично.

Поэтому формы социального паралича, то есть невозможности нормально жить - многообразны. К сладеньким утешениям глух каждый, кто предпочитает реальное решение своих проблем - их замазыванию словесами. От того, что музыку Рихарда Вагнера не слышат миллионы зрячеслышащих, не становится менее настоящим, тем более не исчезает мое стремление услышать Вагнера вопреки тяжелой форме тугоухости. От того, что кто бы то ни было может даже не догадываться о существовании проблем, передо мной стоящих очень остро, - эти проблемы не становятся менее мучительными. Между тем из них самой неразрешимой проблемой может оказаться самая пустяковая, - например, с кем пойти куда-то (проблема не в том, что от желающих сопровождать отбоя нет и трудно выбрать, а в том, наоборот, что не оказывается обычно ни одного желающего сопроводить). Или: кто сможет пересказать информацию в самый момент её сообщения? Да не тогда, когда друг свободен от своих дел (проклятый "остаточный принцип": чаще всего ничего ведь не остаётся!), а тогда, когда это нужно мне.

Но я ещё счастливчик! Я страдаю от того, что потенциал моей личности реализуется недостаточно (всё-таки реализуется!), а мне бы, естественно, хотелось бы реализовать его полностью. Кому же этого не хочется, и у кого же, среди здоровых, не то что инвалидов, есть такая роскошная возможность? Вряд ли даже академик утвердительно ответит на вопрос, полностью ли реализуется его творческий потенциал. Величина-то эта - потенциал - переменная, а не постоянная, и тем выше, чем человек активнее. Другое дело, что множество не таких тяжёлых инвалидов, как я, а то и вообще здоровых, не могут самореализоваться вообще.

Сейчас, пожалуй, никого не удивит слепой или глухой с высшим образованием. Но диплом - не самоцель. Люди совершают настоящий

учебный подвиг для того, чтобы потом иметь возможность заниматься любимым делом, - чтобы из учебного подвига вырос творческий. Как бы не так!.. Хорошенького понемножку. Погеройствовали в ВУЗе - и марш на конвейерную линию, заниматься трудом, совсем не требующим не только высшего образования, но и вообще участия личности со сколько-нибудь нормально развитым интеллектом и воображением. Живые люди вынуждены становиться "винтиками", "частичными деталями частичной машины" (выражение Маркса), вынуждены выполнять монотонные производственные операции либо потому, что ещё не придуман для их выполнения соответствующий автомат, - либо потому, что властям выгодно таким образом поддерживать иллюзию "социальной защищённости" инвалидов и вообще населения, то бишь иллюзию отсутствия безработицы. (На самом деле скрытая безработица в СССР всегда присутствовала, поскольку далеко не все могли заниматься тем, чем хотели, а чаще занимались тем, чем приходилось.)

В общем, получалось (сейчас, когда высшее образование стало платным и не всем по карману, уже, наверное, не получается), что дорога в ВУЗ инвалидам открыта, - тем, кто готов харкать кровью, то бишь "геройствовать", - а дорога в послеВУзовскую творческую самореализацию, как правило, перекрыта наглухо. Надо полагать, в ознаменование политической победы "демократии и гуманизма" свободно увольняют и тех инвалидов, которым в "застойные" времена удалось было устроиться на работу по специальности после ВУЗов. И конечно же, специалисты эти "сами виноваты": "неконкурентоспособны" по сравнению со здоровыми!

С теми, кто вынужден скрывать свою фактическую инвалидность из боязни потерять работу, вообще не церемонятся. Самые слабые здоровьем, часто госпитализируемые и поневоле часто бюллетенящие люди - самые первые кандидаты на сокращение. Их обрекают на голодную смерть, безжалостно сокращают... Во имя "социальной защиты" более здоровых и потому более "ценных" работников. Выходит, к людям тот же подход, что и к изношенному оборудованию. Больных выбрасывают на улицу во имя повышения зарплаты остальным. Волнует ли кого-нибудь, что зарплата повышается за счёт фактического геноцида инвалидов и больных, - тех, кто, казалось бы, в первую очередь нуждается в социальной защите? Не похоже, чтобы это волновало победоносные "демократические" и "гуманнейше-христианнейшие" власти. И симптоматично возрождение старой буржуазной сказочки о том, что бедняки - исключительно бездельники. Мол, хотели бы работать - разбогатели бы.

Это кто же конкретно бездельники? Моя мама, что ли, награждённая за труд в энергоучастке отделения железной дороги, а так же за труд на железной дороге в годы войны, почти пятнадцатью медалями? Или её коллеги, среди которых я вырос и которых воспринимал как членов своей семьи, - всегда умевшие работать в самых сложных условиях бесконечных дефицитов и нехваток самого необходимого и для успешной работы, и для соблюдения техники безопасности? Или детдомовская повариха тётя Поля, двадцать лет кормившая слепоглухонемых детей, а выйдя на пенсию, не усидевшая дома и вернувшаяся в детдом в качестве ночной нянечки? Всё это - обыкновенные люди, таких миллионы и миллионы. Они "бездельники"? Кто же тогда не бездельник? Не настоящие ли, власть и деньги имущие, БЕЗДЕЛЬНИКИ . о?

Чьим интересам на деле служит врачебно-трудовая экспертиза? У человека парализуется левая рука; он страдает бронхиальной астмой, ревмокардитом, обмороками после нескольких сотрясений головного мозга, психопатией. Он не только не работоспособен, а нуждается в постоянном постороннем уходе. Но... Ни одно из перечисленных заболеваний, "к

сожалению", не в такой тяжёлой форме, чтобы врачебно-трудовая экспертная комиссия (как бишь её переименовали?) установила первую группу инвалидности, дающую право на назначение пенсии, настолько высокой, чтобы на неё хоть как-то можно было прожить. Я имею в виду непосредственно свою сестру. Мы с мамой вынуждены были отдавать ей мамину пенсию, сами жили только на мои доходы, часть которых тоже приходилось посылать сестре и брату. А брат признан умственно отсталым ещё в детстве (олигофрения в степени дебильности), ни образования, ни квалификации не имеет, вынужден был соглашаться на любую работу, да и той не мог найти, пока я не сумел забрать его к себе в секретари. Он может обеспечивать мне только свободу передвижения, худо-бедно научился переводить по телефону, а все остальные мои проблемы приходится решать с помощью моих друзей, либо никак не решать...

Сестре устанавливали инвалидность третьей группы по самому лёгкому диагнозу, - неврит левой руки, как если бы других диагнозов не существовало. Сейчас инвалидности не оформлено никакой. Я писал в

местные органы власти, просил разобраться. Получил ответ от зам. главного врача местной больницы, где сказано, что сестра - инвалид по меньшей мере второй группы. Однако в оформлении инвалидности сестре отказывают, по её словам, отговариваясь тем, что для этого надо пролежать в больнице полгода. Почему же я тогда инвалид первой группы? Я в больнице за всю жизнь столько времени не провёл. Полная, безысходная бессмыслица.

Третья группа инвалидности предполагает, что человек сам себя может обслужить, а значит, способен сам заработать себе на жизнь, и пенсия по инвалидности третьей группы представляет собой грошовую доплату к предполагаемым основным источникам заработка, которых в данном случае нет и не может быть.

Другой пример. 9 февраля 1985 года скончалась моя подруга, перенёсшая девять клинических смертей, страдавшая бронхиальной и сердечной астмой одновременно, плюс постоянное медленное (неостановимо-смертельное) внутреннее кровотечение. Почти ежедневные вызовы скорой помощи; реанимация - порой по несколько раз в месяц. Подруга предупреждала меня, что надо немедленно вызывать скорую, если молчание подруги затянется больше чем на десять минут. Четыре раза в день, строго каждые шесть часов, приём фантастического количества лекарств - девять разных таблеток сразу. Врачи не понимали, как она вообще живёт. У неё к моменту смерти не было ни одного здорового органа. Разумеется, речь идёт о тяжелейшем физическом инвалиде. И эта женщина считалась инвалидом... всего только второй группы, до самой смерти получая жалкие 50 рублей в месяц, на которые невозможно было жить. Хроническое недоедание, просто голод, было её "нормальным" состоянием.

На прессконференции с работниками министерства социальной защиты, состоявшейся в середине мая 1992 года в лагере "Зеленый Бор", где я впервые увидел ребят с Детским Церебральным Параличом, - сообщили, что перечень заболеваний, по которым может быть установлена группа инвалидности, расширен (очевидно, в очередной раз). Назвали какую-то астрономическую цифру - количество болезней, предусмотренных этим перечнем. Но не смогли ответить на мой вопрос, будет ли устанавливаться группа инвалидности по совокупности заболеваний, которыми страдает инвалид, а не по одному из них, обычно наименее тяжёлому. Ничего вразумительного мне не ответили и на вопрос, каковы перспективы трудоустройства инвалидов, - хоть где-нибудь, как-нибудь, а не то что в соответствии с дипломом.

Разумеется, государственный бюджет не резиновый. И о каком трудоустройстве инвалида речь, когда без работы сидят миллионы здоровых, вполне трудоспособных? В общем, вроде бы особо пенять на чью-то злую волю не приходится, хотя, сталкиваясь с конкретными фактами бездушия, не пенять - сложно. И трудно не обобщать.

Одни обобщают - "всем трудно!" - и завистливо мечтают о "привилегиях" инвалидов (мол, хоть какая-то постоянная поддержка от государства, пенсии, льготы...).

Я как-то в 1991 году растерянно вздохнул: "Когда же начнут индексировать доходы?" В ответ здравомыслящая мама, чьё незнание, чем кормить её детей, и вызвало мой вздох, обобщила: "Когда перемрут все дети и инвалиды". Индексация, кажется, уже налицо, - доходы "растут", если зарплату и даже пенсию вообще выплачивают, - но от этого не легче: на деле-то уменьшаются. Так что вопрос о вымирании детей и инвалидов, да и других социально наименее защищённых (или вообще не защищённых) групп населения, - совсем не праздный, обостряющийся

вопрос.

Мне рассказывали о матери четырёх детей. Старшей - двенадцать, младшему - год. Разведена. Не работает: некуда деваться с малышами, да и негде работать. В садике надо платить бешеные деньги только за то, чтобы взяли одного ребёнка, да ещё ежемесячно доплачивать небольшим меньшие суммы. Между тем денег нет совершенно, большая задолженность за квартиру. Пошла в лес, собрала щавеля, мяты, сварила похлебку... Так выкручивается летом. А зимой?

А попробуй, помри с голоду - вмиг оправдается некрасовское: "Господи Боже! Как ни дорого бедному жить, умирать ему вдвое дороже!" Вдвое? Это по состоянию на 60-е годы прошлого века. А сейчас - не вдесятеро ли, не в сотни ли раз? Ведь государственные "ритуальные пособия", как и любая государственная подачка, - слёзы, да и те ещё выколачивать нужно.

Дошкольные учреждения - один из важнейших институтов социальной защиты. Но кого же они теперь защищают, при такой платности их услуг? Разве что тех, кто за свои деньги и сам бы себя защитил, наняв няnek... Похоронные же расходы заставляют всерьёз задуматься, как бы умереть подешевле, понезаметнее, как бы исчезнуть в момент смерти, чтобы никого не обременять и ни копейки (то есть ни кусочка!) от живых не отрывать.

Поражает мученическое долготерпение таких вот матерей. Они мучаются в одиночку, жалуются соседям, которые сами на грани голода, но, сколько знаю, даже не пытаются искать или добиваться "правды", где-то как-то бороться за свои права, хотя бы узнавать, есть ли у них какие-нибудь права, согласно государственным бумажкам, называемым законами. Во всяком случае, когда, наслушавшись душераздирающих жалоб, я предлагаю обратиться в государственные органы даже не за помощью, а лишь за информацией, возможна ли какая-то помощь, - мне в один голос заявляют: "Бесполезно! Кому мы нужны?!" Пробую убеждать: "Да вы хоть попытайтесь!" Нет, безнадежно машут рукой, - "бесполезно", - и никуда не обращаются. А государственные чиновники, небось, и рады считать количество несчастных по их "обращаемости" к ним, к чиновникам. Может быть, мои предложения обращаться к государству и наивны, но нельзя же быть такими покорно-бездеятельными.

Боятся ли нарваться на отказ?... Это мне понятно, мне самому не чужд подобный страх. Или ждут, что кто-нибудь их облагодетельствует без всякой с их стороны активности?.. Раздражаешься: "Тогда надо сразу ложиться и умирать!" Нет,

цепляются за существование. И хоть бы пальцем пошевелили, чтобы это существование как-то облегчить, сделать похожим на человеческую жизнь!..

Самому-то мне подобная покорность всегда была чужда. Всю жизнь бунтую против слепоглохого прозябания, не даю о своих проблемах забыть. Если и было у меня слепоглохое прозябание, то уж никогда не было - немного. Всегда вопил, да погромче. Правда, время от времени хочется замолчать... Уже не всегда хватает сил даже на вопль: "Караул, спасите!" Зачем? Чтобы длить эту пытку дальше? Бесконечная усталость, немое отчаяние, оцепенелая безысходность... Не так ли чувствуют себя наши умирающие вместе с детьми матери? И не здесь ли объяснение их безнадёжной пассивности?..

Предсмертная немота. Накануне вечного красноречивого молчания покойников. Они уже молчат. А мы ещё суетимся и верещим. Или пытаемся верещать...

Открытый до предела
Рот - в вопле безголосом.
Жестоко стиснуты веки,
А руки - в мёртвой сцепке.
Сквозь стиснутые веки -
Слезинки проступают.
А может, капельки жизни
Удушье дожимает.
Оцепенело тело.
В душе померкли искры.
Устал и умер от жизни -
Болезни самой страшной.

Я плакал, описывая собственный плач в этих строчках, когда они из меня сочились. Они медленно текли сразу под неизвестно откуда взявшуюся, почему-то хорошо знакомую траурную музыку. Капля по капле, в приступе ужасной, удушающей тоски. Я не рифмовал, потому что чувствовал неуместность рифмовки.

Что такое этот стихотворный похоронный марш? Результат душевной болезни? Можно и так понять. Но с моей точки зрения это - капитуляция перед социальным параличом. Полная безнадёжность, бесперспективность, ненужность, а не только невозможность, деятельности.

Собственно социальный паралич - это ведь невозможность (или значительная затруднённость) деятельности, жизни в существующем социуме - обществе. Невозможность деятельности как отдельной личности, так и целых народов и классов. Невозможность или затруднённость и для инвалидов, и для здоровых. И для безработных, и для занятых нудным, нетворческим, для роботов, трудом.

А тут, в моём похоронном марше - повторяю - не невозможность и не затруднённость уже, но просто - смертная, загробная, замогильная - ненужность деятельности, ненужность жизни. Летальный исход болезни - социального паралича.

Боюсь, что цель "милосердной" шумихи вокруг инвалидов - скорее зарабатывание политического капитала, чем реальное решение проблем. Но кое-что движется. ещё в СССР был принят закон о социальных пенсиях - не по инвалидности и безотносительно к трудовому стажу. "А" сказано. Не пора ли сказать и "Б" - признать существование не только физической, недужной, "слепо-глухо-хромой", но и социальной инвалидности? Разве безработный - не социальный инвалид? Разве живая деталь конвейера, живой "винтик", заменяющий автомат, - не социальный инвалид?

Я, всю жизнь бившийся над проблемами реабилитации физических

инвалидов, не могу отделаться от аналогии. Что получится, если на всю предшествующую и предстоящую историю взглянуть вот с этой "реабилитационной" точки зрения? Не с революционной, а именно с реабилитационной. С точки зрения личностной реабилитации тех, кто - всё равно по какой причине - личностью, то есть реальным членом общества, стать не смог. Помешали обстоятельства. То ли физическая инвалидность, то ли социальная.

Вот это и получится, - то, что надо реабилитировать всех, а не экспроприировать друг друга по очереди и вне всякой очереди.

Социальный паралич - это не что иное, как паралич смысла жизни. Трудно не согласиться с В. Франклом: свобода состоит в том, чтобы определить свою личностную, личную позицию по отношению к любым условиям своего бытия. Даже к самым экстремальным, - вроде концлагеря, или слепоглухоты, или социального паралича. И я могу констатировать, что так понимаемую свободу мне в течение всей моей жизни реализовать, в общем и целом, со срывами, но удалось и пока удаётся. Разумеется, не в одиночку. С опорой на такой "социальный фактор", как окружающие меня люди, близкие либо принявшие во мне минутное участие на улице, на транспорте, в магазине и в других местах.

После университета почти сразу же разразился кризис: я понял, что обычного теоретика, закопавшегося в Ленинскую Библиотеку, из меня получиться не может. Слепоглухому там делать нечего. Значит, надо искать другую, более доступную мне деятельность, в которой я получил бы хоть какое-то удовлетворение. И такая деятельность нашлась 22 марта 1981 года, когда я впервые приехал в свой родной Загорский детдом на весенние каникулы.

Ребятишки меня обступили, едва я появился. Прямо у лестницы облепили, сбежались, лезли друг другу на плечи, стараясь дотянуться и хотя бы прикоснуться к незнакомому человеку. Меня потрясла эта жажда общения. До сих пор я не мог считать себя психологом. Именно в эту минуту я психологом стал - почувствовав буквально всем существом, буквально кожей, кому нужна моя психология. Пусть я мало мог прочитать, но что смог - то моё, __.и ребячье. С этой минуты получило смысл всё моё творчество - и литературное, и теоретическое. Изучать проблемы живых детей, вообще живых людей, с кем сведёт меня судьба, в том числе свои собственные, - и осмысливать их с опорой на имеющийся теоретический багаж, уж какой есть, уж насколько удастся его увеличить. Без претензий объять необъятное и рассуждать о состоянии той или иной области культуры в целом. Откуда мне знать, что в этой области есть, чего нет... Моей творческой жизни там нет. Моя творческая жизнь там появится.

Вот так я для себя решил, пытаюсь объять и расцеловать всю облепившую меня детскую кучу. В тот же день я зафиксировал это своё решение в первой же записи своего психолого-педагогического дневника...

Так я обрёл творческий смысл своей жизни. И, реализуя его, с помощью самых разных людей, смог в общем и целом избежать социального паралича на протяжении последующих полутора десятилетий. Сейчас я могу уже с гордостью оглянуться на пройденный путь, как ни тревожит меня не совсем ясная перспектива продолжения этого пути. Что бы ни было неясно, одно ясно вполне: с социальным параличом я никогда не смогу

смириться, а значит, его у меня никогда и не будет. Пока есть друзья, буду искать и, наверное, найду хоть какую-нибудь лазейку, чтобы продолжать полноценную творческую жизнь в каких угодно кошмарных условиях. В этом смысле моя свобода во франкловском её понимании вполне обеспечена вчера, сегодня и завтра. Пока работаю, будут и результаты работы; а будут результаты - найдутся и люди (до сих пор находились), которые этими результатами заинтересуются и помогут сделать их всеобщим достоянием. Хватило бы воли к жизни, долга жить, подкреплённого жаждой жизни. В ситуации слепоглухоты, как в немногих других ситуациях, эта воля к исполнению жизненного долга необходима буквально ежесекундно. И так же каждую секунду необходима поддержка этой воли извне. Моих внутренних ресурсов может не хватить. Самообмобилизоваться легче, когда есть те, ради кого ст'оит это делать.

Конкретизировав понятие "воли к жизни" как способ самообмобилизации личности, мы выходим на гигантскую проблему сознательного саморазвития личности в зрелом возрасте. Дело в том, что, очевидно, никто, кроме сам'ой личности, её не "мобилизует". Речь может идти только о САМОМОБИЛИЗАЦИИ . о, а так же о её ПОДДЕРЖКЕ . о извне. Именно о поддержке, а

не о хватании за шиворот и насильственном осчастливливании. Внешняя, насильственная "мобилизация" парализует волю, делает её просто ненужной, или же направляет её "не в ту степь", - в сторону отражения агрессии, а не в сторону сознательного решения собственных проблем. Самообмобилизация может быть только выстраданной и потому - только сознательной. Если речь и идёт об отражении "агрессии" как цели самообмобилизации, то "агрессором" ни в коем случае не должен осознаваться другой человек. "Агрессор" - это экстремальная ситуация, которую надо так или иначе нормализовать. Другие люди должны быть союзниками по "антиэкстремальной коалиции", а не сторонними наблюдателями/надсмотрщиками, в лучшем случае стоящими с плеткой над душой и подхлёстывающими: "где твоя воля?!", а в худшем - злорадствующими и издевающимися. Необходимо совместное с союзниками по "антиэкстремальной коалиции" исследование экстремальной ситуации, необходим совместный поиск выхода из неё, - совместное смягчение, изменение, преодоление экстремальной ситуации, а ни в коем случае не насилие над попавшим в беду человеком и не издевательская демагогия: "Сам выкручивайся!"

Особенно это важно в экстремальной ситуации всевозможной инвалидности. Без создания "антиэкстремальной коалиции" реабилитация личности в этих условиях просто немыслима.

Причём, такая "коалиция" должна существовать как условие не только успешности, но и вообще начала, "запуска" реабилитационного процесса. Если речь идёт о ребёнке, он участвует в этой "коалиции" на первых порах бессознательно, даже не подозревая об экстремальности ситуации, в которой вынужден существовать. Чтобы сделать его сознательным членом "антиэкстремальной" (имеется в виду прежде всего "антиинвалидная") "коалиции", надо создать условия для осознания экстремальности ситуации ребёнком-инвалидом, а для этого надо дать ему возможность сравнить себя с другими детьми, пообщаться с ними. Такое общение и взаимное сравнение полезно обеим сторонам - и детям-инвалидам, и относительно здоровым ребятам.

Создать условия для такого общения и взаимного сравнения - и есть ближайшая задача совместной педагогики. При этом недопустимо никакое злорадство. Подружатся ребята или нет, в решающей мере зависит от них самих, от их личностных качеств. Но с самого начала необходимо позаботиться о доброжелательном, дружественном настрое - по крайней

мере, со стороны относительно здоровых ребят. Со стороны детей-инвалидов такой настрой может быть ответным, ибо первоначально возможно недоверие, связанное с трудностями общения с соседскими детьми у себя дома, во дворе, или со сверхопекой взрослых, вообще не допускавших никакого соприкосновения больного ребёнка со здоровыми. Убедившись, что никто его "дразнить" не собирается, но все настроены помочь, ребёнок-инвалид может попытаться "сесть на голову" (этим попыткам надо мягко, но неуклонно противостоять), а может попытаться включиться в образ жизни обычных ребят (тут надо всячески идти ему навстречу, изобретая доступные формы игр, адаптируя их на ходу, - такой опыт имел место в лагерях, где работал автор этих строк, и такое творчество по изобретению игр иногда увлекало здоровых ребят).

Ребёнок, с одной стороны, осознаёт, что он "не такой, как все", но с другой стороны, ощущает себя среди друзей, в дружественной обстановке, и это стимулирует его к поначалу стихийной, а затем всё более сознательной, самореабилитации.

Примерно такой же процесс возможен и со взрослыми инвалидами, с той лишь разницей, что они осознают экстремальность своей ситуации (свою инвалидность) с самого начала; недоверие, комплекс самоизоляции у них может быть сильнее, и его труднее преодолеть. Зато потом человек может перейти на позиции активного строительства своих отношений, активной организации необходимой ему помощи, перестаёт отсиживаться в четырёх стенах, идёт к людям и зовёт их к себе. На высшем уровне такой самореабилитации сами экстремальные условия существования могут стать источником саморазвития, направленного на поиски всевозможных "обходных путей" (термин принадлежит Л.С. Выготскому (8)) решения проблемы личностной полноценности, то есть проблемы достижения как можно более высокой социальной значимости. Возникает установка не только организовывать себе помощь, но и самому хоть в чём-то помогать, поскольку трудности есть у всех, и целый ряд трудностей инвалид может помочь преодолеть даже лучше кого другого. Он ведь поневоле становится "специалистом" по нахождению разного рода "обходных путей", - "специалистом" по самомотивации, по воле к жизни, и прежде всего такого "специалиста" окружающие и видят в инвалиде на высшем уровне личностной самореабилитации. Настолько подчас "прежде всего", что эта самая "воля к жизни" даже гипертрофируется, абсолютизируется окружающими, которые сплошь да рядом забывают о том, что имеют дело всё же с инвалидом, - даже могут начать легкомысленно, шапкозакидательски относиться к его проблемам. Думаю, что если такое отношение возникает, не стоит "стесняться" напомнить о своих трудностях, лишний раз их разъяснить. Мне не раз говорили, особенно новые знакомые, что "преклоняются" перед моей "волей". Меня это всерьёз пугало, потому что подобное, да и любое, преклонение может выйти мне боком. Да и вообще предпочитаю общаться на уровне сотрудничества, а не "преклонения".

Для тотальной самомотивации никак недостаточно само собой разумеющегося, бессознательного смысла существования. Тут уж нужен чёткий, выстраданный, на мировоззренческом уровне осознанный ответ на вопрос, зачем жить. И главное - для кого. Если окружающие ограничиваются осуждением твоего безволия, либо ни к чему не обязывающим "преклонением" перед твоей "волей", - ты со своей проблемой - один на один. Приходишь к горькому выводу, что ты никому не нужен, все кругом сторонники "сплошной электрификации", то бишь всем до тебя "как до лампочки". Вот тут-то и возникает серьёзнейшее сомнение, стоит ли овчинка выделки, чего ради стараться, "мотивироваться".

Нет, нужно понимание, сочувствие, любовь. Причём любовь не только

чья-то - к тебе, а прежде всего твоя - к кому-то. Ибо ты скорее самомотивируешься ради любимого существа, чем ради себя самого. И только понимание, сочувствие, любовь (прежде всего твоя, но и к тебе тоже) дадут не просто вкус к жизни, а неутолимую жажду жизни, сознательную готовность к любым усилиям ради поддержания и достижения определённого качества жизни, - готовность, без которой никакая воля к жизни просто невозможна, никакой смысл жизни реализовать не удастся. Потому что жажда жизни - это и есть главный, если не единственный, мотив воли к жизни как самомотивации.

И это не утопический идеал, христианский либо ещё какой, но реальный, естественный, нормальный способ видового самосохранения у высших животных и человека, в первичной своей функции обеспечивающий сохранение жизни потомства. Во всяком случае, достаточно общеизвестны факты самомотивации пернатых и млекопитающих, которые, защищая своих птенцов и зверят, выходят порой победителями в схватках с неизмеримо более сильными врагами.

Но человек принципиально отличается от животных, кроме всего прочего, и тем, что сфера действия этого способа выживания у него неизмеримо шире, чем только видовое самосохранение. Без любви - разрастающейся до ею же создаваемой философии - нет и быть не может если не вкуса к жизни, то уж во всяком случае жажды жизни. Без любви, то есть вне философии (сферы любви), незачем, не для кого жить. И именно без моей собственной любви, а не только без любви ко мне. В этой сфере потребление поистине смерти подобно.

Воля к жизни, как самомотивация, напрямую выводит нас на проблематику здоровья - духовного, душевного и физического. причём приоритет отдаётся духовному здоровью: без него трудно себе представить какую бы то ни было сознательную самомотивацию личности.

Духовное здоровье - это вся воссозданная нами, в процессе воссоздания интериоризированная, духовная культура человечества, - теоретическая, эстетическая и этическая (нравственная). Именно такая структура духовного здоровья определяется и исследуется в книге Э.В. Ильенкова "Об Идолах и Идеалах". И именно на уровне так понимаемого духовного здоровья происходит конкретизация, уточнение смысла жизни, когда - и если - первичный смысл существования (существовать затем, чтобы существовать) нас больше не удовлетворяет. На уровне духовного здоровья перед нами ставится воссоздаваемая культурой, встаёт в процессе воссоздания культуры, проблема качества жизни: не только зачем жить, но и как жить. (Термин "воссоздание культуры" заимствуется у Ф.Т. Михайлова (9).)

С момента, когда мы заподозрили существование проблемы качества жизни (не то что уперлись в неё лбом), мы начинаем подозревать и в конце концов убеждаемся, что образ жизни, как он у нас формировался с рождения, вовсе не единственно возможный; что разные люди живут очень по-разному, и мы тоже можем жить как-то иначе, не так, как до сих пор. И если мы решаем что-то изменить в нашем образе жизни, тут-то нам и оказывается нужна воля к жизни как способ мобилизоваться для изменения образа жизни, и только с этого момента воля к жизни, собственно, начинает формироваться вместе со своим мотивом - жаждой жизни, без

которой воля к жизни (в сущности, насилие над собой) и не оправдана, и бесплодна (бездейственна). До формирования воли к жизни вместе с жаждой жизни было достаточно вкуса к жизни. С момента же, когда начинает формироваться жажда жизни и на основе жажды жизни - воля к жизни, начинается наша сознательная работа над собой, наше сознательное саморазвитие, то есть самосозидание, самотворчество. С этого момента мы становимся более/менее сознательными, а не стихийными, как до сих пор, субъектами собственной жизни. Словом, по крайней мере в том, что касается жажды жизни и воли к жизни, то есть воли к сознательному формированию собственного образа жизни, приходится констатировать первичность, приоритет "духа" над "душой" и "телом".

Думается, можно как минимум предположить, если не констатировать, что и в возникновении жажды жизни и воли к жизни работает свой механизм интериоризации (то есть воплощения "внешнего" во "внутреннем"). Первоначально формирующаяся личность может попытаться совершить насилие не над собой, а над окружающими людьми, - посчитать, что проще и удобнее других переделать, чем себя. Жажда жизни и воля к жизни могут проявиться в максималистских требованиях к окружающим, чтобы они соответствовали нашим предначертаниям, нашим представлениям о том, какими они должны быть ради нашего удобства. Во всяком случае - бесспорный факт, что подобное поведение очень распространено и у детей, и у взрослых. Прежде чем меняться самим, мы пытаемся менять других по принципу: "Стань таким, как я хочу!" Только позже, под влиянием крушения такой установки, этот принцип может быть перенесён (а может так никогда и не быть перенесён) с других на себя: я должен стать каким-то другим, не таким, как сейчас, чтобы избежать одиночества, изоляции; я должен соответствовать ожиданиям других, - по крайней мере самых для меня значимых других, и по крайней мере тем их ожиданиям, с которыми я не могу не согласиться, - прежде всего потому, что ожидания этих других совпадают с моими собственными ожиданиями от себя. Автор этих строк, сколько может припомнить, прошёл и продолжает проходить именно этот путь в процессе выработки гуманистического мировоззрения, в основе которого - именно терпимость, то есть признание права каждого (и моего в том числе) быть самим собой, ни на кого не похожим; признание сначала на уровне идеала, долженствования, а затем, в течение всей остающейся жизни, и на уровне воплощения этого идеала в повседневной практике взаимодействия с окружающим миром и изменения себя как части мира.

В условиях инвалидности, в процессе личностной самореабилитации, предположенная интериоризация особенно наглядна. Экстремальная ситуация болезни создаёт особенно благоприятные условия и соблазны для манипулирования другими: дескать, вы можете больше меня, вот вы меня и обслуживайте, приспособливайтесь ко мне. Поначалу это, конечно, бессознательная установка всех детей, и здоровых и больных, но она часто присуща и взрослым инвалидам, как с детства, так и получившим инвалидность в зрелом возрасте. На указанную установку провоцирует и неверие в себя, вплоть до подчас вполне сознательных спекуляций на этом неверии: "Да что я вообще могу?!" Такая установка может привести - и часто приводит - к личностной, то есть духовной и душевной, инвалидности, даже без всякой физической. Это по существу паразитарная установка. Так легче, чем мобилизовать наличные возможности и, мобилизуя наличные, создавать новые.

Однако не менее губительна и противоположная установка окружающих, которой может оправдываться нежелание поддержать человека в беде, в чём бы то ни было помочь ему: "Сам выкручивайся! Никто за

тебя твоих проблем не решит!" Совершенно верно - никто, но и в одиночку их тоже не решить. Эту противоположную установку я назвал "сверхинтеграцией". Сверхопека провоцирует и формирует паразитизм, а сверхинтеграция обрекает человека на беспомощное барахтанье в своих нагромождающихся и неразрешимых без посторонней помощи (именно помощи, а не сверхопеки!) проблемах, - пока не надоест барахтаться и человек не обрушится в депрессивный невроз, психоз и даже суицид.

Путь по лезвию бритвы между паразитизмом и сверхинтеграцией пролегает через взаимную интеграцию, через взаимную поддержку, через взаимную, встречную готовность на помощь. И первоначальная инициатива тут, если говорить о физической инвалидности, может принадлежать исключительно здоровым. Только опираясь на поддержку здоровых, инвалид (и ребёнок, и взрослый) может поверить в себя в достаточной степени, чтобы обрести (почувствовать) жажду жизни, а затем (или, скорее всего, одновременно) волевыми усилиями мобилизовать все наличные возможности и, мобилизуя наличные, создать новые, - вплоть до сознательного строительства оптимального (взаимно интегрирующего) типа отношений с окружающими людьми, при котором эти окружающие - меньше всего "обслуживающий персонал", а больше всего - друзья, союзники по "антиэкстремальной" ("антиинвалидной") "коалиции".

Сфера душевного, или психического, здоровья - это сфера прежде всего эмоционально-мотивационного обеспечения жизни личности. Мною здесь предполагается следующее соотношение традиционно выделяемых и описываемых в учебниках по общей психологии "психических функций" (я предпочёл бы вслед за Э.В. Ильенковым говорить о "способностях"): мышление, воображение и нравственность (человечность) ответственны не столько за "душу", сколько за "дух", - за духовное здоровье; на уровне "души" действуют эмоции, ситуативные и относительно постоянные мотивы; ощущения, восприятия, внимание и память - служебные формы психической жизни, обслуживающие как "душу", так и "дух", то есть обеспечивающие как духовное, так и душевное здоровье. Поскольку нормальное, то есть, по Э.В. Ильенкову, как можно более высокое, развитие мышления, воображения и нравственности (человечности) происходит в процессе воссоздания духовной (интеллектуальной, эстетической и этической) культуры, постольку я бы рискнул постулировать их надпсихическую природу (сущность), хотя без "души" и без всей остальной психики они, конечно, не могут ни возникнуть, ни существовать. Более того, на высшем - по Э.В. Ильенкову нормальном - уровне развития мышление, воображение и нравственность (человечность) являются высшими формами развития психики, - настолько высшими, что в них психика, можно сказать, перерастает саму себя, вырастает из "души" в "дух".

Во избежание недоумённого пожатия плеч подчеркну ещё раз: мышление, воображение и нравственность (человечность) имеют надпсихическую природу как "универсальные способности" (термин Э.В. Ильенкова), на нормальном - наиболее высоком исторически достигнутом - уровне развития обеспечивающие духовное здоровье личности. Они имеют надпсихическую природу потому, что формируются в результате воссоздания личностью духовной культуры человечества. Нормального в вышеуказанном смысле уровня развития они только и могут достигнуть в

результате такого воссоздания.

К сфере духовного здоровья следует отнести так же этический смысл **ЖИЗНИ И СМЕРТИ ОДНОВРЕМЕННО** . о. По отношению к этому повороту нашей темы

- смыслу одновременно жизни и смерти - всё остальное в данном тексте носит характер только предварительных замечаний. Не рассматривать

смысл одновременно жизни и смерти - значит промолчать о самом главном. Правда, о самом главном и говорить всего труднее, к самому главному сложно даже подступиться, так что на сколько-нибудь исчерпывающую характеристику смысла одновременно жизни и смерти никак не претендую. Уж очень эта тема болезненна, - ведь многие из нас привыкли напрягаться и вздрагивать при одном упоминании о смерти. Хотя, не будь у жизни конца, не было бы смысла и в поисках смысла жизни.

Как только мы вообще задаемся вопросом, зачем жить, - а это, как сказано в самом начале, и есть вопрос о смысле жизни, - мы, осознанно или нет, претендуем на то, чтобы за свою жизнь, за то, какой она получится, отвечать. Отвечать же за собственную жизнь в мире немислимо, не беря на себя ответственности и за свою смерть, - за конец, завершение, последнюю завершённость жизни.

Анализируя рефлексивный способ отношения к жизни в "трагическом" его аспекте, - отношение к жизни как трагедии, - отношение к жизни, взятой вместе с её завершением, вместе со смертью, - С.Л. Рубинштейн формулирует:

"Смерть есть... конец моих возможностей дать ещё что-то людям, позаботиться о них. Она в силу этого превращает жизнь в обязанность, обязательство сделать это в меру моих возможностей, пока я могу это сделать. Таким образом, НАЛИЧИЕ СМЕРТИ . опровергает жизнь В НЕЧТО СЕРЬЁЗНОЕ, ОТВЕТСТВЕННОЕ, В СРОЧНОЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВО, . срок выполнения которого может истечь в любой момент. Это и есть закономерно серьёзное отношение к жизни, которое в известной степени является ЭТИЧЕСКОЙ НОРМОЙ . о" (10; курсив мой, - А.С.).

Смысл жизни и смысл смерти обязательно надо сопрягать, совмещать, даже, может быть, отождествлять. Этого требует элементарная диалектическая логика, - противоположности должны рассматриваться только вместе, а не порознь.

Прежде всего, смысл придаёт жизни именно её конечность, - тот факт, что мы смертны, а не бессмертны. Если бы мы были бессмертны, то пределом мечтаний была бы именно смерть; это было бы самым желанным, как убедительно показывает В.А. Назаров в повести "Восстание Супров" (11). Конечность жизни, наша смертность, придаёт ценность нашей жизни. Не будь смерти, жизнь не имела бы никакой ценности, а ценен, как уже сказано, был бы только её конец, - ценна была бы только смерть. Вместе с жизнью обесценился бы, обессмыслился бы какой бы то ни было гуманизм, какая бы то ни было человечность, любовь, а добро и зло поменялись бы местами: добром была бы смерть, а злом - жизнь. И без того, как мы видели, современная безумная система социальных отношений делает существование немалой части людей настолько мучительным, что они уже не боятся, а жаждут смерти.

Далее, смерть мобилизует нас на реализацию наших возможностей, и не только творческих, а вообще любых. Смерть, как уже отмечалось выше, когда я цитировал С.Л. Рубинштейна, - это неизвестный, но неизбежный срок истечения наших обязательств перед собой и остальным миром, и надо постараться успеть как можно больше, пока жив и пока, по выражению Э.В. Ильенкова, "есть капля силы" (12).

Смерть близких вынуждает задумываться о мере человечности, бережности нашего отношения друг к другу, о том, насколько мы друг друга щадим, об иерархии ценностей, о том, не приносим ли мы самых близких, самых любимых в жертву чему-то менее ценному, не совершаем ли тем самым на бесчисленные лады человеческих жертвоприношений в своём межличностном взаимодействии. Меня лично впервые заставила об этом задуматься смерть А.И. Мещерякова, особенно же смерть Э.В. Ильенкова,

гигантский груз вины перед которым за все причинённые мною ему обиды (мягко говоря) так и несу через всю жизнь. Я не могу простить себя тем более, что его больше нет, и это самоосуждение, самонепрощение - порой невыносимо тяжкий груз, пригибающий к земле; однако его надо влечить до конца дней, - иначе нельзя, иначе я теряю последнее право на звание человека, личности.

Мне переводили на гражданских панихидах неумеренные похвалы, расточаемые покойникам, а я думал: хоть бы один процент этих похвал услышать этим людям при жизни! Может, подольше прожили бы. Какое ужасное извращение - быть щедрыми на похвалы к покойникам и скупыми - к живым! Не дай бог, нос задерут! Как смертельно опасен, как укорачивает жизнь, и без того короткую, этот априорный страх зазнайства! Ещё и отсюда я пришёл к проблематике взаимной человечности, взаимно щадящих отношений. Прежде всего потому, что сам не умел щадить, и до сих пор это далеко не всегда получается. Мы, может быть, к этому привыкли, - да, дескать, всё так, но уж такова жизнь, что тут поделаешь... Нет, я лично смириться с этим не могу ни в себе, ни в других, и убеждён, что с этим нельзя смиряться. Да, жизнь такова, но она НЕ ДОЛЖНА БЫТЬ . о такой!

Ставя проблему взаимной человечности, взаимно щадящих отношений, смерть ставит и проблему скромности. Что это такое? Ходячее понимание: "Не хвали себя". Особенно в советскую эпоху под скромностью понималось, в сущности, самоуничижение и самоунижение. Но если жизнь осмыслена, заполнена обязательствами и их реализацией к неизвестному, но неизбежному сроку - пока жив - хвалить себя просто некогда. Акценты сдвигаются сами собой с заслуг, со сделанного - на то, что ещё осталось доделать и переделать, и как этого всегда много! К хвастовству, к задиранию носа, к зазнайству склонен бездельник. Это у него от комплекса неполноценности, от ощущения, если не от ясного понимания, своей никчёмности. Человек ответственный, заслуживающий и оправдывающий звание разумного существа, очень занят, и всё сделанное ему искренне кажется ничтожным ПО СРАВНЕНИЮ . о с тем, что сделать предстоит. На этой почве у меня с самого начала возникли расхождения (без конфликта, просто в порядке констатации факта) с педагогами Сергиево-Посадского Реабилитационного Центра для слепоглухонемых детей: они помнят, каким ребёнок пришёл в детдом, и они гордятся, каким стал и становится; а я с самого начала был озабочен тем, как далеко этим ребятам, слепоглухонемым, до среднего уровня зрячеслышащих ребят; я думал не о том, какими были и стали, а о том, какими должны быть, и отсюда - с самого начала - острейшее ощущение драгоценности детского времени: скорей, скорей! Как ускорить их развитие, как не потерять из времени детства, такого же конечного, как и время всей жизни, ни секунды для становления личности? Ощущение безвозвратно уходящего, упускаемого впустую детского времени привело меня к совместной педагогике. Очень жаль, что у многих и многих педагогов такого ощущения драгоценности времени детства нет и не было, или исчезло, и они относятся к ребятам так, словно дети всегда будут детьми, никогда не вырастут. Одного этого достаточно для катастрофической задержки детского развития, особенно в ситуации ранней слепоглухонемоты! И не только в этой ситуации. Детская жизнь должна быть напряжённой и содержательной, интересной, только такой напряжённый образ жизни (но обязательно добровольно напряжённый, а не принудительно напрягаемый!) предопределяет практически безграничные перспективы развития/саморазвития. (Думаю, в порядке защиты от разгула зоологии либо явной уголовщины можно и нужно принудительно напрягать. Но это, во-первых, патологический (с точки зрения человечности, а не

медицины) случай, - я же имею в виду человеческую норму. Во-вторых, в этом патологическом случае уже не до забот о перспективах развития/саморазвития. Удержать бы зверя хотя бы в минимально безопасных для окружающих границах... в общем, не до жиру - быть бы живу!)

Смертность, конечность жизни ставит во весь рост проблему качества жизни. Проблему ответственности за свою жизнь и неприятия чего-то такого, что меняет, может изменить качество жизни в худшую сторону, так что после смерти могут помянуть тебя отнюдь не добром. ещё А.И. Герцен (13), говоря о публицисте Николае Полевом, сожалел, что он опоздал умереть: надо было раньше, в лучшую, более достойную полосу жизни, когда он был либералом. (Правда, я читал и другую оценку Полевого, как гениального журналиста, одного из ярчайших корифеев русской журналистики; закрытие "Московского телеграфа" из-за критики какой-то пьесы Кукольника было его трагедией, разорило его, заставив заниматься журналистской подёнщиной, чтобы хоть как-то кормить семью; но дело в данном случае не в оценке личности и творчества Полевого, а в проблеме своевременного или запоздалого ухода из жизни.) Вообще многие мыслители ставили проблему духовной смерти раньше физической, считая нормальным, чтобы та и другая либо совпадали во времени, либо духовная (забвение) наступала позже. Так что известная сентенция, что на тот свет всегда успеешь, не всегда верна. Умереть можно рано (я всерьёз оплакивал гибель Лермонтова, Пушкина, Маяковского, переживал их гибель как личное горе), можно вовремя (когда душевный и духовный потенциал исчерпаны, когда некого любить и нечего больше творить), а можно и поздно (когда успел натворить непоправимо много зла, - лучше бы Сталин и Гитлер вообще не рождались! - но историческая обстановка породила бы других, им подобных, с другими только именами).

Это лишь беглые наброски. Вероятно, можно и нужно говорить об особом разделе психологической науки, предметом которого было бы психологическое сопряжение жизни и смерти, смерть как жизнеутверждающий фактор или как избавление от слишком уж мучительного существования. Частью этой отрасли психологического знания может быть и психология суицида, который, наверное, не во всех случаях ст'oit относить по ведомству психиатрии. Впрочем, я слишком мало знаю, - может быть, такая отрасль психологического знания и существует. Мне приходилось чаще сталкиваться либо с каким-то даже раздражающим бодрячеством, либо с игнорированием этой проблематики, либо с откровенным страхом смерти и категорическим отказом не только говорить, но и думать о ней. Сам я о смерти думаю постоянно. Смерть - часть жизни. И очень важная часть. Наиболее общий жизнеутверждающий смысл смерти, пожалуй, в том, чтобы в течение жизни успеть состояться в качестве хорошего человека. Жизнеутверждающий смысл смерти в том, чтобы в течение жизни успеть состояться надёжным человеком, человеком-надеждой, а не болотным огоньком, который мелькает, заманивает, да в самую топь... Таких блуждающих огоньков я тоже встречал, и не раз приходилось, опираясь на действительно надёжных людей, друзей, выбираться на сухое и твёрдое.

...Вообще все три вида здоровья можно рассматривать как систему жизнеобеспечения личности, все "подсистемы" которой ("тело", "душа" и "дух") взаимно друг от друга зависят, взаимно друг на друга влияют, взаимно превращаются друг в друга. Не приходится отрицать принципиальную возможность регулирования всех трёх видов здоровья, - эта возможность есть в любых условиях, но от этих условий всё же зависит, насколько она велика; в разных условиях возможность регулирования здоровья неодинакова; что под силу одним, то не под силу

другим; поэтому фанатизм безусловного волевого регулирования здоровья нелеп и неуместен, часто просто бесчеловечен.

Например, я не могу вылечить простым волевым усилием и сколь угодно огромным желанием своих глаз и ушей; у безрукого никогда не вырастет новая рука, у безногого - нога, у беззубого взрослого - зубы. Но регулировать и беречь остаточный слух в моей власти; пользоваться для пространственной ориентировки остаточным зрением, сколь угодно ничтожным (а у меня светоощущение, по данным последней проверки, не острее пяти тысячных единицы) - тоже в моей власти. Самое трудное для меня лично - управление моими эмоциональными импульсами. Тут одной волей я ничего не сделаю; воле приходится помогать лекарственной и физиотерапией - со стороны биохимической основы физического здоровья; а со стороны "верхнего этажа" - со стороны духовного здоровья - на помощь волевому регулированию эмоций приходит поэтическое и всякое иное литературное творчество, чтение, соответствующая настроению музыка через слуховой аппарат и мощные наушники. (А.Ф. Лосев (14) приписывает своё долгожительство прежде всего благотворному влиянию философского и всякого иного творчества; он говорит, что, когда одержим творчеством, чувствует себя лучше и чисто физически.) В решающей степени состояние моей эмоциональной сферы зависит от характера взаимоотношений с окружающими людьми, - главным образом от того, насколько я нужен тем, кто нужен мне, изолирован я или нет, имею ли возможность вести активный образ жизни, либо вынужден прозябать в четырёх стенах... А от состояния эмоциональной сферы зависит моя способность (вообще желание) регулировать как бы то ни было и физическое, и всякое иное здоровье.

Эмоции - это область действия (или бездействия) вкуса к жизни. Если жить "невкусно", то зачем заботиться о продлении жизни?.. Но если есть кого любить, если есть что творить (например, стихи, публицистику), и результаты творчества (равно как и любовь) хоть в какой-то мере "востребованы", - то эмоциональная сфера более/менее упорядочивается, жить более/менее "вкусно", а "невкусно", то всё-таки нужно, и появляется жажда жизни; кроме всего прочего появляется и стимул позаботиться о своём физическом здоровье. Улучшение же физического здоровья благотворно сказывается и на душевном, и на духовном здоровье.

Всё это, может быть, банально, но в реальных человеческих взаимоотношениях царствует свирепая прямолинейность. Абсолютизируется то "здоровый дух", то "здоровое тело", а "душа", эмоции, - то, "вкусно" жить или "невкусно", - игнорируется чуть ли не как блажь. Или, дескать, само приложится. Конечно, здоровье "духа" и "тела" влияет на здоровье "души", но здоровье "души" - прежде всего наличие/отсутствие вкуса к жизни, - оказывает на здоровье "духа" и "тела" как минимум такое же, если не более мощное, влияние.

Попробую подвести итоги.

Из всего предшествующего анализа, надеюсь, очевидно, что не приходится отождествлять "волю к жизни" со "смыслом жизни", что второй вовсе не автоматически предполагает первую. Воля к жизни - это самомотивация с целью реализовать свободу личности от всевозможных внешних давлений, с одной стороны, от собственных капризов, с другой, а так же от всевозможных аномальных условий, в том числе

наследственных и "благоприобретённых" хронических заболеваний, от физической инвалидности, с третьей стороны. Это самомобилизация, осуществимость которой зависит, во-первых, от содержания смысла жизни (то есть от более/менее чёткого и адекватного понимания необходимости жить); во-вторых, от определённого качества, образа жизни (от необходимости это качество изменить или отстоять в экстремальных условиях); в-третьих, от жажды жизни (то есть от устремлённости к определённому качеству жизни, соответствующему определённому смыслу жизни); наконец, в-четвёртых, от наличия/отсутствия вкуса к жизни (попросту от возможности и способности наслаждаться своим существованием как таковым).

Воля к жизни является производным от духовного здоровья личности, и в то же время, через духовное здоровье, она является одним из важнейших "регуляторов", обеспечивающих максимально возможный при наличных объективных условиях (например, при инвалидности) уровень и душевного, и физического здоровья.

Важнейший источник жажды жизни и стимулятор воли к жизни на уровне духовного здоровья - любовь к другому человеку (другим людям), ради кого стоит, надо жить даже через "не могу", даже при отсутствии вкуса к жизни. _ Шире сказать, источник и жажды жизни, и воли к жизни, и _смысла жизни - филосфера, то есть сфера любви.

Воля к жизни - это мобилизация сил на воплощение смысла жизни в определённом образе жизни, в том числе мобилизация на постижение (хотя бы интуитивное) жизнеутверждающего смысла смерти: не просто существовать, а именно полноценно жить, успеть состояться полноценной личностью (иначе нечего огород городить с поисками какого бы то ни было смысла жизни и с его реализацией); научиться ценить жизнь, пока она не кончилась, беречь людей, особенно любимых, пока они живы; от инстинктивного самооправдания и самовсепрощения перейти к сознательной ответственности за себя и (как минимум) своих близких перед собственной нравственной интуицией (совестью); Научиться самостоятельно себя судить с позиций нравственной интуиции, а не предоставлять судить о себе другим, перекладывая на этих других заодно и ответственность за себя; научиться осуждать себя за всё, что заслуживает осуждения в прожитой части жизни, чтобы хотя бы в оставшуюся часть жизни уменьшить (вряд ли исключить) накопление негативного, постыдного в своём "нравственном балансе".

Вот такое получается понятийно-терминологическое гнездо, внутри

которого возможна систематическая разработка этой проблематики как "для себя", так и "для всех"; как в саморазвитии, так и в содействии чужому саморазвитию; как при выработке личного мировоззрения (то есть личной жизненной позиции), так и при содействии в этом другим людям; как в теории, так и в практике, и не только - в психолого-педагогической, но и в практике повседневного общения.

Формирование воли к жизни непосредственно связано с превращением личности из стихийного в сознательного субъекта собственной жизни. Следовательно, кроме всего прочего, понятие "воли к жизни" обязательно нужно соотносить и с понятием "самосознания личности". Таким образом, на процессуальном уровне, трактуя понятие "воли к жизни", не обойтись без понятий саморазвития (стихийного и сознательного), самомобилизации, самосознания.

Короче, воля к жизни - одна из важнейших характеристик личности, её качества, полноценности. Однако это положение нельзя понимать так, будто, если воля к жизни отсутствует, то качество жизни плохое. Возможны обстоятельства, при которых отсутствие воли к жизни

объясняется неприятием совершенно скотских, античеловеческих условий существования, а следовательно, свидетельствует о "слишком" высоком для данных условий существования качестве личности, которая "слишком" уж далеко "опередила своё время" ...

1993 - 1997

УПОМИНАЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. В.Э. Чудновский. Смысл жизни: проблема относительной эмансипации от "внешнего" и "внутреннего". - "Психологический Журнал". 1995, №2.
2. Э.В. Ильенков. Откуда берётся ум? - В кн.: Э.В. Ильенков. "Философия и Культура". М., Политиздат, 1991.
3. А.С. Макаренко. Педагогическая Поэма. М., "Советский Писатель", 1957.
4. Э.В. Ильенков. Что на Свете Всего Труднее? - В кн.: Э.В. Ильенков. "Об Идолах и Идеалах". М., Политиздат, 1968.
5. Э.В. Ильенков. Что же такое Личность? - В кн.: "С чего начинается личность?" М., Политиздат, 1979, 1984. См. также: Э.В. Ильенков. Философия и Культура. М., Политиздат, 1991.
6. В. Франкл. Человек в поисках смысла. М., "Прогресс", 1990.
7. Марк Твен. Человек, который совратил Гедлиберг. - В кн.: Марк Твен. Соединенные Линчующие Штаты. М., "Художественная Литература", 1969. Серия "Народная Библиотека".
8. Л.С. Выготский. Развитие Высших Психических Функций. Конец первой главы.
9. Ф.Т. Михайлов. Общественное Сознание и Самосознание Индивида. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук. М., 1987.
10. С.Л. Рубинштейн. Человек и Мир. - В кн.: С.Л. Рубинштейн. "Проблемы Общей Психологии". М., "Педагогика", 1976. Стр. 351 - 352.
11. Вячеслав Назаров. Дороги Надежд. "Молодая Гвардия", серия "Библиотека Советской Фантастики", М., 1982.
12. Э.В. Ильенков - А.В. Суворову. Письмо от 12 августа 1974. В кн.: Э.В. Ильенков. Философия и Культура. М., Политиздат, 1991. В приложениях.
13. А.И. Герцен. Былое и Думы. М., Гослитиздат, 1947.
14. А.Ф. Лосев. Дерзание духа. М., Политиздат, 1988.
15. Выражение "опередить своё время" взято из статьи Э.В. Ильенкова о Спинозе, которая так и называется - "Опередивший своё время". - В книге: Э.В. Ильенков. Философия и культура. М., Политиздат, 1991. .

ОБЖИТОЕ СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО/ВРЕМЯ И СМЫСЛ ЖИЗНИ

На примере становления личности в ситуации слепоглухоты очень удобно анализировать соотношение таких психологических феноменов, как одиночество, уединение и смысл жизни. Парадигмальным, контекстным при этом является понятие обжитого социального пространства/времени. Иными словами, психологические феномены одиночества, уединения и смысла жизни должны рассматриваться в контексте обжитого социального пространства/времени.

Сначала попробуем проанализировать психологические реалии, связанные с феноменами одиночества, уединения и смысла жизни, а затем уже, в качестве вывода из всего анализа, попробуем охарактеризовать содержание понятия обжитого социального пространства/времени.

Экстремальность условий слепоглухоты заключается прежде всего в том, что более/менее затруднено, а то и полностью отсутствует, общение между слепоглухим и окружающими его людьми. Если от слепоглухонемого (то есть ослепшего и, главное, оглохшего в раннем возрасте, а то и слепоглухорождённого) ребёнка не требуется никакой собственной активности, если его ТОЛЬКО . о обслуживают, он - объект обслуживания, а, в строгом смысле, никак не субъект общения. Разумеется, возможны оговорки. Ребёнок ПРИВЫКАЕТ . о, что от него ничего, никакой инициативы, никакой самостоятельности не ждут, а ждут лишь УДОБНОЙ . о для обслуживающего персонала ПАССИВНОСТИ . о. И вся его активность может проявляться именно в этой пассивности, в том, чтобы быть "удобообслуживаемым" (даже не "удоборуководимым", ибо любое руководство уже предполагает некую, пусть очень маленькую, сферу самостоятельности руководимого). А.И. Мещеряков описывает девочку, которая ПРИВЫКЛА . о "замирать", когда её внезапно берут на руки и погружают в воду, чтобы искупать. Возможна и привычка открывать рот в ожидании пищи. В этом можно усмотреть как бы согласие ребёнка на тотальное обслуживание. Он к такому обращению с собой ПРИВЫКАЕТ И ПРИСПОСАБЛИВАЕТСЯ . о. И такое, собственно чисто физиологическое, привыкание и приспособление можно считать за проявления ребёнка как субъекта общения.

Но этим, пожалуй, "общение" и исчерпывается. Выход физиологической энергии, как отмечают многие исследователи, проявляется в навязчивых движениях (самый распространённый в литературе пример - описание того, как ребёнок раскачивается, оставаясь на том месте, где его оставили). Привыкание и приспособление к тотальному обслуживанию требует от ребёнка такого минимума усилий, что этим минимумом можно пренебречь, с чистой совестью говоря о полном отсутствии общения.

Такой ребёнок не является ни субъектом общения, ни субъектом самосознания. Человеческая культура вне ребёнка. Он - объект чужой культуры (культуры тотального обслуживания), - за полным отсутствием какой бы то ни было собственной культуры.

И И.А. Соколянский с А.И. Мещеряковым совершенно правы, считая, что начинать "очеловечивание" такого существа надо с организации воссоздания им культуры САМООБСЛУЖИВАНИЯ . о. Для начала - чисто физиологического, выражающегося в ориентировочной реакции, например, на засорившуюся соску, на температуру и запах пищи, подносимой ко рту, но не опрокидываемой в рот. Когда такая ориентировочная реакция получена и устойчива, налицо база для воссоздания ребёнком в совместно-разделённом действии со взрослым культуры уже человеческого самообслуживания, с использованием изготовленных человеком для человека бытовых предметов. Таким образом, с самого начала содержание психолого-педагогического процесса сводится к тому, чтобы учить ребёнка быть субъектом общения с окружающими людьми по поводу всё более сложных видов совместно-разделённой с ними деятельности.

Сначала ориентировочная реакция. Затем - формирование навыков самообслуживания. Затем - изображение этих навыков жестами. Затем - обозначение всех известных действий, субъектов и предметов этих действий первыми словами. Поначалу не в устной, разумеется, а в пальцевой форме. В форме дактильного алфавита. Такова пропагандируемая А.И. Мещеряковым поэтапность превращения слепоглухонемого ребёнка из объекта тотального самообслуживания - в субъект человеческого общения и хоть какого-то самосознания.

До поры до времени ребёнку хватает общения с его педагогами. До той поры, до того времени, пока круг общения не расширяется, и в него

не включаются новые люди, совсем не обязательно владеющие - или плохо владеющие - специальными средствами общения. Лучше, если это расширение произойдет как можно раньше. Беда, когда оно сваливается на неподготовленного выпускника. Уроки социально-бытовой ориентировки эту проблему вряд ли решают. Они лишь намекают на её существование. Ученик ведь остаётся в тепличных условиях реабилитационного центра; походы на почту, в магазины и другие учреждения социальной инфраструктуры большого мира остаются на уровне экскурсий. А что он будет делать, когда окажется там без посредничества педагогов, один на один с людьми, впервые встретившими такого инвалида и не знающими, как с ним обращаться, как его понять и как стать понятными ему?

Так мы приходим к необходимости совместной педагогики. Общение с относительно здоровыми ребятами и детьми-инвалидами различных категорий создаёт условия для осознания собственной инвалидности. При доброжелательном отношении, готовности окружающих ребят и взрослых помочь в решении связанных с инвалидностью проблем, осознание инвалидности ставит ребёнка перед необходимостью её преодоления. Он постепенно становится субъектом самореабилитации. Он учится обращаться за помощью, объяснять доброжелательным, но не владеющим специальными средствами общения, людям, как с ним можно договориться без овладения этими специальными средствами. И после такого опыта, приобретаемого главным образом вне реабилитационного центра - на сменах общения Детского ордена милосердия, - ему легче будет решать сходные проблемы и в зрелом возрасте. Заодно и уроки социально-бытовой ориентировки будут осмыслены более адекватно и глубоко, - не просто как экскурсии, а как подготовка к самостоятельной жизни в большом мире. Необходимость такой подготовки будет прочувствована во время смен общения Детского ордена милосердия.

Вероятно, полученный на этих сменах опыт может быть перенесён и на общение с соседскими детьми и взрослыми по месту жительства во время каникул. Но в одиночку такой перенос вряд ли осуществим. Необходима активная поддержка со стороны членов семьи. Идеально было бы, если бы в сменах общения Детского ордена милосердия вместе со слепоглохлыми ребятами участвовали бы и их родители, братья, сёстры.

Из-за единственности в границах бывшего СССР Сергиев-Посадского реабилитационного центра вовлечение родных в совместно-педагогический процесс, как и вообще в реабилитационный, практически невозможно. Поэтому выход пока просматривается в том, чтобы родители были связаны с местными Отрядами милосердия, и на летних каникулах по возможности ездили бы в местные лагеря общения Детского ордена милосердия, которые организуются ежегодно, например, в Республике Марий-Эл, в Татарстане (Набережные Челны), в Свердловской области. Воспитанников Сергиев-Посадского реабилитационного центра, чьи родители живут в перечисленных местах или сравнительно недалеко от них, целесообразно подключить к местным организациям Детского Ордена Милосердия, кстати довольно мощным.

Организация общения по элементарным бытовым поводам, а затем обучение различным творческим видам деятельности (лепке, конструированию, выпиливанию по рельефному контуру, рельефному рисованию и т.д., вплоть до попыток литературного творчества), создаёт предпосылки для общения с самим собой - уединённого труда души. Если ребёнок увлечён каким-то делом, пусть даже внешне почти никак не проявляющимся (например, фантазированием), - это не одиночество, а уединение. Уединение - это неумение скучать, или умение в любой момент чем-нибудь заняться. Уединённый труд души обогащает "душу" (личность) гораздо больше и интенсивнее, чем прямое общение по бытовым, учебным и

иным поводам.

И сознательной целью первоначальной бытовой и учебной реабилитации должно быть - как можно быстрее привести ребёнка к умению и к потребности уединяться за каким-либо увлекающим его делом. Иначе и в сменах общения Детского ордена милосердия ребёнок не сможет надолго удержать на себе внимание других ребят, которым с ним может быть

просто скучно. Никакого сочувствия, никакого милосердного энтузиазма, никакой самоотверженности и доброты не хватит, чтобы долго общаться с человеком, с которым нечего делать вместе.

Предпосылки для устойчивого интереса окружающих и прямого общения с ними создаются прежде всего в уединённом труде души. Но и предпосылки для уединённого труда души могут создаваться и расширяться в прямом общении, как и в самом этом труде, коль скоро он уже налицо.

Следовательно, в первоначальный период становления личности, кроме элементарной бытовой реабилитации, необходима так же первичная творческая реабилитация, то есть как можно более раннее обучение ребёнка творческим видам деятельности, предполагающим уже уединение и сосредоточенность. Среди таких видов деятельности И.А. Соколянский и А.И. Мещеряков выделяют лепку, чтение и конструирование. Элементарная бытовая и первичная творческая реабилитация создаёт необходимые предпосылки уединённого труда души.

Саморазвитие - это процесс освоения чего-либо благодаря прежде всего собственной активности, собственным усилиям, попыткам освоить. В этом смысле саморазвитие имеет место с самого начала. С того момента, когда ребёнок впервые вынужден как-то приспособливаться к условиям своего существования в социальном пространстве/времени. Даже для того, чтобы быть "удобообслуживаемым", требуется как-то приспособиться к обслуживаемому; и процесс этого приспособления - уже саморазвитие. Когда начинается элементарная бытовая реабилитация, без активных попыток ученика самостоятельно выполнить те или иные бытовые действия она неосуществима. Но и без побуждающего (даже принуждающего), направляющего, ориентирующего участия учителя реабилитация не состоится.

Ничему нельзя научить, если нет активных попыток научиться; и трудно (если возможно) чему-либо научиться в одиночку, без какого бы то ни было участия учителя, - особенно в самом начале учёбы, когда ещё совсем ничего не знаешь и не можешь опереться на личный опыт удач и неудач. Поэтому саморазвитие - фундамент и предпосылка успеха всякого развития, то есть идущих извне попыток организовать поведение субъекта саморазвития. Всякие развивающие усилия могут быть успешны только в том случае, если налицо встречный процесс - саморазвивающие усилия. Всякая реабилитация возможна только при наличии самореабилитации.

Но изначально саморазвитие стимулируется извне, чьими-то попытками развивать, и только потом возникает самостимулирование саморазвития, появляются внутренние побуждения, реализация которых приводит к развивающему эффекту. Изначально, видимо, такое самостимулирование саморазвития формируется в уединённом труде души. Пока саморазвитие стимулируется извне, оно может заглухнуть, как только внешнее стимулирование прекратится.

Устойчивый характер саморазвитие приобретает только при условии самостимулирования. Таким внутренним стимулом может служить прежде всего увлечённость. увлечённость является главной движущей силой уединённого труда души. Поэтому уединённый труд души приходится признать основной формой саморазвития. Пока нет уединённого труда души, нет и внутреннего источника саморазвития, если не считать

изначальную положительную эмоциональную реакцию ребёнка на окружающих его людей.

Уединённый труд души как основная форма саморазвития может иметь разную природу (сущность). Изначально его природа чисто импульсивная: интересно, увлекательно - потому и хочется заниматься предметом увлечения в одиночку. Чем больше интересного, увлекательного, тем шире сфера выбора приоритетов саморазвития: приоритетно то, что всего увлекательнее (первоначально, пожалуй, точнее сказать - ПРИ . овлекательнее).

Сначала формируется сфера ПРИ . овлекательного. ВНУТРИ . о сферы привлекательного - сфера У . овлекательного. А уже внутри сферы увлекательного формируется сфера устойчивых интересов субъекта, - может быть, сфера всё более сознательного и целеустремлённого творчества. Вот такая получается "матрёшка" сфер саморазвития, или сфер уединённого труда души.

Внутри этой "матрёшки", по мере выделения сферы приоритетных устойчивых интересов, меняется и природа саморазвития. На основе импульсов привлекательности, увлекательности формируется устойчивая мотивация деятельности субъекта, предполагающая и постоянные волевые усилия, направленные на интенсификацию и всё более высокую результативность деятельности. Природа саморазвития из чисто импульсивной становится всё более сознательной. Первоначальные импульсы привлекательности, увлекательности могут перерасти в настоящую страсть, в одержимость данным видом (или несколькими видами) деятельности. Происходит творческое самоопределение личности на профессиональном уровне, а так же мировоззренческое самоопределение. Одновременно с выделением приоритетной сферы устойчивых интересов определяется и приоритетная сфера содержательного общения по поводу этих интересов. Формируются и постепенно более/менее ясно осознаются принципы взаимодействия данной личности с окружающими людьми. Определяется место данной личности, как имеющей именно такую, а не иную приоритетную сферу устойчивых интересов, среди других личностей. Словом, определяется позиция личности по всем направлениям её жизнедеятельности.

При формировании приоритетной сферы устойчивых интересов, приоритетной сферы общения, мировоззренческой системы, - формируется (определяется) и смысл жизни.

Первоначальное существование ни бессмысленно, ни осмыслено. Первоначально просто существуют - и всё. Только став полноценным субъектом хотя бы бытового общения, а затем субъектом уединённого труда души как основной формы саморазвития, индивид начинает познавать самого себя, осмысливать свою жизнь, и одновременно определять, в чём её смысл.

По-видимому, сфера смысла жизни совпадает со сферой устойчивых приоритетных интересов; следовательно, формируется и изменяется вместе с ней. И одиночество переживается либо как недостаточная осмысленность, либо как недостаточная востребованность жизни, а изначально - как дефицит любви, как заброшенность, покинутость.

К уединению может толкнуть ощущение непризнанности, неприятности, например среди ровесников. То есть переживание одиночества тоже может быть (и бывает) стимулом к уединению. И стимулом к поиску смысла жизни вне прямого общения, при его неустранимом дефиците.

Таким образом, дефицит общения может сыграть и положительную роль в саморазвитии субъекта, что с особой наглядностью можно наблюдать, например, при поздней слепоглухоте (как в случае автора этих строк и некоторых его знакомых), а так же при других видах инвалидности,

создающих больший или меньший неустрашимый дефицит общения. Уединённый труд души, спровоцированный неустрашимым дефицитом или конфликтностью прямого общения, повышает устойчивость личности, её самодостаточность. Может сформироваться следующая установка: пусть мне трудно найти что-то общее с окружающими людьми, - общее дело, общую тему для беседы, какие-то общие интересы, - ЗАТО . о мне и с самим собой не скучно.

Это, конечно, защитная позиция, способ личностного самосохранения, но не только. Научившись и привыкнув обходиться в основном самостоятельно, создавая, усложняя, обогащая свой собственный духовный мир, человек именно благодаря этому может стать всё более остро интересен окружающим людям, создаст себе содержательное преимущество в прямом общении с ними, основу для того, чтобы у него с другими людьми обнаруживалось всё больше общего. Стимулом к уединению станет уже удовлетворение развитых духовных потребностей, а не защита от чувства не востребованности, непризнанности, непринятости окружающими людьми. Наоборот, если и возникнет ощущение своей неуместности в той или иной ситуации, несовместимости с окружающей обстановкой, человек сможет адекватно проанализировать причины этого и активно искать, найти решение возникшей проблемы, найти (создать!) своё место среди окружающих людей, способ совмещения себя с ними.

В ситуации слепоглухоты, например, такой человек научит окружающих специальным средствам общения, воспитает себе переводчиков на массовых мероприятиях, найдёт возможность проявить себя так, чтобы заставить себя заметить, заинтересовать собой. Причём проявить, ни к кому не приставая, не выключивая внимание, никого не раздражая назойливостью. Проявить, опираясь на сформировавшийся и продолжающийся формироваться в уединённом труде души внутренний духовный мир. Проявить, найдя способ продемонстрировать богатства этого мира, и тем самым привлечь к себе доброжелательный интерес.

Как видим, этот процесс чётко распадается на три этапа.

Во-первых, уединение как самозащита от одиночества, от трудностей прямого общения, от его дефицита, в ситуации той или иной инвалидности неизбежного и до конца никогда не устранимого.

Во-вторых, уединение как самотворчество, как процесс формирования личностью собственного духовного мира, пусть и без специального осознания и постановки перед собой подобной цели.

В-третьих, ослабление дефицита прямого общения с опорой на собственный духовный мир, через демонстрацию окружающим людям его богатств. Это уже высший этап личностной самореабилитации как при физической инвалидности, так и в других ситуациях, вынуждающих личность искать спасения от одиночества в уединённом труде души, в общении с самой собой, и тем самым, пусть незаметно для себя, самореабилитироваться в сфере полноценного прямого общения.

Получается, что если дефицита прямого общения и нет, его даже полезно бывает создать, чтобы вынудить к уединённому личностному самотворчеству, саморазвитию, самоуглублению, самообогащению, - к полноценной духовной жизни.

Люди, никогда не испытывавшие серьёзных проблем с прямым общением, избалованные всеобщим вниманием, всеобщие любимцы, - могут так и не научиться уединяться, могут быть скучны сами себе, могут так и не выработать самостоятельной жизненной позиции, сколько-нибудь глубокой и серьёзной мировоззренческой системы. Им может оказаться некогда над собой задуматься. Им и так неплохо. И прямое общение может быть неглубоким, поверхностным, малосодержательным или вовсе бессодержательным. На уровне разговоров ни о чём. Куда все, туда и я. Лишь бы вместе со всеми. Лучше поболтать и поболтаться в развесёлой

компании на улице, чем книжку почитать. Лучше поглазеть, чем во что бы то ни было взглядеться и вдуматься.

Поэтому, видимо, тех, кто по тем или иным причинам "выпадает" из прямого общения, не всегда стоит в него втягивать, тащить в "общую кучу", именуемую "коллективом". Наоборот, может быть, важнее выяснить, а чем же они заняты в уединении, и попробовать уединиться за теми же занятиями вместе с ними, разделить их интересы.

Мы, таким образом, приходим к методическому принципу: постараться разделить с человеком его уединение, а не принуждать (или соблазнять) человека разделить с толпой (принимаемой за "коллектив") её суету.

Но реализация такого методического принципа в психолого-педагогической практике педагогу обходится, очевидно, намного дороже в смысле времени и усилий, чем "фронтальное воздействие" на различных массовых мероприятиях. Совместно-разделённое уединение проще наладить в домашних условиях, родителям, а не педагогам, - если, конечно, в семье существуют комфортные для всех отношения между её членами, и если, главное, налицо озабоченность духовным ростом детей, а не только их одеждой, гигиеной и желудком.

Автор исходит из представления о вариативности психического развития, о множественности его путей. Отсюда осторожность при характеристиках того или иного конкретного варианта развития.

Потребность в уединении может сформироваться, а может и не сформироваться. Дефицит общения может возникнуть, а может и не возникнуть. Дефицит общения может сыграть положительную роль, провоцируя к уединённому труду души как основной форме саморазвития, а может сыграть и резко отрицательную, разрушительную роль, оборвав развитие, спровоцировав деградацию.

Роль дефицита прямого общения отрицательная, если приводит к одиночеству как ощущению (переживанию) недостатка любви, заброшенности, ненужности (по отношению прежде всего к близким взрослым), и непринятности, непризнанности, невостребованности (среди ровесников и вообще среди равных).

Всё зависит от конкретных условий. Может получиться и так, что в силу внутренней логики развития/саморазвития, то есть в силу всей предшествующей его истории, данный вариант окажется единственно возможным именно для данного индивида. Все другие варианты внутренней логики развития/саморазвития для данного индивида исключила.

А в общем, вариантов развития/саморазвития столько, сколько людей. Они уникальны, индивидуально-неповторимы, единичны. Методологический принцип вариативности развития/саморазвития позволяет эту уникальность постоянно иметь в виду, ни на секунду не отвлекаться от реалий психического развития.

Но, думается, содержание развития/саморазвития при всех вариантах сводится к ОБЖИВАНИЮ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА/ВРЕМЕНИ . о. Если нет такого

обживания, то, собственно, нет и развития/саморазвития. Есть лишь физическое существование. Если в силу каких-то катастрофических причин существование в уже обжитом социальном пространстве/времени оказывается невозможно, а путей обживания социального пространства/времени заново не видно, то наступает деградация. Такой деградационный вариант возможен, например, при слепоглухоте или полном параличе, наступивших в зрелом возрасте. Внутренняя логика развития/саморазвития, сформировавшаяся в ситуации физического здоровья, может привести к деградации, к невозможности приспособиться к новым условиям, - может быть, кажущейся невозможности, но в том, что

она кажущаяся, человека ещё надо убедить, что и является первоначальной задачей реабилитационной работы с такими людьми.

Обживание социального пространства/времени - это прежде всего налаживание полноценного двустороннего общения с окружающими людьми, и с их помощью - ориентировка в созданном человечеством социальном пространстве города, деревни, жилых и иных помещений, парковых зон, видов транспорта, и т.д.. Обживать новое социальное пространство можно и самостоятельно, но только с опорой на уже накопленное умение общаться, обращаться к первым встречным-поперечным за помощью. Такое умение требуется всем, даже самым здоровым людям. Абсолютную необходимость такого умения хорошо выражает поговорка: "Язык до Киева доведёт". Уединённый труд души так же является формой самостоятельного обживания социального пространства/времени, которому предшествует и которое подготавливает обживание социального пространства/времени вместе с другими людьми, под их руководством и даже нажимом.

Только внутри обжитого и непрерывно вновь обживаемого социального пространства/времени возможно формирование и изменение какого бы то ни было смысла жизни. Вне обжитого и обживаемого социального пространства/времени нет ни сколько-нибудь полноценной человеческой жизни, ни её смысла.

Автор, будучи слепоглухим с детства, чувствовал себя одиноким только в необжитом социальном пространстве, - например, в гостях у родственников или за границей. Важнейшим компонентом обжитого социального пространства/времени для автора являются рельефно-точечные книги на русском языке и письменные принадлежности (как для слепых, так и обычные типа плоскопечатной машинки). Обжитое социальное пространство/время предполагает наличие некоего набора постоянных занятий. Где этого нет, там неизбежно чувство одиночества. Кстати, к самому термину "обжитое социальное пространство/время" автор пришёл впервые как раз в гостях у родственников в Алма-Ате, где было ограничено общение, чтение, передвижение по совершенно незнакомым окрестным улицам.

В общем-то обжитое социальное пространство/время - это сфера более/менее решённых проблем данной личности, а так же сфера уже известных личности принципов и алгоритмов решения проблем. социальное пространство/время есть, в сущности, история человечества (включая её "текущий момент" в виде окружающих людей и вещей), которую и приходится "обживать" в течение всего жизненного цикла (от рождения до смерти), чтобы реализоваться в качестве члена общества - в качестве личности.

(Здесь не случайно перемежаются термины "социальное пространство" и "социальное пространство/время". Когда речь идёт о пространстве квартиры, парка, города и т.п., то и говорится только о пространстве. Когда речь идёт о людях и различных явлениях духовной культуры (книги, музыка), то говорится о пространстве/времени, чем подчёркивается именно историческое время существования и создания этих явлений. Вообще-то разница условная: квартиры, парки и т.п. тоже результат человеческого созидания в определённую историческую эпоху. Но, обживая квартиру и парк, можно не думать об истории, а вот, обживая литературу, музыку, скульптуру, науку и Т.д., отвлекаясь от истории уже нельзя. С людьми можно общаться, не думая об истории их жизни и об исторической эпохе, в которую они живут; но это довольно-таки низкий, малосодержательный уровень общения с людьми. Именно люди - создатели и главные "компоненты" социального пространства/времени, и даже когда автор этих строк общается с детьми, он никак не может отделаться от мысли об их будущем и будущем человечества в целом.)

Обжитое социальное пространство/время нельзя представлять себе каким-то монолитом, внутри которого всё ясно и всё упорядочено.

В том-то и дело, что сфера НЕ . ообжитого социального пространства находится не только вне, но и внутри обжитого. Иными словами, сфера нерешённых проблем находится не только вне, но и внутри сферы проблем решённых, когда-либо решавшихся.

Например, практически автору всю жизнь удавалось, в общем и целом, налаживать сотрудничество с самыми разными людьми, прогрессируя личностно и творчески. Но попытки теоретически осмыслить, адекватно осознать закономерности налаживания сотрудничества (в широком смысле, включающем и дружбу), попытки понять, почему в одних случаях это получается, а в других нет, - эти попытки при всей своей длительности и настойчивости пока не привели к созданию надёжной, безотказно срабатывающей стратегии налаживания сотрудничества. В результате на практике автор оказывается беспомощен, когда необходимо наладить сотрудничество по новому поводу или с новым человеком.

Странный феномен: проблемы вроде удаётся решать вполне успешно, до сих пор так или иначе удавалось; можно довольно уверенно надеяться, что будет В ОБЩЕМ И ЦЕЛОМ . о удаваться и впредь; но В ОТДЕЛЬНЫХ СЛУЧАЯХ

трудно прогнозировать; полный туман - или обманчивая ясность, то есть разочарование и разрыв отношений наступают, когда уже успокоился и собрался праздновать удачу в налаживании сотрудничества. В целом - "проносит", а в единичных случаях - далеко не всегда. Поистине, раз на раз не приходится.

Почему? Неужели эта область целиком и полностью - вотчина случайности? Вряд ли. Но нащупать закономерности, чтобы практически их использовать и избегать провалов, не удаётся.

Проблема в том, чтобы чувствовать себя хозяином в своих отношениях с окружающими людьми, сознательно и успешно строить свои отношения. (Дейл Карнеги потому и всемирно популярен, что даёт практические рекомендации, простые и в общем-то каждому доступные, по решению именно этой проблемы, так или иначе встающей практически перед каждым.) До сих пор отношения как-то сами строятся, а вот строить - не получается.

Этим мучаются очень и очень многие люди. А проблема как раз из тех, от степени решённости которых зависит определение смысла жизни. Искать ли этот смысл в прямом общении с окружающими людьми, или свою личностную базу - смысл жизни - передвинуть как можно дальше "в глубь своей территории", чтобы никто не мог её разрушить, чтобы всегда наготове было убежище от сложностей прямого общения?.. Можно попробовать и сочетание обоих вариантов, - то ли периодически уходить в уединение и выходить из него, то ли постоянно уединяться и одновременно столь же постоянно и избирательно общаться напрямую. Смотря для чего уединяться. Смотря по какому поводу и с кем общаться.

"Территория" не сплошная. В социальном пространстве/времени, обжитом как бы "островами", спрятаться особенно негде. Приходится выбирать "остров" пообширнее, а значит, как можно надеяться, и понадёжнее. И обживать новое и новое социальное пространство/время, чтобы соединить "острова".

Возможно ли хоть сколько-нибудь монолитное обжитое социальное пространство/время? Вероятно, да, - при устойчивом образе жизни, устойчивых отношениях с окружающими людьми, устойчивой, признанной окружением, автономии, независимости. Тогда обжитое социальное пространство//время более или менее монолитно. Более или менее надолго. Но вряд ли навсегда. Скорее всего, до поры до времени. До

тяжёлой болезни. До крупного конфликта. Когда вдруг оказывается, что по-старому жить нельзя. Другие физические возможности - в случае болезни, особенно повлёкшей за собой инвалидность. Другое отношение окружающих к тебе, твоё - к окружающим, - в случае конфликта. В общем, обжитое социальное пространство/время вдруг оказывается не столько островом, сколько утлой посудиною, грозящей перевернуться.

И удержаться "на плаву" помогает поддержка наиболее близких, не обязательно родственников. Помогает и чёткое понимание смысла своей жизни, путей его реализации в образе жизни, однако без поддержки извне смысл жизни может показаться нереализуемым. Вероятно, можно искать, отстаивать и реализовать свой смысл жизни в одиночку, но в экстремальной ситуации это требует исключительной независимости убеждений, жизненной позиции, незаурядной уверенности в себе, в своей правоте. И всё равно такое напряжение (то есть поиск, отстаивание и реализацию смысла жизни в одиночку) трудно выдержать в течение длительного времени, не опираясь на понимание и поддержку хотя бы одного друга. И в любом случае реализация смысла жизни означает новый уровень обживания социального пространства/времени, в том числе - и, может быть, в первую очередь - в форме поиска союзников, тех, кто поймёт и поддержит, поможет противостоять возникшим экстремальным условиям.

Таким образом, во-первых, структура обжитого социального пространства/времени может быть как "островной", так и "монолитной". Возможно, что структура обжитого социального пространства по мере обживания периодически меняется, становится из "монолитной" "островной" и наоборот. Это определяется степенью устойчивости образа жизни и круга общения: чем устойчивее, тем "монолитнее", и чем неустойчивее, тем "островнее", фрагментарнее. Следовательно, и по этому критерию - по изменению структуры обжитого и обживаемого социального пространства/времени с "монолитной" на "островную" и обратно, - можно строить периодизацию развития/саморазвития личности в течение всей её жизни, от рождения до смерти.

Во-вторых, в процессе обживания социального пространства/времени меняется и смысл жизни. Может возникнуть ситуация нереализуемости (или трудной реализуемости) смысла жизни в одиночестве или при инвалидности, наступившей в зрелом возрасте, когда социальное пространство//время приходится обживать заново. Такая ситуация стимулирует поиск новых друзей для определения нового смысла жизни или отстаивания старого. Прежнее окружение может либо по каким-то причинам отвергнуть субъекта (одиночество), либо растеряться перед возникшими проблемами и попытаться превратить субъекта в объект тотального обслуживания (в случае наступления тяжёлой инвалидности в зрелом возрасте). В любом случае без "антиэкстремальной коалиции" в

экстремальной ситуации, предполагающей обживание социального пространства/времени ЗАНОВО . о, вряд ли возможно обрести новый или отстоять старый смысл жизни.

6 апреля - 25 июня 1996

ФИЛОСФЕРА И СМЫСЛ ЖИЗНИ (ТЕЗИСЫ)

В.И. Вернадский, прежде чем формулировать понятие "ноосферы", перечисляет другие сферы, не связанные с деятельностью человека изначально, хотя и не исключające вмешательство человека: атмосферу, гидросферу и биосферу. все три сферы оказывают существенное влияние на

геологическую историю планеты Земля. Биосфера изменяет атмосферу (накопление кислорода) и гидросферу (изменение химического состава воды в различных водоёмах), а так же за счёт погибших организмов и продуктов их метаболизма создаёт такие химические образования в коре земного шара, которым иначе неоткуда было бы в ней взяться (природный горючий газ, нефть, уголь, ряд минералов), то есть полезные (для человека) ископаемые органического происхождения.

Ноосфера, по В.И. Вернадскому, - это ещё одна, четвёртая, оболочка (сфера) земного шара, создаваемая исключительно человеческой деятельностью (по идее "разумной", поэтому и "ноосфера"). Э.В. Ильенков называл её "реально антропоморфизированной" или, проще, "очеловеченной природой". В.И. Вернадский относит к ноосфере, например, металлы, которые в чистом виде в природе не встречаются, но появляются в результате производственной деятельности людей. В.И. Вернадский подходит к проблеме прежде всего как геолог и вообще натуралист широкого профиля, а поэтому ограничивается аспектом взаимодействия человечества с природой, воздействия человечества на природу. То, что получается в результате такого взаимодействия и воздействия, и есть ноосфера по В.И. Вернадскому.

Однако "сферы" можно выделить и внутри межчеловеческого взаимодействия. Я бы выделил ещё три: духовную сферу, сферу безумия и филосферу. Здесь уже переосмысливается само понятие сферы: речь идёт не столько об оболочках земного шара, как у В.И. Вернадского, сколько о важнейших аспектах или типах взаимодействия как внутри человечества (между людьми), так и вне его (с природой). Уже в понятии ноосферы имплицитно заложена проблема характера, качества взаимодействия человечества с природой и внутри самого человечества (как следствие). Создавая оболочку земного шара не просто органического, а, так сказать, промышленного происхождения (не обязательно разумного - к понятию "разум" надо относиться более ответственно, непременно с этической корректировкой), человечество выступает фактором планетарного масштаба, а в перспективе - космического (это перспектива для эпохи В.И. Вернадского, но для нашей эпохи это уже реальность, пусть и в зачатке). Следовательно, встаёт проблема космической миссии человечества и разума вообще, проблема разума и безумия, а это уже неизбежно ставит чисто социальную проблематику, проблематику того или иного - разумного или безумного - общественного устройства. Ибо ясно, что характер взаимодействия общества с окружающей средой (планетой и космосом) напрямую зависит от общественного строя, либо способствующего выживанию общества и сохранению окружающей среды, либо ведущего общество к гибели. Устройство общества, способствующее выживанию общества и сохранению окружающей среды, только и заслуживает названия "разумного", а общественный строй, ведущий к уничтожению окружающей среды и гибели самого общества вместе с этой средой, заслуживает только названия безумного. То есть в понятии "ноосфера" имплицитно заложена проблема разума и безумия. Это делает понятие ноосферы промежуточным между тремя вне - и дочеловеческими и тремя специфически человеческими сферами, - то есть "ноосферу" В.И. Вернадского следует поместить между, с одной стороны, атмосферой, гидросферой и биосферой, а с другой стороны - духовной, безумной и филосферой.

Духовная сфера - это сфера духовной культуры человечества: мир религиозных и философских идей, художественных образов и т.п. Согласно разработанной Э.В. Ильенковым концепции идеального, всё это воплощается в книгах, в произведениях искусства, что вместе с самим процессом духовного производства и составляет собственно духовную

сферу. Это сфера мыслящего духа, сфера именно разума, где разум (дух) возникает и воспроизводится в творческой деятельности, - а не кладбище воплощённых, материализованных идей, как "ноосфера" в понимании В.И. Вернадского.

Духовная сфера противопоставляется мною сфере безумия, - тоже специфически человеческой сфере, однако не созидательной, а разрушительной - антикультурной, античеловеческой, антиприродной - направленности. Безумие так же специфично для человека, как и разум; биосфера - сфера неразумной живой природы, не осознающей своего, сколь угодно значительного, воздействия на окружающую среду, а потому и не отвечающей за последствия этого воздействия. Разум и безумие - противоположности, которые по всем законам диалектической логики должны бы как-то уравнивать друг друга, и они одинаково специфичны для "разумной" (точнее, может быть, сказать - "сознательной") формы жизни, а вся остальная живая природа - царство неразумия, отсутствия как разума, так и безумия.

Термин "филосфера" означает - "сфера любви". В этой сфере формируются смыслы и ценности индивидуальных образов жизни. В идеале, в наиболее развёрнутом виде, филосфера формируется ощущением самостоятельной ценности (самоценности) людей вместе со всем остальным миром. Филосфера - наиболее интимный и хрупкий аспект взаимодействия людей между собой и с остальной природой. Именно в ней, скорее всего, корни духовной сферы, но я не стал бы их отождествлять: духовная сфера - сфера творчества, а филосфера - сфера общения на основе чувства самоценности наиболее близких людей и вместе с ними - в идеале - остального бытия. Это общение может быть как прижизненным, так и посмертным. Я бы рискнул утверждать, что феномен энергетической подключённости к любимому существу, когда чувствуют, например, болезнь или другие серьёзные неприятности, вплоть до момента смерти, - чисто филосферный феномен. Посмертное общение выражается, как минимум, в том, что умершее любимое существо становится главным мерилом, критерием этической оценки жизни, персонифицированной совестью, как бы божеством. Ощущается незримое присутствие умершего любимого существа, и всё оценивается так, как оценило бы оно. При этом возможно и некоторое несогласие с его оценками, - прижизненные отношения сохраняются, продолжают развиваться, то есть живут после смерти одного

из субъектов этих отношений.

В филосфере осмысливается собственная жизнь как добровольное служение. Вне филосферы проблематичен не только смысл жизни, но и сама жизнь. Творчество не может быть самостоятельным смыслом жизни, даже если так кажется: творить надо ради кого-то, а не ради творчества самого по себе. Поэтому и духовная сфера может быть осмыслена только через филосферу. Для жизни вне филосферы должен быть другой термин - существование, в конечном счёте бессмысленное, поскольку и сама жизнь, и её смысл возможны только в филосфере. Среди особей вида *homo sapiens* есть живущие, а есть только существующие. По тому, кого вы насчитаете больше, - живущих или существующих, - можно отнести вас к оптимистам или пессимистам. С оговоркой, что живут, а не только существуют, лишь те, кто включён в филосферу (и создаёт, и составляет её, так как включиться в неё можно только активно), - с этой оговоркой можно принять тезис В. Франкла о том, что смысл у жизни есть всегда, его только надо найти, то есть осознать, а бессмысленной жизни не бывает.

Личность в ильенковском понимании, как индивидуальный "ансамбль всех общественных отношений", может возникнуть и развиваться только в филосфере. Существование личности (которую Э.В. Ильенков считал

возможным называть "душой") и зависит, и не зависит от состояния и существования организма, в котором она воплощена, материализована (ибо личность от начала до конца идеальна). Индивидуальный "ансамбль всех общественных отношений", то есть личность, то есть душа, может распасться до физической смерти, а может сохраниться и продолжать развиваться долго спустя после физической смерти. Иными словами, жизнь может оборваться до физической смерти (или вообще не начинаться, - в этом случае о личности, душе говорить вообще не приходится), а может продолжаться долго спустя, и отсюда - возможность посмертного общения. Это посмертное общение может быть столь же непредсказуемым, как и прижизненное, продолжением которого посмертное только и может явиться. отсюда вывод, который делает и Э.В. Ильенков, что личность - не всякий "ансамбль всех общественных отношений", а только человеческий, то есть включённый в философу, составляющий и созидаящий её. Впрочем, философа и есть наиболее существенный компонент, сущность этого "ансамбля".

9 апреля 1997

САМОРАЗВИТИИ ЧЕЛОВЕЧНОЙ ЛИЧНОСТИ

Посвящается академику
Алексею Александровичу Бодалёву,
Доктору психологических наук
Вилену Эммануиловичу Чудновскому
и доктору философских наук
Виктору Тимофеевичу Ганжину.

I

В современной общемировой экстремальной ситуации проблема реализации человечности в образе жизни человечества становится поистине проблемой жизни и смерти. Либо станем человеческими - и тогда выживем, либо не станем - и тогда самоуничтожение человечества можно считать неизбежным, рано или поздно.

Необходимость гуманизации человеческих отношений, гуманистического переустройства человеческого общества, остро осознавали многие мыслители. В частности, Эрих Фромм в книге "Иметь или быть" (1) к наиболее "радикальным гуманистам", независимо от религиозной или атеистической их ориентации, относит Будду, Майонида, Экхарта, Маркса, Альберта Швейцера, многих других, в том числе себя самого.

В указанной книге Э. Фромм даёт целую программу гуманистического переустройства общества вплоть до наброска его политической структуры, выдвигая, кроме всего прочего, идею замены представительной демократии - "демократией участия".

При этом Фромм фактически развивает учение Маркса об отчуждении человека от его собственной человеческой, родовой сущности, то есть от универсальности отношений с миром, в котором человек только и может существовать, но с которым человек до сих пор находился преимущественно в одном из всего бесконечного разнообразия возможных отношений, а именно - в отношении обладания. Это свед'ение всего богатства человеческих отношений с миром к одному-единственному - к

отношению обладания, - Фромм и называет ориентацией на то, чтобы иметь, а не быть. Фромм настаивает на несовместимости бытия и обладания, на необходимости, в интересах выживания человечества, выбрать бытие, а обладание - только самым необходимым, притом настолько необходимым, чтобы не прозябать "в унижительной бедности".

Речь шла у Маркса (2) не просто о примитивном "перераспределении" "вещественных богатств" на началах примитивной "справедливости", как его "поняли" вульгаризаторы, а о потребительстве человека

(человечества) по отношению к миру, которым он "живет", и об опасности самоуничтожения человечества вместе с исковерканной им частью мира, - самоуничтожения именно в результате потребительства, хищничества. Маркс был против свед'ения всего бесконечного универсального многообразия отношений человека с миром к одному лишь примитивному отношению обладания. Поэтому, трактуя взгляды Маркса, рассматривать категорию собственности в отрыве от категории родовой универсальной сущности, универсального характера отношений человека с миром, и от категории отчуждения от этой сущности, выражающегося в абсолютизации одного лишь отношения обладания, - значит грубейшим образом извращать и недопустимо упрощать мысль Маркса.

Преемственность Маркса и Фромма видна уже из самого названия книги последнего - "Иметь или быть". Так Фромм формулирует марксову основную дилемму: обладать ради обладания - или реализовать всё богатство отношений с миром, реализовать универсальную родовую сущность человечества как разумной формы жизни. Отчуждение, или ориентацию на обладание как на высшую ценность, Фромм считает ярчайшим проявлением дегуманизации человечества, и единственный выход - и единственную возможность спасения человечества от самоуничтожения в результате гипертрофии стремления "иметь" - Фромм видит в гуманистическом переустройстве жизни всего мирового сообщества, но не революционным, а эволюционным, очень постепенным путём.

Революционность Маркса, ориентацию на мессианскую роль пролетариата и его классовой борьбы в судьбах человечества, Фромм относит на счёт исторических условий, в которых жил Маркс, и говорит, что Марксу следовало бы родиться на сто лет позже, - сейчас он был бы лучше понят перед угрозой разного рода глобальных катастроф. Я тоже склонен объяснять революционность Маркса прежде всего тем, что в современную Марксу эпоху и во все предшествующие исторические эпохи не было видно никакого другого способа решения социальных проблем, кроме классовой борьбы. Оснований для другого вывода известный Марксу и Энгельсу материал истории не давал. Угроза самому существованию человечества в то время казалась далекой абстракцией, и можно было, казалось, позволить себе роскошь междоусобицы, поскольку настоящей необходимости объединения человечества перед угрозой гибели не было. Приоритет общечеловеческих ценностей над классовыми стал возможен только тогда, когда такая непосредственная угроза существованию человечества, да ещё сразу с нескольких сторон, стала фактом. Эту непосредственную угрозу, видимо, можно считать необходимым условием объединения человечества путём глобальной гуманизации его жизни, в том числе условием будущей бесклассовости. Но следует подчеркнуть, что, в отличие от собственных радикальных последователей, Маркс и Энгельс видели в классовой борьбе только средство решения социальных проблем, а никак не самоцель.

Во всяком случае, "душу", сущность марксизма Фромм видит именно в концепции отчуждения, в теоретических (прежде всего) поисках путей его снятия, и не усматривает никакого противоречия между "молодым" и

"зрелым" Марксом: "зрелый" Маркс в политэкономии искал именно решение проблемы снятия отчуждения, в политэкономии Маркса завела внутренняя, имманентная логика его исследований.

(Следует, видимо, пояснить, что в философской традиции, когда говорят о "человеке", обычно имеют в виду "человечество". В психологии по понятным причинам это не так: "человек" - единичный представитель человечества, индивид; о личности разговор особый, чуть ниже.)

В контексте бегло очерченной глобальной проблемы гуманизации отношений мирового сообщества с самим собой и окружающим миром (космосом) человечность должна стать ни много ни мало как смыслом жизни "каждого живого человека" (слова в кавычках принадлежат Э.В. Ильенкову (3)). Конкретизировать психологическое значение и содержание проблемы смысла жизни с опорой прежде всего на исследования В. Франкла попытался В.Э. Чудновский (4), который считает смысл жизни "буферным" психологическим механизмом, обеспечивающим относительную независимость личности как от "внешних" (прежде всего социальных, в том числе возникающих в межличностных отношениях) воздействий, так и от "внутренних" импульсов (всякого рода влечений, - так и хочется сказать: от стихии бессознательного). Понятно, что без такого "буферного" механизма, в сущности позволяющего личности оставаться самой собой, оставаться свободной, к чему бы ни "тянуло" "изнутри" и к чему бы ни вынуждали (а то и грубо принуждали) "внешние обстоятельства", - без этого не приходится и говорить о какой-либо устойчивой, в данном случае человеческой или бесчеловечной, ориентации личности.

Названные и многие другие исследователи единодушны в том, что речь идёт ни много ни мало как о выживании человечества, и что проблема выживания ставится и обостряется именно антигуманным, ориентированным на обладание ради обладания, характером человеческой деятельности, направленностью социального "прогресса" в сторону "технократического фашизма" (термин Э. Фромма). Отсюда требование глобальной гуманизации жизни человечества, гуманистической ориентации социального прогресса на всех уровнях, во всех областях - от техники до образования, от математики до поэзии и музыки. Э. Фромм особенно настаивает в связи с угрозой "технократического фашизма" (или "фашизма с улыбающимся лицом") на избирательном характере дальнейшего прогресса материального производства, на его гуманистической ориентации: производить только то, что служит на пользу, а не во вред существованию человечества и всей той части вселенной, непрерывно расширяющейся, в которой человечество активно действует.

При всяком общественном переустройстве, тем более радикальном, без диктатуры, кажется, не обойтись, но и диктатуру вряд ли можно признавать за такое уж безусловное благо на все времена. Диктатура - не универсальное решение всех проблем, а способ выживания (в данном контексте безразлично, чьего именно выживания). Но всякое выживание - дело вынужденное. Чтобы выжить, без слишком многого приходится обходиться. И Фромм знает лучше кого другого, что всю дорогу человечество было и остаётся в тисках той или иной диктатуры, а на длительное эволюционирование может не оказаться времени. Длительное эволюционирование - непозволительная роскошь, когда налицо непосредственная угроза физическому существованию. В том-то, пожалуй, и проблема, как бы нам наконец создать условия для нормального длительного эволюционирования, то есть для нормальной жизни, а не выживания.

Думается, правда, что диктатуру всё же не стоит отождествлять с режимом террора, более/менее глобальных репрессий, а демократию - с

анархией. Трудно отрицать необходимость жёсткого контроля над ситуацией, чтобы эта ситуация была управляемой. Вообще интересно разобраться с вопросом о соотношении диктатуры и ответственности: в какой степени ответственность предполагает, требует диктатуру? Как избежать сползания диктатуры в террор, а демократии - во вседозволенность, то есть анархию? Но поскольку мы претендуем на то, чтобы быть разумными существами, постольку мы обязаны устанавливать контроль над процессами не только в природе, но и в обществе, а этот контроль вряд ли осуществим без более/менее жёсткой диктатуры.

Но как быть тогда с вожделенной свободой? В том-то и дело, что свобода - никак не произвол, не каприз, не "что хочу, то и ворочу", а именно возможность предвидеть и предотвращать нежелательные последствия того или иного "прогресса". Свобода - это возможность разумно решать встающие проблемы, а не "возможность" полной беспрепятственности, осуществляемая разве что на том свете. Но решение социальных проблем вряд ли возможно без более/менее жёсткого противостояния разнообразнейшим антисоциальным тенденциям в обществе, - зоологическим и явно человеконенавистническим, - следовательно, без диктатуры. До тех пор, пока существуют эти антисоциальные тенденции, мы и вынуждены будем не столько жить, сколько выживать. И полная свобода для всех, может быть, реальна не раньше, чем все поголовно станут действительно людьми, а не животными или преступниками, и появится наконец роскошная возможность нормального спокойного развития, спокойного эволюционирования. Жизни, а не выживания.

Ленин (5) был прав, когда указывал, что во все времена в любом обществе существовала одновременно и диктатура, и демократия, - смотря для кого. Однако он напрасно чересчур нажимал на "большинство" и "меньшинство" населения: реально дело вовсе не в том, кого больше, - тех ли, для кого демократия, или тех, против кого диктатура. Дело в том, чтобы не было сползания ни в зоологию, ни в самоубийственное безумие.

Демократия для всех - при условии, что все без исключения будут разумными существами, а если нет - то диктатура. Диктатура человечности, разума, ответственности за судьбы человечества и мира в целом. Ленин же установил именно диктатуру зоологии и безумия над ростками разума.

Социальная диктатура - порождение диктата общебиологического закона выживания. Пока мы вынуждены выживать, мы вынуждены менять шило на мыло, одну диктатуру на другую, то есть отвечать на общебиологический диктат той или иной формой социальной диктатуры - в интересах выживания! Так же вынуждены отвечать на него и стайные животные, в сообществах которых устанавливается диктатура самых здоровых, сильных и агрессивных. У Булгакова в "роковых яйцах" (6) чётко просматривается закономерность, - слишком чётко, чтобы допустить мысль о её неосознаваемости самим автором: чем жизнеспособнее организм, тем агрессивнее.

Как совместить гуманизм, духовность - и жизнеспособность? Как сделать любовь условием жизнеспособности? Вот проблема, решить которую может только разумная форма жизни, и решение которой является поэтому экзаменом на разумность тех или иных существ. Постановка этой проблемы - только заявка на разумность; сдачей экзамена на разумность может быть лишь решение этой проблемы, а не только её постановка.

Человечество экзамена ещё не сдало. Поставив с незапамятных времён, и вынужденное всё более остро ставить, проблему духовности, гуманизма, любви в самом широком смысле слова как условия жизнеспособности, условия освобождения от диктата общебиологического

закона выживания, - поставив эту проблему, человечество подало заявку на разумность в некую высшую историческую инстанцию; заявку на то, чтобы иметь историю, а не только предысторию; заявку на будущее. Эта будущая история и есть та самая высшая инстанция, - история действительно разумной формы жизни, действительно разумных существ, а не только называющих себя разумными.

Но экзамен надо ещё сдать; поставленную проблему - решить; разумными - стать. И похоже, ждать уже недолго. Сам закон биологического выживания уже берёт нас за горло, начинает по-настоящему душить, нашими же руками, нашей же собственной жизнедеятельностью, - и либо задушит, либо вынудит стать разумными.

Одно из важнейших условий "сдачи" человечеством "экзамена на разумность" - реализация идеи В.И. Вернадского об "автотрофности человечества" (7). Опираясь на многочисленные естественно-научные исследования, Вернадский пишет, что по способу питания все организмы подразделяются на три больших типа: автотрофные - добывающие всё необходимое для своего существования непосредственно из окружающей "косной", то есть неживой, среды, - из солнечной энергии, из атмосферы, из почвы и т.п. (это прежде всего растения и многие микроорганизмы); гетеротрофные - питающиеся другими организмами, только через посредство других организмов способные добыть всё необходимое для своего существования (это все животные); и миксотрофные - способные питаться как первым, так и вторым способом (некоторые растения и микроорганизмы).

Человек как гетеротрофное существо оказывается самым страшным хищником на планете, ибо его деятельность имеет планетарный масштаб, а теперь, с выходом в космос, ещё более широкий. Однако именно потому, что человеческая деятельность есть фактор космического масштаба, человек может не только быть самым страшным хищником, но и стать самым мирным существом, перейдя на автотрофный способ питания и тем доказав и укрепив свою разумность.

Речь идёт о проблеме искусственного питания, которую, по мнению В.И. Вернадского, могут полностью решить несколько (может быть, два - три) поколений ученых, - при условии б'ольшей концентрации сил и средств, чем до сих пор имела место в науке вообще (Вернадский сетует, что по сравнению с военной и многими другими областями жизни человечества на науку, как решающую производительную силу, затрачивается ничтожно мало). Иными словами, проблема искусственного питания может быть полностью решена в ближайшем будущем, и тогда человек станет поистине уникальным существом - "автотрофным позвоночным". Последствия такой пищевой революции трудно себе даже представить.

Сейчас человечество - переходная форма жизни от неразумных форм к разумной. Как самый страшный хищник, гетеротрофный в космическом масштабе, человек всё больше становится БЕЗУМНЫМ СУЩЕСТВОМ . о, уничтожающим условия не только своего собственного существования, но и существования всего живого на планете Земля. Однако В.И. Вернадский не склонен к отчаянию. Наоборот, он полон оптимизма. Переход на автотрофный способ питания может положить конец безумному хищничеству человечества, и с этой пищевой революции, как поворотного пункта, вероятно, наконец-то начнётся история человечества как действительно разумной формы жизни, - кончится эра предыстории, эра перехода от бесчисленных неразумных форм жизни к подлинно разумной, - кончится эра безумия (ибо безумие, в полном согласии с основными законами диалектики, можно понять не только в качестве повода для отчаяния и апокалиптических пророчеств, но и как форму перехода к действительно

разумному образу жизни, форму становления разума).

Автотрофность - одно из важнейших, но всё же не единственное и не решающее условие "сдачи" человечеством "экзамена на разумность". Решающее условие, как всей своей книгой подчёркивает Э. Фромм - изменение самих людей, изменение их ориентации с обладания, отчуждения, хищничества - на бытие, на существование в гармонии со всей вселенной, а не за счёт уничтожения той её части, что уже вовлечена в сферу нашей безумной погони за "обладанием". Переход на автотрофный способ питания мог бы, пожалуй, существенно облегчить такую переориентацию, но дожидаться этого перехода, возлагать на него все надежды никак не приходится. Работу нужно вести во всех направлениях, и решающее направление всё же не естественно-научное, а общегуманитарное, духовное, и прежде всего - психолого-педагогическое. Выражаясь несколько метафорически, одновременно с решением проблемы физической автотрофности человечества, и даже независимо от решения этой проблемы, надо решать проблему его "духовной автотрофности", то есть ту самую проблему переориентации с хищничества на гуманное, человеческое бытие.

II

С этих позиций главной психолого-педагогической проблемой приходится признать проблему реализации человечности абсолютно каждым человеком как по отношению к самому себе, так и по отношению к окружающим людям, к миру в целом. только при этом условии "каждого живого человека" можно было бы признать полноценной, а не ущербной личностью, - то есть, по Э.В. Ильенкову, такой "человеческой индивидуальностью", которая способна стать и быть "полномочным представителем рода человеческого", носителем общечеловеческой культуры. Для Э.В. Ильенкова само собой разумеется, что культура вообще может быть только человеческой, нравственной; он и определяет культуру как всё, что сделано человеком **ДЛЯ** . о (а не **ПРОТИВ** . о!) человека; иное он не признавал ни за культуру, ни вообще за нечто достойное названия и звания "человеческого".

Проблема реализации человечности в жизни каждого оборачивается проблемой личностного качества каждого. И к наивысшему качеству приводит тот вариант саморазвития личности, содержание которого - пожизненная конкретизация человечности личностью в своих отношениях с самой собой и с окружающими людьми.

Под "конкретизацией человечности" имеется в виду как уточнение своих представлений о том, что человеческо, а что бесчеловечно, так и соответствующая этому уточнению корректировка или радикальная перестройка собственного образа жизни. Если не делается попыток реализовать свои представления о человечности в собственном поведении, представления эти, в терминологии Э. Фромма, остаются "идеологией", не становясь "религией", - то есть остаются чем-то внешним, декларируемым правилом, а не имманентно действующим законом жизни. В более привычных для меня терминах, идущих от Э.В. Ильенкова (который ссылается здесь на Гегеля), фроммовской "идеологии" соответствует термин "мораль", а "религиозности" - "нравственность" (одно декларируется, другое реализуется; одно - "правило", некая внешняя норма или система норм, а другое - закон отношения человека к самому себе и к миру "по-человечески", то есть нравственно; закон нравственности, закон человечности, который нельзя нарушить, не перестав быть нравственным, человеческим, а потому этот закон либо реализуется в повседневной жизни человека, либо по существу отвергается при всём, возможно, "моральном" перед этим законом расшаркивании) (8).

Под "конкретизацией человечности" имеется в виду так же и сам

процесс формирования представлений о человечности и воплощения этих представлений в свой образ жизни, то есть процесс превращения их в закон своей жизни. В этом аспекте под "абстрактностью человечности" имеется в виду не столько декларация тех или иных моральных норм, сколько просто б'ольшая или меньшая неясность в вопросе о том, как в той или иной ситуации поступить человечно, а как - бесчеловечно, при самом, возможно, горячем желании поступить именно человечно; неясность, в течение жизни постоянно устраняемая (при условии, что человек не ограничивается декларациями, а действительно на собственном опыте учится человечности), но до конца, видимо, никогда не устраняемая из-за неисчерпаемого разнообразия предлагаемых жизнью дилемм; неясность, в начале жизни вообще неизбежная, и её устранение по мере накопления опыта человечности и бесчеловечности (своей и чужой) как раз и называется здесь процессом пожизненной конкретизации человечности.

Учитывая всё сказанное, можно попытаться дать более общее, и в то же время более полное, определение конкретной человечности: это реализация (или хотя бы упорно возобновляемые попытки реализации, ВОЛЯ к реализации) ответственности за себя перед своей совестью; реализация стремления помочь, а не навредить; готовность - лишь бы не навредить - проверить любые этические нормы на адекватность единичной ситуации, в которой догматическое (некритическое) применение этих норм может привести к прямо противоположному результату - к бесчеловечности вместо человечности, к человеческому жертвоприношению, то есть к принесению интересов живого человека (вплоть до самых жизненно значимых), интересов сохранения межличностного (семейного, дружеского), социального, экологического благополучия, равновесия, - в жертву морально-этической абстракции.

Короче, конкретная человечность - это реализация взаимной ответственности, а бесчеловечность - реализация безответственности, хотя бы прикрываемая какими угодно высокоморальными ("идеологическими", по Фромму, а попросту демагогическими) декларациями. Основным критерий различения абстрактной и конкретной человечности - ценностный: что самоценно, что высшая ценность, цель и руководство к действию, - то ли мои представления о должном, то ли реализация этого должного в моих отношениях с собой, с людьми и миром в целом.

Ответственность мною понимается очень широко, - как важнейшая характеристика разумности человечества и человеческих существ. Ответственность предполагает долженствование, долг сохранения человеческой жизни и природы, окружающей и включающей в себя человечество, вовлечённой человечеством в свою жизнедеятельность. Ответственность - это долг любви как в узком смысле (долг сохранения жизни и здоровья близких), так и в широком (долг сохранения условий существования человечества, а значит, сохранения природы). Словом, ответственность - это космический и индивидуальный долг любви, предполагающий диалектическое отождествление космического и индивидуального.

К. Муздыбаев пишет: "Как бы ни трактовалась ответственность разными авторами - как подотчётность, наказуемость, обязанность или свойства характера личности, вина, - при системном рассмотрении главным становится отношение субъекта и объекта ответственности, его предпосылки и динамика" (9). Так как природа является объектом человеческой деятельности, она одновременно является и объектом общечеловеческой ответственности. Разумная форма жизни тем и отличается от неразумной, что может быть субъектом ответственности по

отношению к природе как объекту ответственности, и, собственно, разумная форма жизни разумна лишь постольку, поскольку может выступать по отношению к природе и самой себе в качестве субъекта ответственности. Это полностью относится и к каждому отдельному разумному существу. Оно - разумное существо постольку, поскольку отвечает за себя, за всю разумную форму жизни и за окружающую её природу. Одновременно это и характеристика полноценности разумного существа именно в качестве разумного.

Каждый из нас - одновременно и субъект, и объект ответственности. Пока мы безответственны (в детстве, например), мы - объекты ответственности других людей (родителей, педагогов, общества в целом). Если мы безответственны по причине душевного или физического нездоровья, или в социальном отношении (как уголовные преступники, например), мы опять же должны быть объектом ответственности общества, его соответствующих структур. Но и наоборот: если вполне здоровые, полноценные члены общества оказываются без средств к существованию, если общество устроено так, что человеческая жизнь приносится в жертву прежде всего, легче всего и чему угодно, - то такое общество может и должно быть объектом реформаторской, даже революционной ответственности своих членов.

Таким образом, ответственность, как долг любви, предполагает не только сохранение существующего порядка вещей, но и его переустройство, преобразование. "все виды ответственности, - подытоживает К. Муздыбаев, - объединяет то, что они представляют собой формы контроля за деятельностью субъекта на разных её этапах и характеризуют ответственность либо с позиции общества, либо с позиции личности" (10).

Понятие человечности можно как-то конкретно определить лишь в соотношении с понятием гуманизма. Гуманизм - это мировоззренческая система, антропокосмическая (термин Н.Г. Холодного (11)) картина мира. Высшей ценностью и точкой отсчёта в этой системе является человечество, его место во вселенной, его сохранение, дальнейшее существование внутри вселенной и вместе с ней. Самоценность человечества не может не иметь космического масштаба: как писал Маркс, "человек ЖИВЁТ . о природой", то есть человечество существует, в принципе может существовать лишь внутри вселенной и до тех пор, пока существует вселенная; поэтому одновременно с самоценностью человечества приходится постулировать самоценность всего мира, всего космоса, всей вселенной, уж во всяком случае той, непрерывно расширяющейся, её части, которая непосредственно вовлечена в деятельность человечества. Антропокосмизм оказывается поэтому наиболее последовательным, до конца, до расстановки всех точек над Y продуманным, вариантом гуманистического мировоззрения, - вариантом, в основе которого лежит диалектическое отождествление человечества со вселенной, микрокосмоса (в данном случае как человечества, так и каждого отдельного его представителя) - с макрокосмосом.

Отсюда гуманистическая этика, в основе которой лежит категория ответственности (я убеждён, что невозможно короче и точнее выразить сущность гуманистической этики, чем знаменитой формулой: "Я отвечаю за всё"). Логическим следствием понимания категории космической ответственности как основы гуманистической этики оказывается переосмысление категорий разума и безумия: что ответственно - то разумно, что безответственно - то безумно. То же самое с категориями совести и бессовестности: совесть предполагает ответственное, следовательно разумное, отношение к себе и ко всему миру, а бессовестность - безответственное, следовательно безумное. "Совесть, -

пишет К. Муздыбаев, - представляет собой сознание и переживание человеком ответственности, основанные на самооценках исполнения обязанностей" (12). Человечество не может сохранить себя, собственную жизнь, не беря на себя ответственности за жизнь, существование всей вселенной, - как минимум той, что вовлечена и вовлекается в орбиту человеческой деятельности. Этот приоритет ответственности ради сохранения жизни П.А. Сорокин формулирует курсивом, подытоживая изложение своей мировоззренческой системы, которую он называет "интегрализмом": " ЖИЗНЬ. ДАЖЕ САМАЯ ТЯЖЁЛАЯ - ЭТО ЛУЧШЕЕ СОКРОВИЩЕ В МИРЕ. СЛЕДОВАНИЕ ДОЛГУ - ДРУГОЕ СОКРОВИЩЕ, ДЕЛАЮЩЕЕ ЖИЗНЬ СЧАСТЛИВОЙ И ДАЮЩЕЕ ДУШЕ СИЛЫ НЕ ИЗМЕНЯТЬ СВОИМ ИДЕАЛАМ. ...ЖЕСТОКОСТЬ, НЕНАВИСТЬ И НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ НЕ МОГУТ И НИКОГДА НЕ СУМЕЮТ СОЗДАТЬ НИЧЕГО ВЕЧНОГО НИ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ, НИ В НРАВСТВЕННОМ, НИ В МАТЕРИАЛЬНОМ ОТНОШЕНИИ . о"

(13).

Человечность является практической реализацией гуманизма, с одной стороны, а с другой - предпосылкой, практической основой, опорой для формирования, выработки гуманистического мировоззрения. То есть между гуманизмом и человечностью точно такое же диалектическое соотношение, как в классической марксистской гносеологии - между познанием и практикой: "Практика - источник, цель и критерий истинности познания". Перефразируя приведённую формулу, можно сказать: "Человечность - источник, цель и критерий истинности гуманистического мировоззрения".

III

В контексте намеченной гуманистической этики, в контексте категорий ответственности, разума и совести, интерпретируется и исходное для меня понимание Э.В. Ильенковым категории личности.

Личность понимается Э.В. Ильенковым как "человеческая индивидуальность", которая, в отличие от зоологической (биологической) индивидуальности, фокусирует, замыкает на себе, интериоризирует (то есть воплощает в своей человеческой, социальной (в отличие от физиологической) жизнедеятельности) и в течение всего своего

жизненного цикла реализует человеческую ("родовую") сущность, под которой в соответствии с "Тезисами о Фейербахе" К. Маркса (14) Э.В. Ильенков имеет в виду "ансамбль всех общественных отношений", то есть универсальность, в конечном счёте космическую, отношений человечества с миром. В книге "Об идолах и идеалах" Ильенков, характеризуя нормальную, всесторонне и гармонично развитую личность, говорит, что такое гармоничное развитие как раз и предполагает максимально достижимую для каждого индивида ("каждого живого человека") и как можно более полно реализуемую универсальность отношений с самой собой и с окружающим миром. Это возможно, по мысли Ильенкова, при соблюдении четырёх основных условий:

1. овладение культурой мышления, то есть диалектикой (развитие универсальной способности, умения диалектически мыслить).
2. Овладение мировой художественной классикой (развитие универсальной способности к воображению вплоть до высшей его формы - интуиции).
3. овладение этической культурой (развитие универсальной способности относиться к себе и к миру "по-человечески", то есть нравственно, человечно).

Под универсальными способностями, в отличие от специальных, в том числе профессиональных, имеются в виду те, без наивозможно высокого развития которых немыслима никакая универсальность отношений с миром и собой как его частью, никакая всесторонность, гармоничность личности, - то есть немыслима реализация "каждым живым человеком" собственной родовой, общечеловеческой сущности. Все три перечисленные универсальные способности обеспечивают духовное здоровье личности.

4. Наконец, овладение культурой поддержания и улучшения физического здоровья, культурой гигиены, оздоровительного спорта и т.п. (развитие универсальной способности сознательно регулировать по возможности нормальное функционирование своего тела, "телесной организации" (термин Маркса), что вполне реально и при физической инвалидности, и при какой-либо тяжкой хронической болезни, - заботиться хотя бы о сохранении status quo, о том, чтобы не было хуже, если уж нельзя сделать лучше).

Таким образом, если реализация универсальности человечеством совпадает с реализацией космической миссии человечества как разумной формы жизни, то реализация универсальности "каждым живым человеком", превращение "каждого живого человека в личность", и именно нормальную, всестороннюю, гармоничную, - совпадает с реализацией высшей миссии каждого из нас в качестве разумного существа, то есть ответственного, нравственного, словом - человеческого. Или, в терминологии Фромма, совпадает с реализацией каждым из нас "бытия", а не одного лишь "обладания", - совпадает с тем, чтобы каждому из нас прежде всего "быть", а "иметь" постольку, поскольку это необходимо для бытия.

Поэтому предельно кратко можно определить нормальную (то есть не отчуждённую, а гармоничную, универсальную) личность как разумное существо. Тезис о личности как разумном существе является всего лишь логическим выводом из кратко обозначенной выше ильенковской концепции личности. И смысл своей работы с детьми, как и вообще смысл всей своей жизни, я вижу в посильном участии в поисках путей реализации этой концепции, то есть в поисках путей превращения "каждого живого человека" в разумное существо, а, следовательно, всего человечества - в действительно разумную форму жизни.

В психолого-педагогической практике особое внимание должно уделяться человечности именно в качестве источника формирования гуманистической системы убеждений. Здесь может быть намечена следующая поэтапность:

1. Изначальная стихийная практика человечности.
2. Осознание этой практики вплоть до уровня формирования гуманистической, антропокосмической картины мира, с соответствующими этическими выводами из неё.
3. Сознательная реализация сложившегося (и непрерывно эволюционирующего, конкретизируемого) гуманистического мировоззрения в собственном образе жизни, в межличностном общении, во взаимодействии личности со всем окружающим и включающим её в себя миром.

IV

Реализация человечности - как стихийная, так и сознательная - происходит внутри процесса саморазвития личности.

Речь идёт именно о саморазвитии в том смысле, что личность - как "человеческая индивидуальность", как носитель и полномочный представитель родовой, общечеловеческой сущности, - есть результат её личных усилий во всём главном, принципиальном для её существования среди себе подобных. Это не значит, что мы "саморазвиваемся" в одиночку. Вовсе нет. Это значит, что, кто бы нас "целенаправленно" ни "формировал", ни "воспитывал", ни "делал", кто бы ни пытался нас

"лепить" по чьему бы то ни было "образу и подобию", - Господа Бога или Дедушки Ленина, - успех или неуспех всех "формирующих", "воспитывающих", "делающих", "лепящих" "воздействий" зависит от того, что именно делаем, как именно живём мы сами. Сопровождаемся - или поддаёмся "воздействиям".

Кто бы и что бы мне ни проповедовал, к чему бы ни призывал, - он за меня своих проповедей и призывов ни в коем случае не реализует, не сможет. Как бы ни хотел. И это факт, о который мы спотыкаемся на каждом шагу, - пытаюсь ли воспитывать детей, чему бы то ни было их научить; пытаюсь ли "облагодетельствовать", "осчастливить" ближнего, сделать ему "добро"; взывая ли к окружающим людям, - безразлично, к детям или взрослым, - чтобы они соответствовали нашим представлениям о них, какими они "должны быть"; манипулируя ли людьми, - безразлично, детьми или взрослыми, - силой или обманом принуждая их делать то, что нам угодно, навязывая им нашу волю.

Поэтому, когда мы говорим о становлении (зарождении) и развитии личности, мы, осознаём это или нет, говорим о её саморазвитии, кто бы и как бы в этом процессе помимо сам'ой личности ни участвовал. Все мы только участники саморазвития друг друга, не более, но и не менее, потому что без участников саморазвитие невозможно: нельзя стать человеком без участия в этом становлении других людей.

Таким образом, настаивая на тезисе, что всякое развитие личности есть саморазвитие, я ни в коей мере не имею в виду никакой робинзонады, никакой изолированности, "отдельной взятости" этого процесса. Наоборот, ошеломляющая диалектическая красота исследуемого нами процесса заключается в том, что никакое единичное саморазвитие невозможно без переплетения со множеством других единичных

саморазвитий, без их взаимопроникновения. Речь идёт о диалектическом тождестве развития и саморазвития, о совпадении противоположностей, то есть противоположно - навстречу друг другу - направленной активности субъектов общения. Пытаясь чему-то научиться, решить какую-то проблему, мы саморазвиваемся; пытаюсь же помочь другому человеку в решении его проблем, подсказать ему какое-то решение, посоветовать, прямо показать, вместе с ним решить, - мы развиваем. Специфика диалектического отождествления в том и состоит, что одно предполагает, а не отменяет другое, - развитие предполагает саморазвитие и без него неосуществимо, но и саморазвитие неосуществимо без развивающего участия других людей в этом процессе. Да и вообще речь идёт не о двух разных процессах, а об ОДНОМ И ТОМ ЖЕ . о процессе, рассматриваемом с позиций разных его участников: с позиций, скажем, ребёнка - это саморазвитие, а с позиций взрослого - развитие.

Разумеется, на практике такого уж чёткого разграничения этих позиций может не быть: ученик, сопротивляясь учителю, развивает его педагогическое мастерство, стимулируя тем самым его саморазвитие; учитель, пытаясь чему-то научить и не достигая успеха, вынужден саморазвиваться в методическом отношении, "подбирать" к ученику методический "ключик", чтобы развить у ученика желаемую способность, сформировать желаемый навык. Ещё сложнее взаимопереплетение развития и саморазвития у взрослых: в сложных обстоятельствах я обращаюсь к друзьям за советом, собираю как бы "банк советов", анализирую, что-то принимаю к исполнению, что-то нет, - то есть саморазвиваюсь и одновременно не только позволяю, а прошу меня развивать, но в сознательно выбранном мною самим направлении.

Сущность всякого саморазвития - как стихийного, так и сознательного, - качественное изменение, перестройка в видении мира,

самого себя, своей роли в этом мире; перестройка не только в отношениях с миром в целом, в общении с другими людьми и самим собой, но и в поступках, в деяниях, которые субъект начинает активно практиковать. Это сущность прежде всего саморазвития, потому что приоритет тут принадлежит интрагенной, внутренне мотивированной и стимулируемой, собственной активности саморазвивающегося субъекта.

Любые развивающие воздействия могут быть успешными лишь постольку, поскольку личность действует сама, - пусть даже вынужденно, даже вследствие принуждения, но сама. Живой человек, живой ребёнок никогда не может быть простым "объектом воздействий", "предметом обработки" наподобие глины, дерева и т.п.. Тут с самого начала возможна только "самообработка", только собственное действие, собственное, личное усилие, - неважно, кто и что побуждает действовать, - на то субъект. Действия, усилия всегда внешне как-то обусловлены, но действовать субъект может только сам, и только собственное действие может произвести в нём какое бы то ни было качественное развивающее изменение. причём это собственное действие ни в коем случае не должно быть шаблонным, совершаемым по застывшей схеме, - иначе никакого развивающего эффекта не будет, зато возможен весьма даже мощный деградирующий, разрушительный эффект.

Вообще содержание человеческого общения составляет процесс взаимодействия, взаимообусловленности, взаимопроникновения индивидуальных саморазвитий. Отсюда уже выдвинутый выше тезис о диалектическом тождестве развития и саморазвития: это один и тот же процесс, рассматриваемый со стороны его участников, общение которых даёт взаимно развивающий эффект, так как неизбежно создаёт проблемные ситуации, из которых субъекты общения вынуждены искать выход. Та же диалектика работает и в случае заочного общения (с авторами книг, музыки, радио-и телепередач и т.п., а так же в случае эпистолярного общения): чужие мысли и чувства стимулируют, обогащают, развивают собственные; развивающий эффект заочного общения может быть очень значительно выше развивающего эффекта общения непосредственного. Сошлюсь хоть на собственный пример: будучи слепоглухим, я своим духовным развитием в большей мере обязан общению через книги (в том числе - и особенно - труды Э.В. Ильенкова), чем непосредственному личному общению (даже с тем же Э.В. Ильенковым).

Диалектически совмещаясь, отождествляясь, развитие и саморазвитие ни в коем случае не подменяют друг друга. Речь идёт о диалектическом тождестве внешнего (развития) и внутреннего (саморазвития), о тождестве ("а не "единстве" только", как подчёркивал по другому поводу Э.В. Ильенков) противоположностей, которые, сколь бы полностью ни совмещались, ни совпадали, ни отождествлялись, не перестают быть противоположностями. Развитие и саморазвитие - именно противоположности, и в качестве противоположностей они не могут быть ни шире, ни уже друг друга; они действуют в одном и том же "пространстве", и оба охватывают это "пространство" целиком, а не являются частным случаем (разновидностью) одно другого (традиционно: саморазвитие - развития).

Процесс развития/саморазвития можно, таким образом, понять только с диалектических, а не классификационных позиций. Это очень важный методологический принцип, игнорирование которого не может дать ничего, кроме безнадёжной путаницы.

V

По существу, теоретической основой всей работы лауреатов Государственной Премии СССР за 1980 год И.А. Соколянского и А.И.

Мещерякова со слепоглухонемыми детьми является именно диалектическое тождество развития и саморазвития. Альфа и Омега их психолого-педагогической практики - собственная активность слепоглухонемого ребёнка, которая, однако, никакого "саморазвивающего" эффекта никогда не даст, если не будет специально направляться, стимулироваться, провоцироваться педагогом. Поэтому, постоянно подчёркивая решающее значение собственной детской активности, И.А. Соколянский, А.И. Мещеряков, а вслед за ними Э.В. Ильенков (15, 16), не менее настойчиво подчёркивают значение процесса "целенаправленного формирования психики".

Более наглядную иллюстрацию диалектического тождества развития и саморазвития вряд ли возможно себе представить, и тем не менее эта основная идея осталась непонятой оппонентами И.А. Соколянского, А.И. Мещерякова и Э.В. Ильенкова, которые видят лишь "целенаправленное формирование психики ОТ НУЛЯ . о до самого высокого уровня", умудряясь не заметить (или не желая замечать), что это "целенаправленное формирование" процессуально сводится к всяческому "провоцированию", стимулированию, направляющему поощрению собственной детской активности, то есть саморазвития.

Правда, может быть, оппонентов сбивает с толку то, что сами Соколянский, Мещеряков и Ильенков термин "саморазвитие" избегали, понимая его как простое созревание, чуть ли не автоматическое развёртывание заложенной "в генах папы с мамой" программы, - развёртывание, не требующее никакого специального психолого-педагогического вмешательства. То есть идея саморазвития была для этих авторов идеей чисто преформистской, и в качестве таковой они её категорически отвергали.

Собственная психолого-педагогическая практика вынудила меня вернуться к понятию саморазвития, переосмыслив его не в преформистском, а в мещеряковско-ильенковском духе, - в духе опоры на собственную детскую активность как решающую движущую силу процесса становления личности, без которой (движущей силы) любые "целенаправленно формирующие" усилия останутся бесплодными.

Саморазвитие личности начинается с момента рождения и может продолжаться в течение всего жизненного цикла, то есть до самой смерти, а может и оборваться. оборвётся оно или будет пожизненным, зависит от характера совместно-разделённой деятельности (общения) с окружающими людьми, которая может либо инициировать и ускорить саморазвитие, либо задержать и даже полностью остановить его, даже стать причиной обратного процесса - деградации.

Термином "совместно-разделённая деятельность" И.А. Соколянский и А.И. Мещеряков обозначали характер взаимодействия между взрослым и ребёнком, механизм "руководства" (здесь это слово надо понимать буквально, как "вождение за руку") (17), осуществляемого взрослым по отношению к слепоглухонемому ребёнку. Суть этого механизма в том, что взрослый берёт ребёнка за руку и ДЕТСКОЙ РУКОЙ . о пытается выполнить то действие, которому ребёнка надо научить. Это "вождение рукой" продолжается вопреки сопротивлению ребёнка до тех пор, пока ребёнок не попытается какую-то часть действия выполнить самостоятельно. К таким попыткам надо быть сугубо внимательными, и как только появятся проблески собственной активности ребёнка в желательном для нас направлении, "руководящее усилие" надо тут же ослаблять. Поэтому часто говорят не просто о совместно-разделённом, а о совместно-разделённом ДОЗИРОВАННОМ . о действии (18). В сознательной дозировке взрослой активности по отношению к детской, в ослаблении взрослой по мере нарастания детской, - именно в этом смысл и сущность принципа

совместно-разделённого дозированного действия.

Нетрудно убедиться, что такая дозировка активности ничуть не специфична именно для работы со слепоглухонемыми детьми. Поэтому является недопустимым упрощением и извращением сути дела тезис о том, будто совместно-разделённая дозированная деятельность - это якобы специально тифлосурдопедагогическая "методика", нигде больше, ни с какими другими детьми, кроме слепоглухонемых, не применимая и не пригодная, да и к слепоглухонемым детям применимая якобы лишь на первоначальных этапах их обучения и воспитания, а дальше уже вступают в силу традиционные школьные методы. Нет, совместно-разделённая дозированная деятельность - ни в коем случае не частное методическое ухищрение. Это принцип, закон, имеющий всеобщее значение, и философ, действительный член Российской Академии Образования, друг и единомышленник Э.В. Ильенкова, Ф.Т. Михайлов (19) не даром считает дозировку активности партнеров по деятельности всеобщим законом, сущностью всякого человеческого взаимодействия.

Тем более этот закон должен лежать в основе всякой психолого-педагогической практики. Это ведь не что иное, как закон формирования собственной детской активности, закон формирования самостоятельности в чём бы то ни было, закон формирования и организации детского саморазвития.

Доза активности руководителя имеет решающее значение, она должна быть определена с не меньшей точностью, чем доза лекарства. Если она слишком велика, активность руководимого оказывается подавлена, он становится "удоборуководимым", но пассивным, - ни шагу без подсказки. Недостаточная доза активности руководителя не менее пагубна: руководимый, лишенный поддержки, убеждается в своей неспособности решить проблему, - и прекращает всякие попытки её решить. Крайности, как им и положено, сходятся, и результат "переруководства" или "недоруководства" одинаков: пассивность - вместо активности, беспомощность - вместо самостоятельности, более или менее выраженный комплекс неполноценности - вместо уверенности в себе. Короче, ошибка в определении "дозы руководства" может затормозить, а то и вообще свести на нет, какое бы то ни было саморазвитие личности. Особенно, пока саморазвитие носит стихийный, неосознаваемый характер. Если личность дорастёт до сознательного саморазвития, то она становится уже сама себе "руководителем", саморазвитие стимулируется уже не только извне, но и изнутри, что и придаёт этому процессу относительную устойчивость к более/менее неблагоприятным внешним условиям.

VI

В экстремальной ситуации, например при инвалидности с детства, особенно при слепоглухонемоте, диалектическое тождество развития и саморазвития выступает с особой наглядностью. Много споров вызывал и вызывает вопрос, в чём специфика экстремальных условий, насколько найденные в них решения проблем правомерно переносить на норму. Мои учителя - А.И. Мещеряков и Э.В. Ильенков - занимали в этом вопросе чёткую и бескомпромиссную позицию. Э.В. Ильенков выразил их общее мнение с особой отчётливостью (и потому - категорично): "...Я понимаю, что слепоглухота не создаёт ни одной, пусть самой микроскопической, проблемы, которая не была бы всеобщей проблемой. Слепоглухота лишь обостряет их, - больше она не делает ничего" (20). Классический пример такого обострения приведён выше - закон совместно-разделённого дозированного действия, который принимали (а кое-кто ХОТЕЛ . о принимать) за "специфическую методику" обучения слепоглухонемых детей, да и то лишь на первоначальном этапе, - а Э.В. Ильенков, и вслед за ним Ф.Т. Михайлов, обосновали и подчеркнули всеобщность этого закона.

приведённая формулировка Э.В. Ильенкова - основополагающая, имплицитно содержит принципиально новую (по сравнению с традиционной) психолого-педагогическую и реабилитологическую стратегию, предполагающую не просто "коррекцию дефекта", но создание условий для достижения нормального - вершинного - уровня личностной полноценности, - уровня "полномочного представителя рода человеческого" как разумной формы жизни, - уровня разумного существа.

В условиях слепоглухоты резко обостряется проблема общения личности с самой собой, с предельной наглядностью выявляется диалектика одиночества и уединения.

Одиночество, как указывает А.И. Мещеряков, - ближайшее и самое губительное для развития личности следствие слепоглухоты, поскольку затрудняет, а при ранней слепоглухоте почти полностью исключает, соучастие окружающих людей в саморазвитии ребёнка. Вообще одиночество может возникнуть вследствие самых разных причин, и в каждом единичном случае в этих причинах надо разбираться специально, но в любом случае это - выпадение из "ансамбля всех общественных отношений" (так вслед за Марксом, Э.В. Ильенков определяет сущность человека), либо изначальная невозможность включиться в этот "ансамбль" (при врожденной или ранней слепоглухоте, например). Лишая доступа к человеческой сущности, одиночество лишает физической возможности стать и остаться человеком, а не человекоподобным индивидом.

Думается, целесообразно различать две основные формы одиночества - объективную и субъективную. Критерий различения - неосознанность либо осознанность одиночества самой его жертвой. Рано оглохший слепой или слепоглухорождённый ребёнок своего одиночества осознавать не может, - он просто не знает ничего другого, а потому и не переживает по этому поводу. Следовательно, его одиночество носит объективный характер: оно есть как факт, но его нет как сознательного переживания.

Другое дело - одиночество субъективное. Оно потому и субъективно, что так или иначе осознаётся и более/менее тяжело переживается. Здесь вы уже не просто объект, а субъект своего одиночества, вы пытаетесь как-то (пусть неверно) понять его причины, и либо предпринимаете активные попытки преодолеть своё одиночество, либо с ним смиряетесь, замыкаетесь в нём, считая мир непоправимо к вам жестоким, прячась от его жестокости в озлобление, в самоизоляцию.

Способность к уединению, наоборот, - важнейший показатель личностной зрелости, наличия потребности в "труде души" (Н. Заболоцкий) (21), то есть в творчестве и самосозидании (сознательном саморазвитии). Первоначально эта способность формируется, когда у ребёнка появляются увлечения, которым он готов предаваться и в одиночку. При слепоглухоте или детском церебральном параличе это едва ли не решающий фактор саморазвития, достижения личностной полноценности в условиях дефицита общения. Особенно страшна неспособность к уединённому труду души при слепоглухоте. Без такого труда слепоглухой не может создать сколько-нибудь целостной и адекватной картины окружающего мира, не может вести целостного образа жизни, а следовательно, и как личность представляет собой фрагменты, случайные обрывки человеческой культуры, главным образом бытовой, ибо целостность (не цельность, а именно целостность, допускающая величайшую внутреннюю противоречивость) личности возможна только при интенсивном труде души.

Однако такой труд предполагает мощную мотивацию, сильную, непреодолимую потребность. Способствовать её формированию уверенно - в массовом, поголовном масштабе - пока не научились, зато всегда успешно мешали рутинностью и казёнщиной психолого-педагогической практики,

учёбой ради учёбы или ради каких-то внеучебных, а главное - внеличностных целей.

Анализируя диалектику одиночества и уединения, пытаюсь осмыслить свой психолого-педагогический опыт, я пришёл к периодизации развития/саморазвития личности, основанной на внутренней личностной логике развития, без жёсткой корреляции с теми или иными паспортно-возрастными рамками. По критерию этой внутренней логики выделяются следующие этапы:

1. Стихийное саморазвитие в процессе овладения навыками самообслуживания в быту под руководством и с помощью близкого взрослого. Совпадает с этапом первоначального развития по И.А. Соколянскому и А.И. Мещерякову. О саморазвитии речь идёт потому, что особо акцентируется собственная детская активность, без провоцирования, поощрения, направления которой в совместно-разделённой дозированной деятельности взрослого и ребёнка любые развивающие усилия взрослого результата не дадут. А.И. Мещеряков в этой связи ссылается на П.Я. Гальперина, на его учение о поэтапном формировании умственных действий (первый этап), - формировании, так же обеспечиваемом совместно-разделённой дозированной деятельностью. Саморазвитие ребёнка на этом первом (в предлагаемой мною периодизации) этапе названо стихийным, так как собственная детская активность, без которой оно неосуществимо, носит скорее вынужденный, чем сознательно-добровольный характер. Ребёнок саморазвивается, потому что вынужден делать то, чего от него добиваются, учиться тому, чему его хотят научить, - вынужден вопреки собственному, подчас отчаянному, сопротивлению. Он на этом этапе не может осознать, по выражению Э.В. Ильенкова, "что и как он на самом деле делает", чему и как, а главное - зачем, он вынужден учиться.

2. Стихийное саморазвитие в процессе совместно-разделённой - бытовой, игровой, трудовой и т.д. - деятельности как со взрослыми, так и с детьми, особенно превосходящими по уровню развития, - деятельности, внутри которой совершается речевое развитие от первичного набора сигнальных жестов до свободного владения национальным словесным языком как основным средством общения, в том числе (в перспективе) с самим собой. Так как словесный язык у слепоглухонемых и глухонемых детей носит "официальный" характер, то есть предназначен только для общения со взрослыми, которые этот язык ребёнку навязывают, для него непонятно зачем, - очень важно общение таких детей с нормально слышащими, для которых словесный язык - основное коммуникативное средство, родной, а не "иностраный". И, как показывает совместно-педагогическая практика в лагерях Детского ордена милосердия, в таком общении словесно-речевое развитие глухонемых и слепоглухонемых детей действительно резко ускоряется, ибо словесная речь оказывается нужна для взаимопонимания и как можно более полного самовыражения в какой-либо совместной деятельности, а не для выслушивания нотаций и назиданий взрослых, то есть оказывается действительно жизненно необходимой. Заодно в какой-то мере восполняется и такой существенный пробел в общем развитии глухонемых и особенно слепоглухонемых детей, как неразвитость или даже полное отсутствие ролевой игры. Для решения психологических проблем этого же этапа я давно мечтаю о создании нового средства общения глухонемых и слепоглухонемых детей, - средства общения с заранее заданными характеристиками, которое должно стать аналогом устной речи (этап устной речи у этих детей пропускается, сразу после жестов им даётся письменная речь в виде тех или иных мануальных алфавитов, что самым катастрофическим образом сказывается на их речевом и общем развитии).

3. Стихийно-сознательное саморазвитие в большой ролевой игре и в реализации всевозможных увлечений (лепкой, рисованием, конструированием, драматизациями, чтением, всякого рода попытками литературного "сочинительства"). На этом этапе в творческом уединении, заполненном лепкой, рисованием, чтением и тому подобными занятиями, хотя бы просто фантазированием, зарождается (может зарождаться) умение общаться с самим собой. идёт всё более интенсивный "труд души", в котором накапливается материал для содержательного непосредственного общения. В процессе реализации увлечений, стихийном постольку, поскольку ребёнок занимается тем, что ему нравится, и именно потому, что ему это нравится, не думая, конечно, о том, как это сказывается на темпах, качестве и направленности его саморазвития, - постепенно определяется приоритетная сфера духовных интересов, осознание которой может привести ко всё более сознательному выбору направлений саморазвития и к сознательным же попыткам самореализации в выбранных направлениях. То есть третий этап - переходный между стихийностью и сознательностью саморазвития. Именно на этом этапе начинаются попытки осознания не только мира вокруг себя, но и себя в мире, прежде всего своего места среди других людей. Пока ещё на эмоциональном уровне формируются начатки будущей мировоззренческой системы, формируются эмоционально-мотивационные предпочтения, которые позже определяют мировоззренческий выбор.

4. Сознательное саморазвитие в зрелом творчестве и самотворчестве. Формирование мировоззренческой системы (картины мира) на основе ранее возникших эмоционально-мотивационных предпочтений. С опорой на мировоззренческую систему - определение смысла жизни и попытки его сознательной реализации в образе жизни (при условии достаточного стимулирования воли к жизни и жажды жизни как извне (прежде всего наличие-отсутствие изоляции, одиночества), так и изнутри (особенно совесть и любовь, причём не столько к себе, сколько своя)).

Формирование же человеческого или бесчеловечного образа действий идёт с самого начала, на всех перечисленных этапах саморазвития, буквально с пелёнок, как выбор способа выхода из различных конфликтных ситуаций в разнообразном общении с окружающими людьми, - выбор способа реагирования на чужую и свою человечность или бесчеловечность в том или ином единичном случае. Нарочитый нажим на термин "саморазвитие" подчёркивает собственную активную роль растущего человека как субъекта своей жизни, - сначала стихийного, а затем всё более сознательного субъекта. Возрастные рамки выделенных этапов (периодов) развития могут быть очень сжаты или крайне растянуты, - в зависимости как раз от собственной активности субъекта саморазвития, от того, насколько она стимулируется или подавляется другими участниками этого процесса.

VII

К гипотезе о сензитивных периодах детского развития до недавнего времени я относился крайне враждебно, так как знал только фаталистические спекуляции на сензитивности, грубую фаталистическую подгонку и упрощение феномена сензитивности.

Сензитивность в фаталистической интерпретации жёстко привязывается, во-первых, к определённомu возрастному состоянию нервной системы, и прежде всего мозга, а во-вторых и поэтому - к жёстко определённым календарно-паспортным возрастным рамкам. Фатализм заключается в том, что либо именно в этом паспортном возрасте будут сформированы те или иные психические способности, либо человек так и обречён на недоразвитие этих способностей навсегда, "потому что" упущено благоприятное для их формирования - сензитивное - возрастное состояние нервной системы, и в первую очередь головного мозга.

Слишком уж часто на практике ссылки на пропуск того или иного "сензитивного периода" - просто способ отмахнуться от конкретного исследования точных причин недоразвития в том или ином отношении. Особенно опасны такие ссылки в применении к слепоглухонемым и глухонемым детям, задержка развития которых может быть объяснена без всякого обращения к возрастной физиологии, чисто психологическими причинами, - прежде всего дефицитом нормального речевого общения, а в случае слепоглухоты - объективным (а при первых же проблесках сознания и субъективным) одиночеством, степень которого зрячеслышащим трудно, если вообще возможно, себе представить.

Но в разгар подготовки докторской диссертации, менее формальный вариант которой и представляет собой данная работа, мне удалось познакомиться с замечательной обзорной статьёй Н.С. Лейтеса по психологическим проблемам сензитивности детства (22), которая заставила меня несколько пересмотреть и уточнить свои взгляды по этому вопросу. Вот сводка выводов, сделанных мною в ходе активного (с подробнейшим письменным реагированием на текст) чтения этой статьи. Подчёркиваю, что за выводы эти вся ответственность на мне, а не на Н.С. Лейтесе, - я не ограничивал свои реакции рамками его статьи и вышел далеко за её пределы.

Существование сензитивных периодов общепризнано классиками психологической науки.

Любой сензитивный период обусловлен не только стадией возрастнo-физиологического созревания организма, но и предшествующим собственно психологическим развитием личности, внутренней логикой течения этого процесса. Да и возрастнo-физиологический фактор крайне изменчив, так же обусловлен не только изнутри, но и извне, - условия питания, тяжесть перенесённых заболеваний, разного рода терапевтическое вмешательство в ход возрастнo-физиологического созревания, вообще весь образ жизни.

Если ставить сензитивный период в зависимость от внутренней логики саморазвития личности, а не только от возрастнo-физиологического состояния организма, то сензитивный период может вообще не наступить, каким бы благоприятным ни был возрастнo-физиологический момент.

Итак, намечаются два аспекта исследования сензитивного периода: возрастнo-физиологический и собственно психологический. При рассмотрении обоих аспектов возможны два подхода, определяющих ту или иную концептуальную интерпретацию фактов, связанных с сензитивностью. Я бы рискнул назвать один из этих подходов фаталистическим (явления сензитивности используются для доказательства фатальной, роковой неизбежности того или иного варианта развития), а другой подход я бы назвал антифаталистическим или, может быть, вариативным, отрицающим фатальную неизбежность того или иного варианта, предполагающим преодоление возникшей патологии развития, а ни в коем случае не оправдание её, и обязательно - очень конкретный, индивидуальный анализ причин этой патологии, без поспешных ссылок на что бы то ни было. В терминологии других моих работ, посвящённых психолого-педагогическим открытиям А.И. Мещерякова и их философской интерпретации Э.В. Ильенковым, фатализму соответствует психолого-педагогический пессимизм, а антифатализму - психолого-педагогический оптимизм.

Меня проблема сензитивности интересует и волнует прежде всего с этой, по существу этической, стороны. Для чего используются явления сензитивности - для оправдания психолого-педагогической безответственности или для повышения ответственности? От ответа на этот вопрос зависит и формулировка определённой концепции

сензитивности в возрастно-физиологическом и в психолого-педагогическом её аспектах. Ответ же определяется фаталистической или антифаталистической ориентацией. У меня ориентация безоговорочно антифаталистическая.

Сензитивная ситуация может наступить и раньше, и позже, в зависимости от предшествовавшей логики развития. Жёсткой корреляции с календарно-паспортным возрастом нет.

Фактор эмоциональной значимости можно считать весьма важным сензитивным, то есть благоприятствующим успеху деятельности и быстроте достижения этого успеха, фактором.

Сензитивность, собственно - это не просто нечто чему-то благоприятствующее, а прежде всего повышенная восприимчивость. Н.С. Лейтес пишет о "сензитивности индивида к формирующим факторам деятельности или среды".

Этой повышенной восприимчивостью к формирующим факторам и объясняется то, что сензитивные периоды определяются как оптимальные периоды обучения.

Медицински нормальный мозг - это общее условие всякого нормального варианта развития, независимо от проблемы сензитивности. Как и условие преодоления патологии развития, связанной, например, с сенсорной или двигательной инвалидностью.

Для Н.С. Лейтеса "несомненно", "что по-своему сензитивны и критические периоды". (Имеется в виду периодизация детского развития, предложенная Л.С. Выготским (23), по которой периоды стабильного развития чередуются с критическими периодами.) Таким образом, всё детство сензитивно без перерывов! Вопрос лишь в том, когда - к чему, а главное - почему. "Гипотеза мозга", то бишь ссылка на возрастно-физиологическое состояние организма, а тем более на ту или иную патологию головного мозга, при ответе на вопрос "почему?" должна быть последней, а никак не первой.

А.В. Запорожец, которого цитирует Н.С. Лейтес, прямо говорит о сензитивности (заклучая это слово в кавычки), или об особой

чувствительности, сенсильности, то есть избирательной чувствительности (без кавычек), всего детства во все его периоды. Но вообще-то создаётся впечатление, что весь научный анализ проблемы сензитивности обычно слабо сопрягается с непосредственной психолого-педагогической практикой, и совсем не сопрягается с психолого-педагогической этикой.

Вне контекста психолого-педагогической этики какие бы то ни было проблемы детского развития, а тем более проблему детской сензитивности, вряд ли можно решить по-настоящему. А контекст психолого-педагогической этики - это не что иное, как контекст безответственного либо ответственного отношения к детскому развитию. Безответственность легче всего оправдать фатализмом, то есть нашим принципиальным бессилием что-либо изменить в объективном ходе вещей, как-либо повлиять на этот ход. Ответственность же в глубочайшей своей сути антифаталистична, - нельзя же брать на себя ответственность за то, что от тебя никак не зависит; если же берёшь - значит, надеешься

что-то изменить. Ответственный подход к детскому развитию предполагает не поиск "оправдания" тому, что детское развитие пошло так, а не иначе, как бы ни пошло (это и был бы фатализм), а поиск точных причин нежелательного хода развития и, насколько возможно, устранение этих причин с целью оптимизации развития.

"Итак, все этапы детства в широком значении этого слова

сензитивны", - резюмирует Н.С. Лейтес.

Несомненно, определённая сензитивность может характеризовать и юношеские, и зрелые периоды развития, и, кто знает, даже пожилые, когда, казалось бы, какая уж там повышенная восприимчивость на фоне атеросклероза и прочих прелестей. Развитие продолжается - во всяком случае, может И ДОЛЖНО . о продолжаться, - от рождения до смерти. В течение этого времени меняется система интересов личности, смещаются акценты в этой системе, вновь и вновь уточняется мировоззрение, появляется интерес и вместе с ним повышенная избирательная восприимчивость (а это и есть, как я понял, главная психологическая характеристика сензитивности) к тому, к чему раньше человек был безразличен. Поэтому, думаю, вывод Н.С. Лейтеса о сензитивности всего детства можно распространить на всю человеческую жизнь. Трудно что-либо утверждать определённое, но посмотреть с точки зрения сензитивности на весь жизненный цикл, включая пожилой возраст, было бы очень интересно. Например, общеизвестен факт особой близости и взаимопонимания многих стариков и детей. Закат жизни может стимулировать переосмысление жизни, окончательное определение её смысла, даже если над этим не задумывались раньше. А уж повышенная восприимчивость к тем, от кого зависит наше благополучие, - это, наверное, во всех возрастах. Словом, повторяю, было бы очень интересно пересмотреть накопленный психологией фактический материал с точки зрения идеи о "сквозной сензитивности", об устойчивой избирательной восприимчивости к одному и тому же в течение всей жизни, а так же с точки зрения идеи о том, что по-своему сензитивны не только все детские, но и все вообще человеческие возрасты. Такой непривычный, нетрадиционный взгляд мог бы привести к очень неожиданным и ценным обобщениям...

Сензитивность можно понять и как потенциал развития. Тогда это было бы интересно рассмотреть в контексте учения Л.С. Выготского о Зонах Ближайшего Развития: то, к чему именно сензитивен человек в данный период, определяет содержание этих зон (или, может быть, наоборот - определяется этим содержанием). В таком контексте зависимость сензитивности от внутренней логики саморазвития личности выступает особенно наглядно, ибо зона ближайшего развития - это его ближайшее завтра, тот уровень, который уже подготовлен всем предшествующим ходом развития, и который остаётся только реализовать, актуализировать с помощью других людей. Если развитие вообще не прервалось по какой-то причине, то зона ближайшего развития есть всегда, в любом возрасте, не только в детстве, но и в течение всей жизни. В зрелом и пожилом возрасте это, прежде всего, зона ближайшего творчества.

Например, если бы не вопросы А.А. Бодалёва о специфике общения при слепоглухоте, я вряд ли написал бы работу "Вчувствоваться, Вдуматься..."; а если бы не предложение В.Э. Чудновского обсудить проблемы смысла жизни и не наша с ним переписка по этим проблемам, я вряд ли бы написал работу "Смысл Жизни и Воля к Жизни", как и все остальные работы этого цикла. Но если бы всем ходом предшествующего развития, его внутренней логикой я не был подготовлен к обсуждению этих проблем, то ни А.А. Бодалёв, ни В.Э. Чудновский не смогли бы меня вдохновить, - не на что было бы вдохновлять. С другой стороны, без общения с А.А. Бодалёвым и В.Э. Чудновским я не смог бы реализовать свой творческий потенциал в области указанной проблематики именно так, как реализовал, а не по-другому, хотя по-другому реализовал бы, наверное, в любом случае. Правда, эта реализация, если бы я варился в собственном соку, могла бы получиться куда более бледной и

фрагментарной.

Повторяю, зона ближайшего развития есть всегда, поскольку есть вообще развитие, и это, может быть, ещё один аргумент в пользу идеи о специфической сензитивности любого, даже пожилого возраста.

Очень интересна идея Н.С. Лейтеса о том, что сензитивность, свойственная обычно разным возрастным периодам, может сконцентрироваться в одном, более раннем, и тогда получается "опережающая сензитивность" (кавычки указывают не на то, что я цитирую Н.С. Лейтеса, а на некоторую образность данного выражения). В этом случае сензитивность, помноженная на сензитивность, даёт в произведении вундеркинда. Но к предположению Н.С. Лейтеса о чисто возрастной природе феномена вундеркиндов я не спешил бы присоединяться. Это для меня совершенно неубедительный вывод. То, что результатом такой "опережающей сензитивности" далеко не всегда становится формирование каких-то "социально значимых способностей" (Н.С. Лейтес), может объясняться сложнейшим комплексом причин, а не тем лишь, что тебе стукнуло больше лет, чем следует. Тут нужен глубокий анализ каждого данного варианта развития.

Н.С. Лейтес упоминает и обратный случай, когда те или иные способности неожиданно вспыхивают, "проявляются" позже, чем "следовало бы" по известной статистике возрастного развития. Но вообще-то, обсуждая опережение и задержку развития, Н.С. Лейтес имеет в виду то и другое только в пределах обычной вариативности развития. Я же, когда заговариваю о задержке развития, привык иметь в виду патологические варианты, связанные с ранней глухотой и ещё с чем-нибудь подобным, и в соответствии со своим антифатализмом постоянно подразумеваю задачу преодоления этой патологии.

Основа фаталистических спекуляций на сензитивности, как и вообще на проблемах детского развития и социального прогресса - идея о той или иной предопределённости указанных процессов. В. Франкл (24), развивая свою концепцию о свободе, говорит, что человек становится собственно человеком, то есть "духовным существом", только освободившись от каких бы то ни было предопределённостей, то есть определив свою личностную, духовную позицию по отношению к условиям своего бытия, прежде всего определив, быть ли и оставаться ли человеком в любых условиях. Франкл выделяет три вида предопределённостей или обусловленностей человеческого бытия: среда, влечения и наследственность. Я добавил бы к ним четвёртый вид - предопределённость внутренней логикой развития/саморазвития, то есть всей его историей, всем его ходом от рождения до настоящего момента и даже дальше, если процесс развития/саморазвития не прекратился и если, следовательно, у него есть перспектива - зона ближайшего развития. По давней подсказке Б.М. Бим-Бада, который ссылаясь на И. Канта, я назвал этот четвёртый обуславливающий или предопределяющий характер нашего бытия фактор "апперцептивной предопределённости" направленности саморазвития. (Термин спорный, но лучшего найти пока не сумел.)

Под апперцепцией в данном случае имеется в виду система положительных и отрицательных тенденций саморазвития, всевозможных поведенческих, эмоционально-мотивационных, познавательных стереотипов, - система, от которой зависят перспективы саморазвития, или ограниченность перспектив, или даже полное их отсутствие. Короче говоря, апперцептивная предопределённость - это и есть внутренняя логика саморазвития, обусловленная всей его предшествующей данному моменту историей и наличными результатами, а потому обуславливающая и его перспективность либо бесперспективность. Само собой разумеется, что апперцептивная предопределённость саморазвития создаётся усилиями

не только самог'о субъекта саморазвития, но и всех окружающих его людей. Само собой разумеется так же, что апперцептивной предопределённостью саморазвития не отменяется сознательный выбор направленности этого процесса, а лишь определяется, способен ли вообще субъект на такой выбор, и в какой степени способен. Иначе говоря, обоснованное Франклом понимание свободы сохраняет всю свою силу и по отношению к этому четвёртому предопределяющему человеческое бытие фактору, как и по отношению к трём выделенным Франклом.

Апперцептивные предопределённости могут быть очень разными; следовательно, можно ставить вопрос об их типологии. Ниже эта типология бегло и намечена:

1. Апперцептивная предопределённость безграничного саморазвития в самых разных направлениях, обрываемого только физической смертью (это апперцептивная предопределённость личности как универсального, разумного существа, и центральная психолого-педагогическая проблема вообще и данной работы в частности - как раз выяснение условий, обеспечивающих создание такой универсальной апперцептивной предопределённости, предопределяющей только свободу от любых предопределённостей, то есть свободу сознательного выбора направленности саморазвития).

2. Апперцептивная предопределённость ограниченного саморазвития, - ограниченного какими-либо поведенческими, эмоционально-мотивационными, познавательными стереотипами, предрассудками, которых человек не может или не хочет преодолеть (например, догматизмом).

3. Апперцептивная предопределённость деградации, а не саморазвития, полное безразличие ко всему, нежелание чему-либо учиться, чем-либо серьёзно заниматься (здесь по критерию точных причин отсутствия перспектив саморазвития можно выделить массу подвидов этого деградационного типа апперцептивной предопределённости, анализ и описание которых могли бы стать предметом не одной диссертации).

VIII

Стихийная практика человечности (на этапе её формирования, на этапе первоначал=ого становления человеческого образа жизни) в процессе развития/саморазвития может осуществляться по-разному.

До сих пор человечности в большинстве случаев учились через бесчеловечность - окружающих по отношению к себе и своей по отношению к окружающим. Я предложил бы назвать это негативным механизмом формирования человечности: ты чувствуешь собственную боль, видишь боль, причинённую тобой другим (боль не только и не столько физическую, сколько душевную), и пытаешься в дальнейшем как-то этого избежать, как-то хотя бы уменьшить остроту боли от своей и чужой бесчеловечности, - уменьшить количество случаев бесчеловечности, свести его к какому-то неизбежному минимуму, если уж никак нельзя в каждой единичной ситуации вовремя сориентироваться и не допустить

бесчеловечности ни с чьей стороны. В данном, негативном, варианте в качестве фактора формирования человечности выступает боль. Но к боли можно притерпеться, более того, можно принять её за нечто "нормальное", вплоть до наслаждения ею (садизм и мазохизм, - в пору вспомнить Фрейда (25)), вплоть до оправдания причиняемой тобою боли отсутствием у жертвы "чувства юмора". Боль может, таким образом, сформировать как особую чуткость, повышенную ранимость и деликатность, так и толстокожесть, равнодушие, - со стороны палача, а со стороны жертвы - забитость, запуганность, полное безволие, страх ответственности, "удоборуководимость", как называл это Э.В. Ильенков.

Я сам испытал на себе действие боли как фактора формирования человечности, и хотя проблему человечности этот "фактор" передо мной поставил с особой остротой, вынудив её решать, не оставив никакого другого выбора, - немало оказалось и "побочных следствий" в виде неврозов, депрессии вплоть до суицидного комплекса, и т.п. Поэтому негативный механизм формирования человечности через боль от бесчеловечности я никак не могу признать нормальным, при всей его распространённости, а скорее склонен считать КАТАСТРОФИЧЕСКИМ . о.

Независимо от Я. Корчака (книгу которого "Как любить детей" (26) я прочитал. когда уже написал собственную (27)) мне пришлось остро ставить и жёстко анализировать проблему духовного насилия не только взрослого над ребёнком, но и здорового (самого что ни на есть "милосердного" даже) над инвалидом, вообще людей друг над другом. "Духовный террор" и "словоприкладство" страшнее любого физического террора и рукоприкладства.

Работая в Загорском детском доме для слепоглухонемых детей (ныне Сергиев-Посадском реабилитационном центре слепоглухих) и в Детском ордена милосердия, я противопоставил "духовному террору" концепцию взаимной человечности как взаимного соучастия в саморазвитии друг друга (в том числе соучастия, пусть бессознательного, самых маленьких, новорожденных детей в саморазвитии взрослых; в этом опираюсь на идеи Ф.Т. Михайлова о воссоздании - а не присвоении - культуры и о том, что все мы суть "органы человеческой" (а не физиологической) "жизнедеятельности" друг друга).

Именно "издержки" (мягко говоря) негативного механизма формирования человечности бесчеловечностью поставили передо мной проблему поиска и обоснования другого, нормального, положительного и куда более эффективного с точки зрения формирования именно человечности, а не бесчеловечности, механизма, - ПРОБЛЕМУ ФОРМИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ ЧЕЛОВЕЧНОСТЬЮ ЖЕ . о. Фактором саморазвития личности в гуманистическом направлении должна быть именно взаимная человечность - сначала по отношению к сам'ой личности, и ответная по отношению к окружающим людям, - а не взаимная жестокость. К этому стремлюсь и в собственном общении с самыми разными людьми, и в психолого-педагогической практике на базе Детского ордена милосердия.

Может быть, такая цель - заменить негативный, катастрофический механизм положительным, нормальным, - кому-то покажется утопией. В своё оправдание могу сослаться опять на Фромма, который, излагая свою программу гуманистического переустройства мирового сообщества, говорил, что от частных, косметического характера, проектов - никакой пользы, так как они не затрагивают системы в целом, где и коренится зло, а утопия плодотворна хотя бы тем, что предлагает принципиально новую идею и стратегию лечения болезни, опираясь на точный, без апологетических смягчений, диагноз. Фромм пишет: "...Те, кто впал в отчаяние, хотя и скрывают своё отчаяние под маской оптимизма, не обязательно самые мудрые. Но и те, кто ещё не потерял надежду, могут достигнуть цели только в том случае, если они трезвые реалисты, отказавшиеся от всех иллюзий и в полной мере осознавшие все трудности. Именно трезвость отличает ДЕЯТЕЛЬНЫХ . о утопистов от "утопистов" ГРЕЗЯЩИХ . о".

Впрочем, положительный механизм формирования человечности человечностью - никакая не утопия, а реальность: он всегда действовал наряду с негативным механизмом, в том числе и в моей жизни. - от взаимно человеческого характера общения с мамой и духовными родителями (прежде всего А.И. Мещеряковым и Э.В. Ильенковым) до

совместно-педагогической практики в Детском ордене милосердия.

Таким образом, есть возможность не только мечтать о норме, но и исследовать, теоретически осмысливать норму, сопоставлять оба пути - катастрофический и нормальный.

Работая с детьми-инвалидами и относительно здоровыми детьми, мне пришлось переосмыслить соотношение милосердия и гуманности (человечности). Они, с одной стороны, противопоставляются друг другу: в случае милосердия человек - пассивный объект обслуживания, а в случае гуманности - активный и даже главный решатель собственных проблем при поддерживающем соучастии окружающих людей, и сам такой же дружественный соучастник решения проблем других людей, то есть принцип милосердия - обслуживание, а принцип гуманности - взаимопомощь. С другой стороны, они соотносятся как ступени (этапы или периоды) конкретизации человечности, восхождения от абстрактно-милосердного обслуживания к конкретно-человечной взаимопомощи, то есть к взаимному осуществлению человечности как принципиального равенства всех людей в достижении личностной полноценности до уровня разумного существа.

Философское осмысление практической реализации человечности даёт гуманизм как мировоззренческую систему. На психологическом уровне действует именно человечность, гуманность, - в качестве основы определённого образа жизни. Основа эта может остаться бессознательной, стихийно реализуемой, а может быть осмыслена, осознана до мировоззренческого уровня, и в этом последнем случае перед нами не просто добрый человек, а сознательный, убеждённый гуманист.

IX

С различием милосердия, гуманности (человечности) и гуманизма логически связана "концепция ложного и истинного героизма". Это просто острая формулировка альтернативы: ИЛИ . о копировать чужой образ жизни (без учёта специфики собственной ситуации, в том числе ситуации физической инвалидности); ИЛИ . о формировать свой собственный образ жизни (строжайше учитывая специфику не только собственной ситуации, но и ситуаций окружающих людей). Применительно к слепоглухоте, для условий которой это различие первоначально и было сделано: ИЛИ . о притворяться здоровыми (зрячеслышащими), игнорируя свою инвалидность, насилая и коверкая себя ради того, чтобы "не выделяться", "быть как все"; ИЛИ . о в самой кошмарной экстремальной ситуации становиться, быть и оставаться самим собой, достигая вершин саморазвития, вершин личностной полноценности, - достигая этих вершин именно БЛАГОДАРЯ . о мужеству считаться с фактом своей инвалидности, изучать её ради преодоления в течение всей жизни. Для себя я с подросткового возраста выбрал второй путь, хотя само противопоставление сформулировал в студенческие годы. Моей сверхзадачей, вопреки физической слепоглухоте (и в чём-то даже благодаря ей), всегда было - стать полноценным, равноправным участником общечеловеческого духовного прогресса. Добиться этого - и значит достичь вершины личностной полноценности, в полном соответствии с концепцией Э.В. Ильенкова о нормальной, гармонично развитой личности.

Пытаясь решить эту сверхзадачу, я в итоге всего своего жизненного пути, в том числе в итоге психолого-педагогического и всякого иного творчества, пришёл к следующим трём условиям полноценности.

Во-первых, уединённый труд души.

Во-вторых, такой уровень самостоятельности, уровень разрешимости своих проблем, уровень формируемости образа жизни в соответствии с личностным потенциалом, который обеспечил бы возможность быть внутренне свободным, то есть быть самим собой.

В-третьих, такой уровень содержательного, глубокого, творческого общения, а не совместного "балдения", который оказался бы достаточным для преодоления любого кризиса, то есть достаточным для того, чтобы не бояться будущего.

С позиций концепции взаимной человечности и в процессе её разработки, опираясь на процитированный выше тезис Э.В. Ильенкова о всеобщности любых проблем, встающих перед слепоглухим человеком, - я попытался поконкретнее интерпретировать гуманистический подход к личностной реабилитации инвалидов, как детей, так и взрослых, как физических, так и духовных (или социальных) инвалидов, - подход, уже заложенный в указанном тезисе Э.В. Ильенкова.

Гуманистический подход не то чтобы противопоставляется традиционному, коррекционному, но ассимилирует его в себе: чтобы наиболее эффективно "корректировать", - например, слепоглухоту, - необходимо научить человечности собственным человеческим отношением к реабилитирующемуся. Но сам принцип - учить человечности человечностью же - общепсихологический и даже общеметодологический, философский, а не специально реабилитологический. В том-то и дело, что при гуманистическом подходе к решению реабилитационных задач реализуется и конкретизируется в экстремальных условиях тот же принцип, который должен работать (но далеко не всегда работает!) и в норме. Иначе нормального результата в ненормальных условиях не получить.

При гуманистическом подходе возможен высший этап личностной самореабилитации, на котором инвалидность выступает не только в качестве объективного ограничителя возможностей, но и в качестве стимула саморазвития личности, чтобы ограничение возможностей инвалидностью либо нейтрализовать, либо вообще снять, либо даже трансформировать по типу фрейдовской "сублимации": невозможно одно - ТЕМ БОЛЕЕ . о возможно, осуществимо другое.

Например, невозможно в общении опираться на видимые и слышимые реакции партнера - ТЕМ БОЛЕЕ . о возможно (деваться некуда, приходится) ориентироваться в общении в основном на интуитивном уровне, не видя, не слыша, а ЧУВСТВУЯ . о, и не столько с помощью осязания, сколько посредством интегрированного и интегрирующего "органа чувств", который иначе как "душой" трудно назвать; ЧУВСТВУЯ . о, иначе говоря, всем существом, всей уже прожитой жизнью, в которой интериоризирована, частично воссоздана история - жизнь человечества. На это я пытался намекнуть в работе "Вчувствоваться, вдуматься..." (28, 29).

Всем опытом жизни, и не в последнюю очередь опытом работы с детьми-инвалидами и относительно здоровыми детьми, я оказался вынужден различать внешнюю (физическую) и внутреннюю (личностную) инвалидность. Оба вида могут сочетаться, что часто и происходит. Внутренняя, личностная инвалидность - она же духовная. Это различие представляет собой характеристику жизненных позиций: для того, чтобы физическая инвалидность не дополнялась внутренней, необходима совершенно определённая личностная позиция, а именно позиция "истинного героизма", то есть взаимной человечности.

Условия для формирования взаимной человечности как принципа личностной реабилитации (и позже - самореабилитации) могут быть созданы, в частности, в совместно-педагогическом процессе (взаимопомощь детей-инвалидов и относительно здоровых детей), организации которого я посильно способствовал в лагерях Детского ордена милосердия. Не надо прятать от ребёнка факт его инвалидности; наоборот, ребёнок должен осознать этот факт в общении с другими детьми, относительно здоровыми или с другими формами инвалидности (например, полезно посмотреть друг на друга слепоглухим и ребятам с

Детским Церебральным Параличом (ДЦП); в лагерях общения Детского ордена милосердия эти ребята встречались друг с другом не раз). Если ребёнок, сравнивая себя с другими детьми, не осознаёт своей инвалидности, он так и останется объектом чьих-то реабилитирующих воздействий, милосердного обслуживания, а сам для себя главным реабилитологом стать не сможет, - следовательно, никогда не поднимется на высший уровень личностной самореабилитации, о котором говорилось выше. Он не научится сам себе организовывать помощь окружающих, в том числе случайных встречных; не научится (даже в голову не придёт учиться) заинтересовывать людей своим личностным - интеллектуальным, эстетическим и, главное, этическим - потенциалом, - а не бить на жалость к "убоному", не вымогать привилегии (хотя учёт его возможностей как физического инвалида совершенно обязателен, это ни в коем случае нельзя игнорировать, но на этом нельзя и спекулировать). Таким образом, физическая инвалидность может оказаться дополнена и усугублена личностной, духовной ущербностью.

Различение внешней и внутренней инвалидности позволяет увидеть, что внутренняя инвалидность возможна без внешней, физической. Именно поэтому в процессе личностной реабилитации инвалидов обоих типов возможно взаимное саморазвитие: восхождение к человечности двух нуждающихся друг в друге и частично ущемлённых в своих способностях человеческих существ. Конечно, в теоретической модели речь идёт о человеческой диаде, а в жизни обычно в процесс вовлекается множество человеческих существ с той или иной степенью внутренней или внешней инвалидности, и потому остро нуждающихся друг в друге. Отсюда правильность суждения Э.В. Ильенкова, что инвалиды - не изгои человеческого мира, а его обычные, рядовые обитатели, ибо все мы в той или иной степени нуждаемся друг в друге, существуем благодаря помощи друг другу, выживаем только вместе, дополняем друг друга в способностях, умениях и видах деятельности. В.Т. Ганжин рассказывал мне, что в буддизме есть поговорка: "каждый из нас может совершить преступление; поэтому на любом человеке лежит обязанность удержать другого от преступления и самому спастись от того же".

Суть совместной педагогики - как раз организация такого "взаимоспасения" с как можно более раннего возраста. Совместно-педагогическая практика и её теоретическое осмысление у меня шли синхронно. В результате удалось, пусть предварительно, сформулировать следующие принципы совместной педагогики.

1. Самый общий, фундаментальный - это принцип взаимной человечности. Все остальные принципы - его конкретизация, уточнение.
2. Принцип надёжности, ответственности за себя перед своими друзьями (он обязателен не только для относительно здоровых, но и для физических инвалидов).
3. Принцип взаимной интеграции.
4. Принцип совместно-разделённой деятельности (взят у А.И. Мещерякова, но переосмыслен вслед за Э.В. Ильенковым и Ф.Т. Михайловым как всеобщий принцип человеческого взаимодействия по любому поводу).
5. Принцип приоритетности содержательного, по поводу общего дела, индивидуального межличностного общения сравнительно со всевозможными массовыми мероприятиями.
6. Принцип постоянного поиска разумной, конкретной, каждый раз индивидуальной, меры сочетания опеки - с интеграцией, обслуживания - с самостоятельностью.
7. Принцип постоянного поиска обходных (в обход физической инвалидности, но поэтому при строжайшем её учёте) вариантов решения проблем (заимствован у Л.С. Выготского, но на основе личного опыта

сильно расширен).

8. Принцип самоопределения личности в диалоге образов жизни (он же принцип взаимоуважения).

9. Принцип полной разновозрастности: дети разных возрастов друг с другом и со взрослыми.

10. Принцип самосоревновательности (соревнования с самим собой) как первичной, исходной формы самоутверждения.

11. Принцип диалектического единства общения с другими и общения с самим собой (уединённого труда души). Иначе - Принцип создания (провоцирования) необходимости, потребности в уединённом труде души, как главной движущей силы сознательного саморазвития.

12. Принцип взаимного доброжелательного сравнения возможностей друг друга с целью их приумножить.

13. принцип взаимного обучения.

14. Принцип индивидуального личностного Акме - пожизненного достижения как можно более высокого уровня развития. От вершины к вершине, каждый раз всё более высокой. (30)

X

Попробуем подвести некоторые итоги.

Человечность окружающих (человечное обращение с ребёнком, неизбежно противостоящее в детском сознании случаям бесчеловечности, которые ребёнок испытывает также на себе, или наблюдает, или сам допускает) и собственная ответная человечность является на первых порах решающим фактором детского саморазвития, направляет его в сторону формирования человеческого образа жизни, а в конце концов человечность превращается в сущность, этический закон образа жизни личности, в его эмоционально-мотивационный фундамент, - механизм, определяющий поведение личности на уровне эмоциональной интуиции, если не на уровне гуманистического мировоззрения. Одновременно формируются представления о человечности (что это такое), постепенно уточняются, конкретизируются в ходе попыток реализации своих представлений о человечности в повседневном общении с окружающими людьми и с самим собой. Первоначально эти представления, естественно, весьма наивны, ограничены личным, пока небольшим, жизненным опытом, что неизбежно обнаруживается при попытках опереться на них в своём поведении. Уточнение, конкретизация ограниченно верных обобщений - весьма болезненный процесс; тем более болезненный, чем упорнее человек за них цепляется, чем сильнее, иными словами, тенденция к их догматизации. В этом смысле и можно говорить о восхождении от абстрактного к конкретному в процессе превращения человечности из фактора саморазвития в этико-эмоционально-интуитивный и мировоззренческий закон сознательно реализуемого образа жизни личности.

Этот процесс не может идти в одних разговорах, диспутах, рассуждениях; они очень вредны, так как приводят к "вербализму" (термин А.И. Мещерякова), то есть к расхождению слов и дел (реального образа жизни), к догматизации, закоснению представлений о человечности вплоть до полной их окаменелости, вплоть до того, что уже не эти представления проверяются практикой общения, а практика оценивается с позиций этих догм, которые практике навязываются. Во всякого рода диспутах велик риск "забалтывания" человечности вместо её практической реализации. Такое "забалтывание" и есть крайняя форма вербализма.

В человечности, как факторе (и впоследствии законе) саморазвития личности, можно выделить три формы предъявления и реализации: реляционную (или декларативную), проблемную и ценностную (или мировоззренческую, гуманистическую).

Реляционная (декларативная) форма связана с задачами

самоопределения индивида в мире людей. Здесь человечность позволяет каждому новому человеческому существу определить себя по правилам образа жизни окружающих людей, начать жить, "как все живут" (человечность здесь предъявляется и реализуется в соответствии с представлениями о морали, вменяемости, честности, справедливости). Здесь наибольшая опасность догматизации, превращения своих представлений в самостоятельную ценность, жёсткий эталон, меру, которой измеряется всё и которая не измеряется, не проверяется ничем. Отсюда принципиальный отказ от учёта специфики конкретных ситуаций в процессе применения этих догм, стремление во что бы то ни стало привести реальность в соответствие с догмами, а не догмы - в соответствие с реальностью (тогда они не были бы догмами), - короче, вера - вместо изучения и учёта фактов. В результате то, что человечно в одних случаях, в других может обернуться бесчеловечностью. Именно такая форма человечности (иногда без кавычек, а чаще в кавычках) непосредственно имеется в виду, когда я пишу об абстрактной человечности.

Пытаясь объяснить разницу между абстрактной и конкретной человечностью подросткам в лагерях Детского ордена милосердия, я говорю им, что бывает "бесчеловечная мораль", и бывает "человечное хулиганство". В последнем случае человек "позволяет себе" (и должен позволять!) то, что "не принято", чего "все" не делают, но что В ДАННОЙ . о ситуации - подлинно человечно, а вот "общепринятое" оказалось бы бесчеловечным.

Примеры при этом беру из своей богатой приключениями практики жизни слепоглухого в мире зрячеслышащих (31). Обычно привожу такой пример: обращать на себя внимание не принято, положено вести себя тихо, скромно, чтобы тебя как можно меньше замечали; но на вокзале меня сбили бы (и сбивали не раз) с ног, в магазине я ничего не смог бы купить, на транспорте я не смог бы ни сесть в электричку или автобус, ни выйти на нужной мне остановке, а в поликлинике я не дождался бы очереди к врачу. Поэтому я ВЫНУЖДЕН . о на вокзале, по меньшей мере, поднимать свою трость повыше, а то и свистеть в спортивный свисток; в магазине, если не удаётся договориться о помощи ни с покупателями, ни с продавцами, я ВЫНУЖДЕН . о проникать в хозяйственные, служебные помещения, куда "посторонним вход воспрещен"; на остановке - просить посадить на нужный вид транспорта, в самом транспорте - просить вывести на нужной остановке; в поликлинике - сразу идти в кабинет врача, и уже там ждать, когда ко мне подойдут, усевшись в сторонке. Всё это примеры человеческого (по отношению к себе) хулиганства, вынужденного бесчеловечностью (в моих условиях) и просто неприменимостью общепринятого стандарта поведения.

В лагерях общения Детского ордена милосердия должны, как минимум, уживаться, а лучше всего дружить, относительно здоровые дети - и больные, причём больные как внутренними болезнями, внешне незаметными (в том числе такими страшными, как лейкемия, опухоль головного мозга), так и с очевидной, пугающе заметной, прямо кричащей инвалидностью (ДЦП, слепота, глухота, слепоглухота). Таким образом создаются уникальнейшие условия для формирования взаимной человечности не в разговорах, не на всяческих диспутах, а в непосредственной практике общения. И на вопрос, для кого полезнее пребывание в таких лагерях - для больных или относительно здоровых детей, - я всегда отвечал однозначно: для здоровых. Именно здесь возможно подлинное нравственное воспитание, возможно ЧЕРЕЗ ДЕТЕЙ . о очеловечивание "большого мира", общества в целом, в котором тяжело больным людям и инвалидам было бы легче чувствовать себя своими, а не отверженными, загнанными в разного

рода "резервации" (от собственной квартиры до всевозможных закрытых учреждений), - не "свободными" разве что прозябать, гнить заживо, а то и умирать с голоду.

Больные дети тоже получают в таких лагерях очень много: они учатся не бояться здоровых, учатся обращаться к ним за помощью, организовывать себе их помощь, учатся - едва ли не главное! - быть им по-человечески интересными своим творчеством, культурой своего отношения к ним, а не только вызывать жалость, частенько брезгливую. Короче, эти лагеря могут быть (и бывают) подлинной школой не реляционной, а ПРОБЛЕМНОЙ . о человечности.

Проблемная форма человечности выступает средством распознавания, постановки и решения всех человеческих, социальных и цивилизационных проблем, - от бытовых до глобальных, космических, - и здесь человечность реализуется через нравственность, ответственность, совесть, деликатность, интеллектуальную интуицию, воображение (вплоть до эстетической интуиции), анализ, мудрость, самопроецирование в будущее. Соответствующий этой форме образ жизни я назвал бы интеллигентностью, свойственной и мыслителям мирового класса, и так называемым "простым" людям, чья доброта обеспечивает им терпимость, интуитивный учёт специфики конкретных ситуаций (той самой специфики, которая вынуждает к "человечному хулиганству") вместо жёсткого декретирования своих догм (именно декретирования, а не только декларирования; без декретирования догматику не устоять, не отстоять себя, так как разумных аргументов в пользу своих догм он привести не может; декретирование во что бы то ни стало, любой ценой, в любой ситуации, вопреки специфике какой бы то ни было ситуации, - как раз и делает мораль догматика бесчеловечной). До адекватного мировоззренческого осмысления собственного образа действий "простой" человек может и не дорасти, но главное - он этот образ действий РЕАЛИЗУЕТ . о. В детстве я называл таких людей "лёгкими в общении", а В.Л. Леви называет их "гениями общения" (32).

Аксиологическая (ценностная) форма - это человечность как система ценностей, сама как ценность, как источник новых ценностей. Это человечность на мировоззренческом уровне, на уровне системы убеждений, то есть гуманизм. На этом уровне человечность предъясвляется и реализуется, вообще получает свой смысл только в сопоставлении с бесчеловечностью и в противопоставлении бесчеловечности (тоже как мировоззренческой системе, как антигуманизму). Это, с одной стороны, ограничивает, затрудняет реализацию системы убеждений в собственном образе жизни, тем более соучастие в жизни других людей и всего человечества; но, с другой стороны, даёт наибольшие возможности для поиска и нахождения принципиально новых решений, путей самоутверждения, самопреодоления и самопорождения личности, - решений и путей, которые никем до того не были увидены, испробованы и доказаны в качестве особо эффективных и полезных для выявления и утверждения родовой, то есть универсальной и в конечном счёте разумной, человеческой сущности. Мало сказать, что гуманизм утверждается в полемике с антигуманизмом; он часто вырастает, выстраивается полностью из материала эмпирически существующей бесчеловечности и антигуманистических идей, представляющих и оправдывающих существование бесчеловечности. Гуманизм, таким образом, вырастает из антигуманизма, как свободный вырастает из раба.

Здесь можно привести массу примеров.

Гуманизм К. Маркса опирался на детальнейший анализ отчуждения как процесса обезчеловечивания человека.

Гуманизм Э. Фромма - теоретическая реакция на реально идущие,

набирающие темп и силу процессы дегуманизации жизни человечества, - в сущности, на то же самое отчуждение.

Гуманизм Э.В. Ильенкова - теоретическая и публицистическая реакция на сциентизм во всех его многообразных проявлениях, - от оценки атомных бомбардировок как "блестящих физических экспериментов" до преформистского оправдания психолого-педагогической и всякой иной безответственности биогенетической предопределённости судьбы личности и прочей "научной" мифологией. Сциентизм был неприемлем для Э.В. Ильенкова как худшая разновидность религии, в которой роль Господа Бога отводится науке, и высшей ценностью объявляется именно наука, - такой высшей ценностью, ради которой можно без колебаний принести в жертву хоть всё человечество. Более кровавый вариант религии трудно себе вообразить. На самом деле, с точки зрения последовательного гуманиста Э.В. Ильенкова, наука должна быть служанкой человечества, средством служения истинной высшей ценности - человеку, а никак не наоборот.

Гуманизм И.А. Ефремова в его романах о будущем - это научно-эстетическая реакция на процесс нарастания inferнальности в человеческой истории, то есть на всё более полную реализацию в человеческой истории религиозных представлений об аде (по-итальянски - inferno) (33).

Я не могу здесь не отметить с глубочайшей благодарностью, что приведённая характеристика трёх форм человечности была бы куда менее ответственной и чёткой, если бы не обсуждалась предварительно с В.Т. Ганжиным.

Не лишне вновь и вновь подчеркнуть, что все сформулированные в данной работе положения возникли как на материале моей психолого-педагогической, особенно совместно-педагогической, практики, так и на материале интроспективного анализа моего жизненного пути. Меня иногда упрекают в "смешении жанров", в совмещении масштаба космической всеобщности с масштабом единичности, уникальности индивидуального личностного становления. Эти крайности сошлись в моём творчестве не случайно; я глубоко убеждён, что в конечном счёте все глобальные проблемы могут быть решены только в жизни индивидов. Между макро-и микроуровнями глобальных проблем нет и быть не может резкой непреходимой границы. Эти уровни не просто взаимопроницаемы, не просто незаметно переходят, как бы переливаются друг в друга, а совпадают, диалектически отождествляются. Нет таких проблем, которые так или иначе стояли бы на одном уровне и не стояли бы на другом. Диалектическое тождество микро- с макро- и макро- с микро- - не только теоретическая интерпретация факта, а сам постоянно эмпирически наблюдаемый факт. И если в этом факте отдавать себе ясный отчёт, то "смешение жанров" оказывается просто неизбежно: оно диктуется предметом исследования. Жанры - это условности, придуманные нами для нашего удобства абстракции; в жизни всё смешано до неразличимости, и осознать эту неразличимость - следующий шаг в теоретическом исследовании после того, как различения сделаны. Разве цель теоретического анализа - не теоретический синтез?..

18 февраля - 15 марта 1996

15 - 16 июня 1997

УПОМИНАЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Э. Фромм. Иметь или Быть? Часть Третья. Новый Человек и Новое Общество. Перевод Н.И. Войсунской, И.И. Коменкович, С.В. Фефулова. Москва, "прогресс", 1990.
 2. К. Маркс. Экономическо-Философские Рукописи 1844 года. - К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. т. 42. М., Политиздат, 1974.
 3. Э.В. Ильенков. Что же такое Личность? - В кн.: "С чего начинается личность?" М., Политиздат, 1979, 1984. См. также: Э.В. Ильенков. Философия и Культура. М., Политиздат, 1991.
 4. В.Э. Чудновский. Смысл жизни: проблема относительной эмансипации от "внешнего" и "внутреннего". - "Психологический Журнал". 1995, #2.
 5. В.И. Ленин. Избранные произведения в четырёх томах. Том второй. М., Политиздат, 1984. О демократии и диктатуре - "Государство и революция" и другие работы.
 6. М.А. Булгаков. Роковые Яйца. - в кн.: М. Булгаков. "Ханский Огонь (повести и рассказы)". М., "Художественная Литература". 1988.
 7. В.И. Вернадский. Автотрофность Человечества. - в кн.: "Русский Космизм. Антология Философской мысли". М., "Педагогика-Пресс", 1993.
 8. Э.В. Ильенков. Об идолах и идеалах. М., Политиздат, 1968.
 9. К. Муздыбаев. Психология Ответственности. - Л., "Наука", 1983.
- Стр. 10.
10. Там же. Стр. 18.
 11. Н.Г. Холодный. Мысли Натуралиста о Природе и человеке. В кн.: "Русский Космизм. Антология Философской Мысли". М., "Педагогика-Пресс", 1993.
 12. П.А. Сорокин. "Жизнь, даже самая тяжелая - это лучшее сокровище в мире". - "Слово", 1994, ##9 - 10.
 13. К. Муздыбаев. Цит. соч., стр. 8.
 14. К. Маркс. Тезисы о Фейербахе. - в кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс. "Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений (новая публикация первой главы "Немецкой Идеологии)". М., Политиздат, 1966.
 15. А.И. Мещеряков. Слепоглухонемые дети. Развитие психики в процессе формирования их поведения. - М., "Педагогика", 1974.
 16. Э.В. Ильенков. Откуда берётся ум? - В кн.: Э.В. Ильенков. "Философия и Культура". М., Политиздат, 1991.
 17. А.В. Суворов. Оптимисты (к 70-летию А.И. Мещерякова и Э.В. Ильенкова). - "Философские Исследования", 1994, #1. О приводимой Э.В. Ильенковым этимологии слова "руководство" ("руководить, рукой водить") - в приложении 1 к этой статье.
 18. Термин "совместно-разделённая дозированная деятельность" особенно широко используется А.В. Апрашевым во всех его научно-популярных работах. См., например, его книгу "Тифлосурдопедагогика", М., "Педагогика", 1984.
 19. Ф.Т. Михайлов. Общественное Сознание и Самосознание Индивида. автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук. М., 1987.
 20. Э.В. Ильенков - А.В. Суворову. Письмо от 12 августа 1974. В кн.: Э.В. Ильенков. Философия и Культура. М., Политиздат, 1991. В приложениях.
 21. Н. Заболоцкий. "Не позволяй душе лениться...". - В кн.: Н. Заболоцкий. Стихотворения. М., "Советская Россия", 1985.
 22. Н.С. Лейтес. К проблеме сензитивных периодов психического развития человека. - В кн.: "принцип Развития в психологии", М., "Наука", 1978.
 23. Л.С. Выготский. Проблемы возрастной периодизации детского

развития. - "Вопросы психологии", 1972, N2.

24. В. Франкл. Человек в поисках смысла. М., "Прогресс", 1990.

25. З. Фрейд. Психология Бессознательного. М., "Просвещение", 1989.

26. Я. Корчак. Как Любить Детей. М., "Знание", 1968.

27. А.В. Суворов. Школа взаимной человечности. М., издательство УРАО, 1995. Представляет собой сокращённый вариант неопубликованной работы "Ростки совместной педагогики".

28. А.В. Суворов. Вчувствоваться, вдуматься... "Психологический Журнал", 1995, #2. См. так же настоящее издание, в котором эта работа впервые печатается полностью.

29. А. Суворов. Секреты Восприятия. - "Наша жизнь", 1995, ##10, 11, 12. (Вариант "Вчувствоваться, вдуматься..." для массового читателя.)

30. О принципах совместной педагогики чуть подробнее см. следующую, заключительную статью в настоящем издании.

31. А.В. Суворов. Слепоглухой в мире зрячеслышащих. М., "Логос", 1996. (Издание Всероссийского общества слепых.) Там богатая россыпь примеров моего "человечного хулиганства".

32. В.Л. Леви. Искусство Быть Другим. - М., "Знание", 1980.

33. Иван Ефремов. Час Быка. "Молодая гвардия", М., 1970.

ПРИНЦИПЫ СОВМЕСТНОЙ ПЕДАГОГИКИ (МОЙ ОПЫТ РАБОТЫ С . о ДЕТЬМИ)

Посвящается

всем моим учителям

и сотрудникам по работе с детьми

Принципы, о которых пойдёт речь, сформулированы в моей докторской диссертации "Человечность как фактор саморазвития личности" (1996). Они - результат переосмысления всего моего наличного теоретического багажа с точки зрения шестнадцатилетнего опыта практической работы с детьми. В этой практической работе я бы выделил пять этапов.

На первом этапе я ориентировался в психолого-педагогической проблематике, пытаясь хоть как-то помочь в развитии слепоглухим воспитанникам Загорского (теперь Сергиев-Посадского) реабилитационного центра. В результате этой ориентировки я пришёл к выводу, который никого не удивит: непосредственная причина задержки личностного развития этих детей - дефицит общения. Следовательно, этот дефицит надо как-то преодолеть. У меня было постоянное желание "размножиться" так, чтобы одновременно круглые сутки находиться с каждым из детей. Но поскольку это невозможно, естественно возникала мысль: нельзя ли привлечь к ним побольше других людей - и детей и взрослых, - так, чтобы у каждого был друг, а то и не один? Вполне здоровый, или тоже инвалид, может быть, какой-то другой категории инвалидности, - безразлично: лишь бы друг.

В то время (первая половина 80-х) над Загорским учреждением шефствовало Строительно-педагогическое объединение "Радуга", члены которого и стали первыми на моей памяти - и, пожалуй, самыми верными, - друзьями этих ребятишек.

На втором этапе в поисках новых и новых друзей для слепоглухих ребят я обратился к детям зрячеслышащим, стал ездить в обычные детские

летние лагеря. В первый раз поехал один, сам попробовал - и очень удачно - подружиться со зрячеслышащими ребятами в лагере "Салют". И в конце этой первой смены меня уже звали на следующий год вместе со слепоглухими ребятами. Тот этап я для себя так и называю - "Салютровский". осмысливая "салютровский" опыт, я уже пользовался термином "совместная педагогика". Речь шла о том, чтобы не изолировать взаимно детей-инвалидов различных категорий и относительно здоровых детей, а наоборот, специально организовывать их совместную жизнь хотя бы в течение лагерной смены, чтобы они учились общаться между собой, взаимно понимать друг друга, не бояться друг друга. Такую общую жизнь самых разных детей я уже тогда называл "школой взаимной человечности". При этом я исходил и из личного опыта самореабилитации (я слепоглухой), который был удачным постольку, поскольку, во-первых, я не боялся обращаться за помощью в решении своих проблем к любым другим людям, хотя бы и совершенно незнакомым, случайно встреченным; а во-вторых, поскольку никогда не позволял себе считать себя самым несчастным, то есть пытался понять проблемы других людей и помочь им в решении этих проблем, искренне считая, что другому человеку, пусть даже вовсе не инвалиду, может быть гораздо труднее, чем мне. Эти же два условия я считал обязательными и для взаимопонимания детей - инвалидов и неинвалидов, - и потому с самого начала заговорил о взаимной человечности. Впоследствии в докторской диссертации взаимную человечность я и осмыслил как самый первый, главный, фундаментальный принцип совместной педагогики.

На третьем этапе я попробовал выйти за рамки одного лагеря, наладить совместно-педагогический процесс в обычных условиях учебного года. Из московских школьников, регулярно ездивших в Загорск по воскресеньям, образовался отряд "Контакт", которым, вдохновлённый удачным "салютским" опытом, я пытался руководить, то есть брал на себя функции организатора и даже бухгалтера. За эти претензии я был жестоко наказан. Пришлось понять, что мне по силам быть другом отдельных детей, по силам быть теоретиком совместной педагогики, но организовывать процесс я не могу, - могу в нём лишь участвовать.

Чувствовать себя "начальником" я мог лишь тогда, когда рядом был подлинный зрячеслышащий руководитель, полностью контролирующий ситуацию, информирующий меня обо всём, во всё вовлекающий. Владея, благодаря этому человеку, всей полнотой информации, я мог что-то решать, во что-то вмешиваться. Таким человеком была для меня Ирина Владимировна Саломатина. Если же такого человека рядом не оказывалось, я попадал в изоляцию, становился посмешищем у зрячеслышащих детей, наблюдающих мои попытки чем-то "руководить". На "контактовском" этапе это и произошло. И кончилось, конечно, тем, что я категорически отказался от каких бы то ни было претензий на "руководство".

На четвёртом этапе я уже не претендовал даже на участие в общей работе (тоже ведь нужно знать, в какой именно). Я просто хотел быть с детьми, общаться с ними сам - и ничего больше. Если просили в чём-то помочь - радовался и делал, что мог. Сам никуда и ни к кому не лез, боясь быть назойливым, и просто старался быть как бы рядовым членом детского отряда, вообще быть у ребят на виду, дожидаясь, пока хоть с чем-нибудь сами подбегут, - а там видно будет, что с ними вместе делать, как и чем их около себя удерживать.

Я назвал этот этап "Богдановским", потому что в то время поддерживал связь главным образом с отрядом Елены Викторовны Богдановой, ездил в основном в руководимые ею лагеря. Это был этап "зализывания ран" после падения с головокружительной высоты, когда самомнение сменилось комплексом неполноценности, - я не решался делать

даже то, что вполне мог бы, боясь, как бы не оттолкнули, не дали понять, что я путаюсь под ногами. Была глубочайшая неудовлетворённость, хотелось большего - и боялся делать больше. Моё состояние вряд ли понимали, но уже был "спрос" на мою любовь к детям, к которым я тянулся и которые тянулись ко мне в ответ, чувствуя, может быть, мою тоску по ним, да и просто желая около меня погреться.

Только на пятом этапе, который начался в июне 1994 года в лагере "Орлёнок", я наконец почувствовал, что нашёл своё место в общей лагерной работе. Это стало возможным благодаря величайшей чуткости и ответственности председателя Свердловского областного отделения Российского детского фонда Владимира Александровича Пospelова, а также его жены, руководящей Свердловским областным Детским орденом милосердия, Нины Олеговны Пospelовой. Они с самого начала стали заранее планировать моё участие в общей лагерной работе, обговаривая это со мной самим, и я, сразу сориентированный в общих чертах, дальше мог уже действовать самостоятельно. В результате с 1994 года я пережил небывалый для меня подъём и в практической работе с детьми, и в её теоретическом осмыслении.

На практике определилась в общих чертах схема моей работы в лагерях, своего рода алгоритм: во-первых, личная стенгазета, через которую я могу обратиться к ребятам и вожатым с тем, что считаю важным и нужным для них, но о чём в индивидуальном общении может не представиться случая поговорить; во-вторых, выступления перед детскими аудиториями - от всякого рода приветствий до лекционных занятий с ребятами по осмыслению этико-психологической проблематики взаимоотношений между детьми, в том числе с детьми-инвалидами; в-третьих, своего рода индивидуальная психотерапия - неформальное общение с отдельными детьми, содержание для которого всё в большей степени определялось моими выступлениями перед детьми непосредственно и в личной стенной газете. В неформальном общении с детьми стали возможны этические и мировоззренческие беседы вплоть до весьма содержательной и активной переписки после лагеря 1996 года, - ребята освоили в лагере рельефно-точечную письменность Луи Брайля и стали писать мне письма этим способом, чтобы не вынуждать меня искать, кто бы прочитал мне их откровения. Я всегда мечтал о таком уровне общения с детьми, уже был склонен думать, что он почти невозможен, но он всё-таки оказался достижим.

Что касается происходившего одновременно теоретического осмысления практической психолого-педагогической работы, то важнейшим его результатом и стали принципы совместной педагогики, которые я смог сформулировать только в последнем, окончательном варианте докторской диссертации. Из этого факта - когда сформулировал, - видно, с каким трудом давался общий теоретический синтез. Всего получилось четырнадцать принципов, каждый из них может быть темой целой серии отдельных статей, поэтому сейчас я ограничусь предельно беглым перечислением принципов с самым тонким намёком на возможное толстое обоснование их содержания.

1. Принцип взаимной человечности. Это самый фундаментальный принцип, имеющий для совместной педагогики парадигмальное значение, то есть им определяется весь её и теоретический, и практический контекст. Речь идёт о теоретическом поиске и практической реализации условий взаимно человеческого обращения людей друг с другом, о принципиальной возможности воспитания человечности - человечностью, а не разговорами, "подкрепляемыми" голым насилием. Теоретическое, концептуальное обеспечение принципа взаимной человечности предполагает решение всех великих этико-мировоззренческих проблем человечества, ответ - хотя бы

попытку ответа - на вопрос, что значит относиться человечно к себе, к другим людям, к вселенной в целом; что значит быть субъектом человечности для отдельной личности и для всего человечества. Иными словами, речь идёт об осознанном включении психолого-педагогической практики в глобальный, предельно широкий теоретический контекст, с акцентом именно на взаимной человечности: чтобы воспитывать человека, надо же отдать себе теоретический отчёт в том, что такое человек, кого именно мы хотим воспитать.

2. Принцип взаимной надёжности. Этот принцип, как и все остальные, является теоретической и практической конкретизацией принципа взаимной человечности. Принцип взаимной надёжности ставит акцент на необходимости и условиях реализации взаимной ответственности, на категорической недопустимости инфляции обещаний, то есть отношения к собственным обязательствам как к чему-то необязательному (дескать, могу дать слово, могу и назад взять), - короче, на взаимном уважении и самоуважении.

3. Принцип взаимной интеграции. Выделен в антагонистически острой полемике с позицией, согласно которой интеграция инвалидов, - и детей, и взрослых, - среди здоровых - это якобы только их, инвалидов, заботы и проблемы. Смогут интегрироваться - ну и ладно, не смогут - значит, плохо старались. Здоровые якобы не обязаны ничего предпринимать со своей стороны, чтобы помочь, облегчить инвалидам интеграцию. Иногда подобное бездушие "объясняется" тем, что здоровые, дескать, "не готовы" принять инвалидов в свою среду. Я склонен ставить все точки над Y: не хотят. Ведь "неготовность" может быть следствием простого неумения, незнания, как решить проблему, - и рады бы в рай, да дверь не найдут. В данном же случае речь идёт именно об откровенном, циничном до издевательства, до глумления, нежелании принять инвалидов в свою среду. О систематическом шельмовании, нежелании знать инвалидов и знаться с ними, предпочтении пренебрежительно отмахнуться со словами: "Это ваши проблемы!" Для этой бесчеловечной позиции не может быть, не должно быть никакого оправдания, "благовидного объяснения". Единственно человечна только взаимная интеграция, то есть совместное решение инвалидами и здоровыми всех проблем, возникающих при интегрировании инвалидов среди здоровых. И такую взаимную интеграцию желательно наладить с как можно более раннего возраста в совместно-педагогическом процессе, как взаимно-нравственное воспитание тех и других ребят.

4. Принцип совместно-разделённой дозированной деятельности - это конкретный механизм взаимодействия детей между собой и со взрослыми. Как система методических приёмов первоначального обучения слепоглохих детей этот принцип разработан ещё И.А. Соколянским и А.И. Мещеряковым, а на его всеобщее философское и психолого-педагогическое значение указали Э.В. Ильенков, Б.М. Кедров, Ф.Т. Михайлов. Речь идёт о динамике взаимной активности, о соотношении руководства (в том числе в буквальном смысле, когда умелый учит неумелого, действуя его собственными руками) и самостоятельности, о дозировке руководства по мере нарастания самостоятельности. Алгоритм: от совместного действия - через самостоятельное выполнение отдельных элементов действия, при пока ещё совместном выполнении остальных (это и есть совместно-разделённое действие) - к самостоятельному выполнению учеником действия в целом.

5. Принцип преобладания индивидуальных форм работы над массовыми действиями. В лагерях, по-моему, традиционно слишком много массовых мероприятий, праздников, в которых участие инвалидов более/менее проблематично. И если мы хотим на деле, а не только в декларациях,

осуществлять совместную педагогику, мы должны сделать упор на видах деятельности, по возможности доступных всем ребятам, и инвалидам, и относительно здоровым. Здесь необъятное поле для методического творчества с целью обеспечить взаимное демонстрирование, реализацию и наращивание детьми своего творческого потенциала. Во всяком случае, с массовых праздников акцент должен быть перенесён на кружковую работу и спонтанное совместное занятие каким-либо общим увлекательным делом, - вдвоём/втроём/вчетвером. Это предполагает полную перестройку обычной внешкольно-педагогической практики. Но так как нужны серьёзные затраты на всякого рода оборудование, а детское движение по нынешним временам просто нищенствует, реализация данного принципа очень затруднена.

6. Принцип постоянного поиска точного сочетания заботы и самостоятельности. Речь идёт о профилактике детского паразитизма, спекуляций на, с одной стороны, своей якобы беспомощности ("не могу-у-у-у!"), а с другой стороны, на неумной любви к себе, то есть на готовности родителей или ещё кого-то сделать всё для тебя за тебя без тебя. Такой паразитизм возможен у всех детей, но у детей-инвалидов, как и у сирот, его опасность особенно велика - спекуляция на сопливой взрослой, бабьей жалостливости.

7. Принцип постоянного поиска обходных путей решения проблем. Сам термин "обходные пути" предложен Л.С. Выготским, и он же приводит примеры таких обходных путей: в обход слепоты - рельефно-точечная письменность, изобретённая французским слепым Луи Брайлем; в обход глухоты - дактильный (пальцевый) алфавит. Всякие технические средства - тоже обходные пути. Но значение принципа в моей интерпретации куда более универсально: реализация этого принципа обеспечивает личностную самостоятельность, ставит непреодолимый заслон перед "кукловодческими" поползновениями некоторых окружающих людей, то есть перед попытками манипулировать вашим сознанием, превращать вас в чью-то марионетку, в куклу, - следовательно, обезличивать вас. Чтобы остаться самим собой, состояться в качестве личности, а не чьей-то марионетки, необходимо постоянно создавать и поддерживать то, что я называю "альтернативной системой жизнеобеспечения": не стоит замыкать решение всех своих проблем на каком-то одном, сколь угодно близком и заслуживающем хотя бы самого полного доверия человеку; нужно решать свои проблемы с помощью разных людей, обязательно всегда имея запасной вариант. Не представляю, как в условиях инвалидности можно вообще стать и остаться самим собой, состояться в качестве личности, самостоятельного субъекта собственной жизни, - не работая совершенно сознательно и постоянно над созданием и сохранением "альтернативной системы жизнеобеспечения". Система эта полезна всем людям, но в условиях инвалидности она - главный, если не единственный, гарант личностного выживания. Ведь на инвалидности может спекулировать не только сам инвалид, - среди здоровых тоже находятся желающие, которые пытаются подчинить тебя своему абсолютному контролю на том как раз основании, что ты инвалид и сам правильно сориентироваться, правильно собой распорядиться не можешь. "Альтернативная система жизнеобеспечения" обеспечивает возможность вырваться из лап таких спекулянтов, обойти их, и поэтому она - самый главный, магистральный, стратегический из всех возможных обходных путей. Что может быть важнее задачи отстоять себя как личность, обойти любого охотника поманипулировать моим сознанием и моим поведением! Сам для себя я такую "альтернативную систему жизнеобеспечения" создал только к сорока годам, и тогда же - лучше поздно, чем никогда, - осознал её абсолютную необходимость в качестве своего рода личностного иммунитета.

8. Принцип самоопределения личности. "Чтохочуйскому

самоопределению" ("что хочу, то и ворочу") противопоставляется взаимная ответственность, взаимоопределение сначала по обязанностям, а на их основе по правам - взаимоопределение в диалоге образов жизни. Я никого не "формирую", кроме самого себя, но и никому не позволю "формировать" меня без моего ведома и согласия, - вот принцип и содержание диалога образов жизни. Кроме всего прочего отсюда следует, что я сам выбираю себе учителей, как, впрочем, и учителя выбирают меня; я добровольно учусь у тех, кто может научить меня именно тому, чему я сам хочу научиться. И этим людям я бесконечно благодарен, всегда рад случаю подчеркнуть их роль в моей судьбе. Я лично особо благодарен своей маме, Марии Тихоновне Суворовой, а затем А.И. Мещерякову, Э.В. Ильенкову, Б.М. Бим-Баду, А.А. Бодалёву, В.Э. Чудновскому и многим другим людям.

9. Принцип полной разновозрастности. Разновозрастные детские объединения существуют давно и широко распространены, но взрослые руководители подчас чересчур дистанцируются от детских коллективов, ставят себя вне их и над ними. Принцип полной разновозрастности означает, что надо быть не вне детства, не над детством и не под детством ("над" оборачивается самодурством, а "под" - детской вседозволенностью), а внутри детства. Мы должны быть членами детских коллективов точно так же, как и сами дети, только, может быть, более опытными, ответственными и авторитетными членами, но именно членами, а не какими-то божками ("над") или верховыми лошадьми ("под"). Требование полной разновозрастности - это требование включения взрослых в детскую жизнь в качестве её участников, интеграции взрослых среди детей, уважения взрослыми человеческого достоинства детей (корчаковское: они уже сейчас люди, а не когда-то в будущем). И ни в коем случае не позволять себе с детьми того, чего без риска получить отпор не можем позволить себе со взрослыми. Если уж у нас, взрослых, не хватает воспитанности искренне уважать человеческое достоинство детей, то пусть нас остановит хотя бы страх неизбежного грядущего возмездия, когда выросшие дети в трехкратном размере "позволят себе" по отношению к нам всё то, что мы "позволяли себе" по отношению к ним. На самом деле дети ничего не забывают и не прощают унижения.

10. Принцип самосоревновательности. Против манеры горе-педагогов "ставить в пример" одного ребёнка другому, спекулировать на детской азартности, формируя взаимную завистливость, комплексы неполноценности и "сверх"полноценности, неуверенность в себе и самоуверенность вплоть до наглости. Личность ни в коем случае не должна самоутверждаться за чужой счёт. Основой самоутверждения должно быть соревнование с самим собой: сегодня у меня получается то, что не получалось вчера, а завтра получится то, что не получается сегодня. В такой формулировке я заимствую принцип самосоревновательности у Б.М. Бим-Бада, который, когда я был студентом и молодым специалистом, учил меня самоутверждаться именно в соревновании с самим собой. Анализируя с этой точки зрения свой личный детский опыт, я переосмыслил иерархию видов детской игры: высшая форма - не массовая, а одиночная ролевая игра - фантазирование и предтворчество, как основа саморазвития личности.

11. Принцип диалектического единства прямого общения с уединённым трудом души. Импульсы для саморазвития личности даёт первоначально непосредственное общение с окружающими людьми, но как только появляются устойчивые увлечения (ролевой одиночной игрой-фантазированием, книгами, конструированием, музыкой, хоть филателизмом), так возникает и уединённый труд души, потребность в уединении для любимого занятия. Уединённый труд души - это и есть

основная форма саморазвития личности. Путать уединение с одиночеством не надо: одиночество - феномен негативный, а уединение - позитивный. Одиночество - ощущение оторванности от людей, непонятости и неприязни ими, следствие конфликта в сфере прямого общения и сам конфликт (страдание); одиночество может серьёзно деформировать личность, процесс её становления, а то и вовсе оборвать всякое развитие, стать причиной деградации. Уединение, наоборот, позитивно; уединённый труд души - это не что иное, как неумение скучать наедине с самим собой, когда ты сам себе самый интересный собеседник. В уединении можно быть по-настоящему счастливым, причём это высшее счастье - творческое. В уединении личность углубляется, становится всё более содержательной, и тем самым создаётся содержание для прямого общения с окружающими людьми. Если бы не привычка к постоянному уединённому труду души, я ничему не смог бы научиться ни у кого из перечисленных выше и не названных мною людей. Я интересен другим постольку, поскольку интересен самому себе в процессе уединённого труда души. Прежде всего в уединённом труде души я учусь, как сказал Маяковский, "дерзать, думать, хотеть, сметь". Без этого умения мне просто не с чем идти к другим людям. Детей надо специально учить уединяться и любить уединение. Тогда их личностный рост будет прежде всего их проблемой, а не только проблемой воспитателя, и эту проблему они будут решать сами в постоянном соревновании с самими собой. Тогда не нужно будет суетиться по поводу формирования личности извне, - вполне достаточно будет ограничиться ролью помощников, доверенных участников процесса саморазвития, самоформирования ребят. Да, в сущности, ни на что большее мы и не должны претендовать, и лично для меня роль участника детского саморазвития, самоформирования - верх моих психолого-педагогических мечтаний и вожделений. Претендовать на роль буксира, а ребёнка низводить до роли баржи - ни в коем случае не самоходной, - ничего более нелепого, тягостного, неблагодарного придумать нельзя.

12. Принцип взаимного доброжелательного сравнения возможностей. Опять к вопросу о превращении ребёнка если и в баржу, то всё же в самоходную. Здесь речь идёт о необходимости осознания ребёнком-инвалидом своей инвалидности, иначе он никогда не станет субъектом самореабилитации, а останется только объектом чьих-то реабилитирующих усилий. Но чтобы при осознании своей инвалидности ребёнок не получил психотравму, возможно неизлечимую, уже должна существовать к моменту осознания антиэкстремальная коалиция - коалиция людей (взрослых и детей), настроенных доброжелательно, готовых помочь. Взрослый инвалид такую антиэкстремальную коалицию должен создавать вокруг себя самостоятельно, а ребёнку лучше иметь её в готовом виде, в общении же со здоровыми ребятами учиться её создавать. Настрой должен быть следующий: "Пусть я не такой, как другие, чего-то не могу по сравнению с другими, но я не один, вокруг меня друзья". Пожалуй, главная цель совместной педагогики - именно создание такой антиэкстремальной коалиции, благодаря которой каждый ребёнок чувствовал бы себя окружённым друзьями. Тогда сравнение себя с другими, пусть в чём-то и не в свою пользу, боли не причинит, а лишь мобилизует на расширение возможностей в тех пределах, которые допускаются тем или иным физическим недостатком. И ребёнок сможет расширить свои возможности так, как не снилось ни ему самому, ни его друзьям. Такое расширение возможностей за пределы самых смелых представлений о посильном и доступном, превращение слабости в силу, то есть физической инвалидности - в стимул для безграничного саморазвития, - это и есть высший уровень личностной самореабилитации.

13. Принцип взаимного обучения. В условиях совместно-педагогического процесса это значит, прежде всего, что здоровые дети должны понять: у ребёнка-инвалида можно научиться очень многому. А ребёнок-инвалид должен понять, что может научить. Дети вообще любят учиться друг у друга, и авторитетом пользуются у них именно те, у кого можно чему-то научиться, и до тех пор, пока учиться есть чему. ("Авторитет кулака", культ физической силы - зоологическая, а не человеческая, норма; на человеческом уровне это вообще не норма, а патология.) Вот и нужно стараться сделать так, чтобы все без исключения дети были друг для друга "авторитетными специалистами" в той или иной области, - как это имеет место и у взрослых, и как это хорошо получалось у В.А. Сухомлинского в его школе. Пусть лучше всех будет получаться даже "чикание" воздушным шаром (младшие школьники как-то спросили меня, умею ли я "чикать", то есть подбрасывать воздушный шарик головой без помощи рук; их восторгу не было границ, когда оказалось, что не умею).

14. Наконец, принцип индивидуального личностного Акме. Это акмеологический аспект совместной педагогики. Речь идёт о постоянной отмотобилизованности всех сил личности - и духовных, и душевных, и физических. Нельзя расслабляться. Иначе - личностный крах. А постоянная отмотобилизованность предполагает, что ты всю жизнь - с детства до старости - находишься на вершине своих возможностей. Возможности в ходе саморазвития расширяются, и вершина становится всё выше и выше. Сначала это только твоя вершина, твой высший уровень, твоё, пока ещё учебное, достижение; но однажды может оказаться, что твоя вершина - уже не только твоя, а общечеловеческая. Когда умер Карл Маркс, Фридрих Энгельс сказал, что человечество стало на голову ниже, и притом на самую светлую свою голову. В оценке марксовой головы к Энгельсу можно не присоединяться, но здесь важно другое: хорошо бы каждый стремился к тому, чтобы род человеческий стал выше именно на его, этого каждого, голову. Я не только ничего не имею против такого честолюбия, а считаю его единственно нормальным и здоровым.

Я никогда не претендовал на открытие чего-то нового, мне некогда было и не хотелось думать о том, насколько новы мои выводы. Я просто любил и жалел детей, независимо от состояния их здоровья, желал им подлинной человеческой полноценности, к которой сам стремился всю жизнь, пытался помочь им в достижении этой полноценности, одновременно теоретически осмысливая свои попытки. Меня всегда интересовало не то, насколько это ново, а только то, в какой мере ведёт к поставленной цели - либо уводит от неё. Поэтому я очень прошу не оценивать принципы совместной педагогики с точки зрения их научной новизны. Пусть они тысячу раз тривиальны, - лишь бы их соблюдение помогало детям вырастать полноценными людьми.

8 февраля - 17 марта 1997